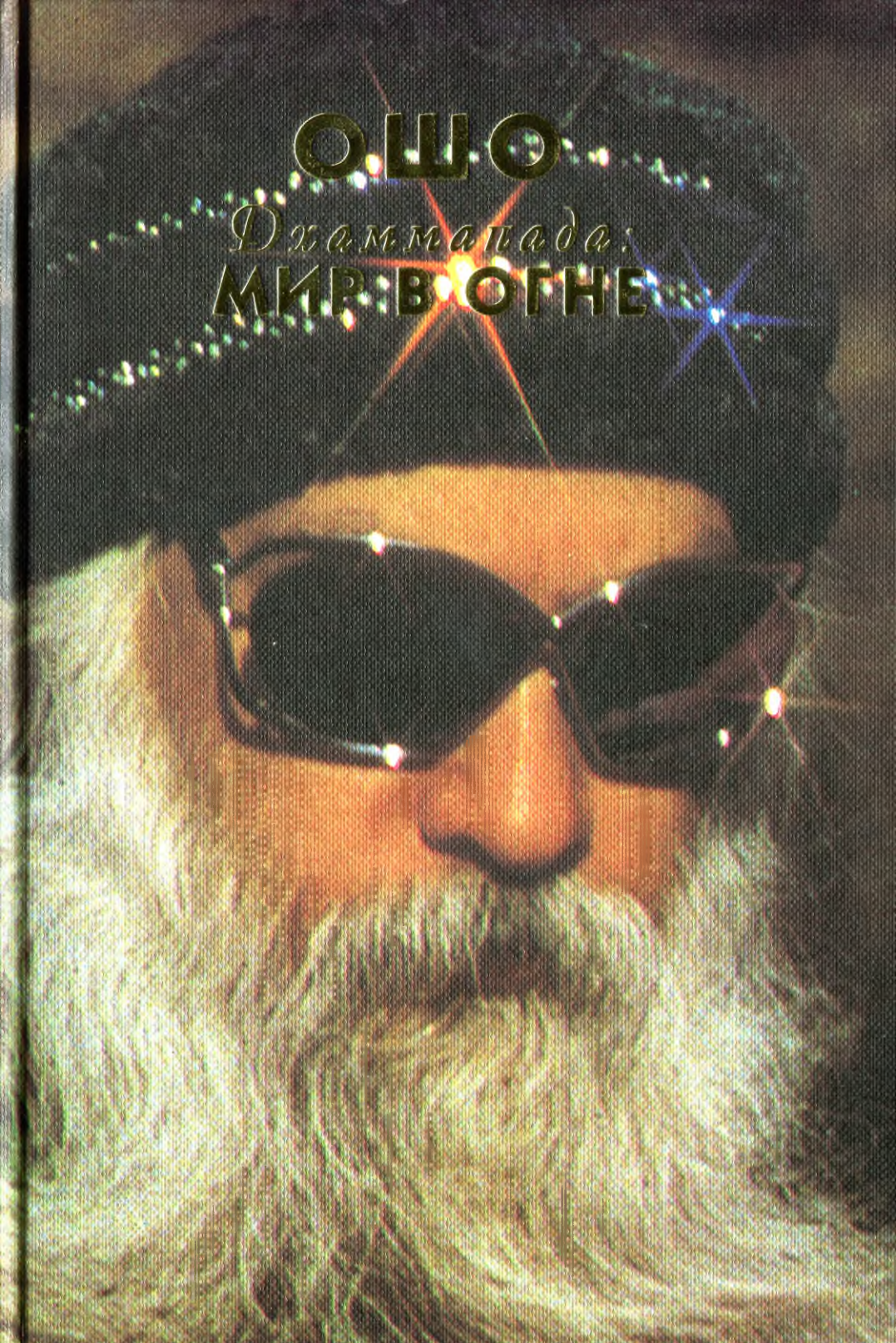

ОШО

Дхаммапада:
МИР В ОГНЕ

ББК 84,5 Ид
096

Ошо
096 Дхаммапада: Мир в огне. Том 5. Москва: ИПА «Три Л»
1998. 304 с.

ISBN 5-7135-0046-35.

Ошо, просветленный индийский мистик, в беседах со своими учениками переводит на язык современности послание Дхаммапады, сборника *сутр* Гаутамы Будды. Эта книга является пятым томом одноименной серии бесед.

«...*Сутра* означает существенное утверждение, без рассуждения, без объяснения, без украшений — лишь простая обнаженная суть. Они должны были быть сжатыми, как телеграмма, чтобы люди могли помнить их веками... Это было необходимым в те дни, когда книгопечатание еще не возникло. ...Вот что я делаю здесь: расшифровываю для вас эти сутры».

«...До сих пор все революции были карликовыми, ложными, поверхностными, потому что настоящая революция может случиться лишь в психике человека, не в социальной структуре и не в экономической структуре. Настоящая революция не имеет ничего общего с политикой; она связана с духовностью человека. ...Мы должны создать новую духовность, новое видение».

© The Dhammapada.
© Osho International Foundation 1991
© Московский медитационный центр Ошо «Нирвана»,
перевод 1998 г.

04030300-022 без объявления
7ПБ(03)-96

ISBN 5-71-35-0046-35

ББК 84,5 Ид

Дхаммапада

Мир В Огне

Беседы были проведены
в Аудитории Гаутамы Будды, Пуна, Индия,
с 11 по 20 октября 1979 года

Содержание:

Глава 1.	Мир в Огне	7
Глава 2.	У сердца нет вопросов	39
Глава 3.	Чего ты желаешь... ..	65
Глава 4.	Забрезжил Рассвет	93
Глава 5.	Любовь никого не знает о долге	119
Глава 6.	Христос: последний христианин ...	151
Глава 7.	Ты — источник	179
Глава 8.	Вкус природы будды	213
Глава 9.	Войти в поток	239
Глава 10.	Эта безумная, безумная игра	273

Глава 1 Мир В Огне

*Мир в огне:
А ты смеешься?
Ты в глубокой тьме.
Не попросишь ли ты света?*

*Смотри! — вот твоё тело,
Раскрашенный паяц,
Заводная игрушка,
Больная и полная ложных фантазий,
Тень, которая мечется и меркнет.*

*Как оно хрупко!
Хрупкое и тленное,
Оно болеет, гниет и умирает.
Как и всякое живое существо,
В конце оно болеет и умирает.*

*Смотри! — вот побелевшие кости,
Пустые раковины и шелуха умирающего лета.
Ты смеешься?*

*Ты — дом костей,
Отштукатуренный плотью и кровью.
И живет в тебе гордость,
Лицемерие, разложение и смерть.*

*Победоносные колесницы королей разбиваются.
Так и тело рассыпается в пыль.
Но дух чистоты не знает перемен —
Так чистый наставляет чистого.*

*Невежда подобен волу.
Он растет в размере, не в мудрости.*

До Гаутамы Будды самым фундаментальным вопросом было: «Что такое мудрость?» И то же самое верно для каждого человека. Веками мудрецы спрашивали: «Что такое мудрость?» И если ты сможешь ответить, опираясь на свой подлинный экзистенциальный опыт, это принесет трансформацию жизни.

Ты можешь повторять определения мудрости, данные другими, но это тебе не поможет. Ты будешь повторять их без понимания, а это одна из ловушек, которых нужно избегать на пути. Никогда не повторяй того, чего ты не испытал сам. Избегай знания, и лишь тогда ты можешь расти в мудрости.

Знание есть нечто заимствованное от других; мудрость растет в тебе. Мудрость принадлежит внутреннему, знание — внешнему. Знание приходит извне, цепляется к тебе на поверхности, дает тебе огромную гордость и удерживает тебя закрытым, далеким от понимания. Понимание не может быть изучено; никто не может преподать его тебе. Ты должен быть светом самому себе. Ты должен искать и исследовать внутри своего собственного существа, потому что оно уже здесь, в самом его ядре. Если ты глубоко нырнешь, ты найдешь его. Тебе придется научиться тому, как нырять в самого себя — не в писания, но в свое собственное существование.

Вкус твоего собственного существования есть мудрость. Мудрость это опыт, не информация.

Будда отрекся от мира, об этом говорится во всех писаниях, но ни одно писание не придает этому правильного контекста. Они говорят, что Будда отрекся от мира, потому что он был против мира — потому что, пока ты не отречешься от мира, ты не можешь достичь вечного, достичь другого мира, другого берега. Это дает великому отречению Будды совершенно ложное истолкование. Он, несомненно, отрекся от этого мира, но не для того, чтобы чего-то достичь в другом. Если в твоём отречении есть какой-то мотив, то оно недостаточно радикально, это не революция, это снова тот же самый старый бизнес, тот же

торгующийся ум; это основано на желании, а это желание есть мир. Мир не состоит из вещей, мир состоит из мотивов, желаний, амбиций.

Если ты отрекся от мира для того, чтобы чего-то достичь, что бы то ни было — нирвана, просветление, мокша, свобода, божественная истина, чтобы то ни было — если ты отрекся, чтобы что-то получить, это не отречение.

Поэтому я не скажу, что Будда отрекся от мира для того, чтобы чего-то достичь. Сама идея о достижении есть мир. Сама идея о том, чтобы чего-то достичь, говорит о том, что ты живешь в воображении, в будущем. А человек понимания живет в настоящем, не в будущем. Человек понимания в действительности не отрекается от мира — мир попросту спадает с него, мир становится неважным, теряет смысл. Его прозрение таково, что он способен видеть насквозь ложность всех желаний — не в исполнении, но в видении тщетности желания желание прекращается. В этом и есть истинное отречение.

Именно это сделал Будда. На самом деле сказать, что он это сделал, было бы неправильно. Язык создает столько проблем. Когда речь заходит о буддах, язык не является адекватным средством; он становится неадекватным. Если сказать, что Будда отрекся от мира, это не будет полной правдой. Будет лучше, если мы скажем, что мир исчез из его видения. Это было не действием, но событием.

Когда он стал осознающим, бдительным, наблюдательным, свидетелем, когда он увидел всю абсурдность желания, желание прекратилось само собой. Это не было действием. Как можно продолжать желать, если ты видишь абсурдность желания? Ты не станешь пытаться пройти сквозь стену. Видя, что это стена, ты не станешь пытаться сквозь нее пройти. Если ты все же пытаешься пройти сквозь стену, продолжая биться в нее головой, это просто показывает, что твои глаза закрыты. И ты не видишь, что это стена — каким-то образом ты представляешь себе, что это двери. Ты надеешься сквозь нее пробить-

ся. В то мгновение, когда ты понимаешь, что это стена, случается трансформация.

Понимания достаточно — нет необходимости что-то практиковать. Люди практикуют лишь потому, что они не понимают. Многие приходят ко мне и просят: «Дай нам определенную дисциплину, чтобы мы могли ее практиковать». Веками им предлагали практиковать дисциплины. Я не даю дисциплины — потому что ты можешь практиковать дисциплину и набить в этом руку, стать очень ловким и искусным; все же глубоко внутри ты останешься тем же прежним человеком, потому что суть не в том, чтобы практиковать какую-то дисциплину.

Вопрос в видении, вопрос в понимании своей жизни и ее неосознанных мотивов. Вопрос в том, чтобы понять темноту, в которой ты живешь. И чудо в том, что, если ты сможешь понять темноту, в которой ты живешь, внезапно появляется свет, потому что понимание это свет.

Будда был очень непонят, и не только врагами, но и друзьями — на самом деле, друзья понимали его еще меньше, чем враги. Врагам это простительно, но друзей простить нельзя.

За эти двадцать пять веков миллионы следовали ему с неправильным пониманием. Первый же их шаг ошибочен. Буддистский монах не способен понять то, на что на самом деле указывает Будда. Он совершенно забыл о луне, на которую на самом деле указывает палец Будды. Он цепляется за этот палец, он поклоняется этому пальцу, он одержим этим пальцем. Он совершенно забыл о том, что палец это лишь средство, чтобы указать на луну. Забудь о пальце и смотри на луну. Ты не сможешь смотреть на луну, если не можешь забыть о пальце.

Об этих прекрасных сутрах были написаны тысячи и тысячи комментариев. Но если ошибочен первый шаг, неправильно и все остальное. И этот первый ошибочный шаг всех комментариев заключается в том, что все они говорят, что Будда отрекся от мира. Это неправда. Мир просто пал; он перестал иметь для него какой-либо смысл.

В тот вечер, когда он ушел из своего дворца в горы, когда он пересек границу своего королевства, его возница пытался разубедить его, заставить его снова вернуться во дворец.

Возница был стар, он знал Будду с самого детства; он был почти ровесником отца Будды. Он сказал:

— Что ты делаешь? Это сущее безумие. Ты что, сошел с ума? Оглянись!

Была ночь полнолуния, и мраморный дворец был очень красив. В свете полной луны его мраморный дворец радовал глаз. Нередко люди приходили из отдаленных мест, лишь чтобы взглянуть на дворец Будды в ночь полнолуния, в точности так же, как люди приходят, чтобы посмотреть на Тадж Махал. Белый мрамор поразительно красив при свете полной луны. Есть некий резонанс между полной луной и белым мрамором, определенная гармония, определенный ритм, сопричастность.

Возница сказал:

— Оглянись хотя бы один раз на свой прекрасный дворец. Ни у кого нет такого дворца.

Будда оглянулся и сказал старику:

— Я не вижу дворца, я вижу лишь великий пожар. Дворец весь в огне, весь охвачен пламенем. Просто оставь меня и возвращайся обратно; если ты видишь дворец, возвращайся обратно во дворец. Я не вижу там никакого дворца — потому что смерть приближается с каждым мгновением, и я не вижу никакого дворца, потому что все дворцы рано или поздно исчезнут. В этом мире все мгновенно, а я ищу вечного. Видя мгноvenность этого мира, я больше не могу дурачить себя.

Это были его слова в точности:

— Я больше не могу дурачить себя.

Дело не в том, что он отрекается от мира! Что он может сделать? Если ты понимаешь, что это мусор, если ты видишь, что камни, которые ты носил с собой всегда, это не настоящие бриллианты, что собираешься с ними делать? Не нужно будет большой храбрости для того, чтобы

оставить их, чтобы выбросить их; не нужно будет великого разума, чтобы от них избавиться. Они просто тотчас же упадут у тебя из рук. Ты цеплялся не к этим камням, но к идее о том, что это бриллианты. Ты цеплялся за свое заблуждение, за свое воображение.

Будда не отрекся от мира, он отрекся от своих иллюзий о мире. И это также событие, не действие. Когда отречение приходит как событие, в нем есть особенная красота, потому что в нем нет никаких мотивов. Это не средство к тому, чтобы чего-то достичь. Оно тотально. Ты покончил с желанием, ты покончил с будущим, ты покончил с деньгами, властью, престижем, потому что ты увидел тщетность этого всего. Видение есть трансформация. Помни это как основу основ; тогда эти сутры приобретут для тебя совершенно иное значение. Значение зависит от контекста. Если ты поместишь эти сутры в неверный контекст, они приобретут другое значение, и именно это случилось с Буддой.

Я повторяю: он был непонимаем больше кого-либо другого в этом мире. И причина в том, что он был одним из самых глубоких мастеров в мире. Его прозрение так глубоко, что оно обречено на непонимание.

Иисус говорит с обычными массами простым языком, языком притч. Он не философ; он не очень образован и не очень культурен. Он — сын земли. Он много лет работал плотником со своим отцом — носил дерево из леса, рубил дерево, помогал старику.

Будда — человек совершенно другого рода. Он не сын земли, он — принц. Он никогда не смешивался с толпами, он не знал их языка. Он говорит на языке, который может быть понят лишь очень утонченными. Он изо всех сил пытался довести это до уровня масс, но это почти невозможно. И дело не только в языке.

Иисус говорит о молитве, которую легко понять, потому что молитва это двойственность, а мир состоит из двойственностей. Молитва это двойственность, потому что это диалог между тобой и воображаемым богом, все же

это диалог. В молитве ты снова желаешь, просишь простить грехи, просишь награды. Твоя молитва требовательна; когда ты молишься, ты — нищий, просящий милостыню. Молитва основана на идее бога, а бог есть не что иное как проекция человеческого ума. Бог антропоцентричен. Библия говорит, что бог создал человека по своему образу и подобию. Истина прямо противоположна: человек создал бога по своему образу и подобию. Твой бог просто представляет тебя, твои амбиции, твои идеалы. Твой бог это проекция твоего ума. Легко говорить о боге и легко быть понятым, говоря о боге; легко говорить о молитве, легко быть понятым, говоря о молитве, потому что любой другой человек живет на том же уровне.

Будда говорит о медитации, не о молитве. В его видении нет места молитве. Будда никогда не говорит о боге, потому что он прекрасно знает, что бог был изобретен человеком либо из страха, либо из жадности; бог это величайшее из человеческих желаний и именно из-за него человек остается в оковах и никогда не становится светом самому себе, из-за него он остается в нищете, в зависимости, в рабстве.

Будда хочет, чтобы вы стали императорами, не нищими. Он хочет, чтобы вы были свободны от всех проекций — будь то бог, рай или потусторонний мир, — от всех ваших проекций. Будда хочет, чтобы вы избавились от самих ваших умов, потому что именно в этом заключается все медитация: войти в мир не-ума. Это нечто очень тонкое, нечто безмерной глубины; понять это непросто.

Как только Будды не стало, вокруг него возникло великое непонимание. В тот день, когда он умер, его последователи разделились на тридцать шесть сект. В чем была причина их разделения — и так скоро? Причина была в том, что каждый старался навязать свое толкование Будды, и, конечно, у всех были свои толкования.

Я никак не истолковываю Будду, потому что я не буддист, я не последователь. Я испытал тот же опыт истины, что и Гаутама Будда, и когда я говорю о Будде, я го-

ворю так, как будто я говорю о себе. Это не комментарий, это не толкование. Будда это лишь повод, чтобы поговорить с вами, красивый повод, чтобы сообщить вам то, что осознал я сам. Давайте будем помнить, что я говорю о собственном опыте. Я использую Будду как крючок, чтобы повесить на него свое собственное понимание и опыт. И я люблю этого человека, я безмерно люблю этого человека, потому что никто другой никогда не касался таких высот и глубин, как Гаутама Будда. Он остается Эверестом, высочайшим пиком, которого когда-либо достигало человеческое сознание.

Но будьте очень медитативными, слушая эти сутры; это единственный способ их понять. Не анализ, не мышление, не логический подход, но медитативное молчаливое слушание, просто слушание. В истине есть тайна: если ты можешь слушать в молчании, ты увидишь, действительно ли это истина — это будет видением. Тотчас же. Если это истина, она ударит тебя прямо в сердце, начнет вибрировать у тебя в сердце, и твое сердце тотчас же отзовется. Это не вопрос ума.

Если ты слушаешь медитативно, ты слушаешь совершенно не из ума. Конечно, эти слова очень древние — прошло двадцать пять веков, — и Будда говорит на языке своего времени. Пусть язык не обманывает тебя, пусть язык не отвлекает тебя. Это естественно, потому что между тобою и им промежуток в двадцать пять веков. Он не может говорить на языке, который понимаешь ты. Вот почему я говорю о нем — чтобы дать тебе новую версию, современную версию того же самого опыта, того же самого понимания, той же самой трансформации.

Первая сутра:

Этот мир в огне...

Что Будда подразумевает под огнем? Он подразумевает страдание. То, что Сирен Кьеркегор подразумевал

под тревогой, болью, страданием, Будда подразумевает под огнем. Это символ. Каждый из нас в огне, потому что каждый из нас разделен, расщеплен, шизофреничен. Каждый из нас в огне, потому что в мире существует великая тревога: «получится ли у меня на этот раз?» В каждом сердце есть великая боль — боль незнания себя, боль незнания того, откуда мы приходим и куда уходим, кто мы такие, и что такое вся эта жизнь. В чем смысл жизни? — вот наша боль, вот наша агония.

Жизнь кажется такой тщетной, такой бессмысленной — механическим повторением. Ты продолжаешь делать то же самое снова и снова — зачем? Боль заключается в том, что человек чувствует себя очень случайным; кажется, никакого значения нет. А человек не может жить, не ощущая никакой важности, не ощущая, что он вносит в мир нечто осмысленное, что он нужен в существовании, что он не просто бесполезное явление, что он неслучаен, что он необходим, что он осуществляет нечто чрезвычайно важное. И пока он этого не почувствует, он остается в огне.

Экзистенциальные мыслители принесли известность многим словам. Одно из этих слов: тоска¹; тоска это духовная агония. Ее чувствует не каждый; люди так глупы, так тупы, так посредственны. Они не чувствуют тоски; они продолжают делать маленькие вещи и умирают. Они проживут жизнь и умрут, так и не узнав, что такое на самом деле жизнь.

Фактически, лишь когда люди умирают, они впервые осознают, что все это время они были живы; контрастный фон смерти встряхивает их: «Я упустил великую возможность». В этом боль смерти. Она не имеет ничего общего непосредственно со смертью; она связана с ней косвенно. Когда человек умирает, он чувствует великую боль; эта боль не имеет никакого отношения к смерти. Вот эта боль: «Я был жив, а сейчас все кончено, и я не смог

¹ англ. anguish.

сделать ничего осмысленного. Я не был творческим, я не был сознательным, я жил механически, я жил как сомнамбула, как лунатик».

Посредственный ум продолжает жить, ни о чем не беспокоясь. Он кажется более счастливым, чем разумный человек; он смеется, он ходит в клубы и в кино, у него есть тысяча и одно занятие, и он очень занят, хотя ему и нечего делать. Чем более ты разумен, чем более ты чувствителен, тем острее ты будешь чувствовать, что эта жизнь — твой образ жизни — это не правильный образ жизни, не правильная жизнь; с ней что-то не так. Неразумный человек живет как бревно, плывущее по реке; он так озабочен тем, чтобы смотреть по сторонам, что совершенно забывает о вышем; совершенно забывает о цели, совершенно забывает о путешествии. Он любопытен, но его любопытство поверхностно. Он никогда не задает вопросов, потому что для этого требуется смелость; это рискованно. Поиск означает, что тебе придется столкнуться с великими проблемами, тебе придется столкнуться с величайшими из проблем, и кто знает, сможешь ли ты их разрешить? Он остается лишь любопытствующим. Любопытный человек глуп; его любопытство позволяет ему оставаться занятым, увлеченным, и он так никогда и не осознает настоящих проблем.

Марти и его жена Люси сидели в баре чикагского мотеля. Марти указал на ослепительную блондинку, сидящую с другой стороны и сказал:

- Ночная бабочка.
- Не верю, — ответила Люси.
- Я тебе докажу, — сказал Марти. Он подошел к блондинке, и после пятиминутной беседы они были у него в комнате.
- Сколько? — спросил Марти.
- Пятьдесят баксов.
- Даю двадцать.
- Забудь об этом, — сказала проститутка и вышла из комнаты.

Еще через несколько минут Марти присоединился к своей супруге в баре. Светловолосая девушка подошла к нему и похлопала его по плечу.

— Вот видишь, — сказала она, — что ты можешь получить за двадцать долларов.

Глупый ум интересуется такими вещами, интересуется другими — кто есть кто, но никогда не спрашивает: «Кто я?» Люди никогда не задают настоящий вопрос по той простой причине, что настоящий вопрос повлечет за собой тяжкое путешествие. Возможно, по дороге им придется отбросить многое: свои предрассудки, свои идеологии, свои философии, свои религии, свои церкви — потому что, если ты действительно хочешь знать, кто ты такой, ты должен перестать быть христианином, индуистом или мусульманином, ты должен перестать быть коммунистом или фашистом. Если ты действительно хочешь знать, кто ты такой, ты должен забыть о том, белый ты или черный, индеец или американец, китаец или японец, потому что все эти вещи случайны. Они не образуют твоей сущности.

Твоя душа — не христианская, не индуистская, не мусульманская; твоя душа не женского и не мужского пола. Твой глубочайший центр за пределами всех концепций. Все, что тебе говорили, все, что стало твоей личностью, должно быть отброшено. Поднять настоящий вопрос значит пройти через кризис личности; тебе придется забыть все о том, кем ты себя считал.

Наступит интервал, промежуток, когда ты не будешь знать, кто ты такой — и это болезненный опыт.

Люди дзен говорят: прежде чем человек начал медитировать, горы были горами, а реки — реками. Когда человек входит в глубокую медитацию, горы больше не горы, а реки больше не реки. Когда горы больше не горы, а реки больше не реки — это великий кризис. Ты проходишь через кризис тождественности. Старая утрачена, а новая еще не найдена. Ты покинул старый берег, а нового еще не даже не видно. И еще люди дзен говорят: Когда ме-

дитация завершена, когда тыходишь в не-ум, горы снова становятся горами, а реки — реками; конечно, на совершенно другом уровне, но вещи снова становятся вещами. Все снова становится на свои места, снова кристаллизуется, но не так, как прежде.

Сначала другие сказали тебе, что горы это горы, а реки это реки, а теперь это знаешь ты — вот в чем главное отличие. Информация это никогда не трансформация. Будда говорит: Этот мир в огне! Счастливы те, кто может это понять, не только интеллектуально, но и экзистенциально. Видишь ли ты, что твоя жизнь это не более чем тоска? Есть два способа избавиться от этой тоски, от этого огня; один из них заключается в том, чтобы настолько увлечь себя бессмысленными вещами, чтобы забыть свою тоску, чтобы тоска не могла поднять голову, потому что ты так занят: целый день ты занят деньгами, властью, престижем, погоней за тенями, и когда ты возвращаешься домой, ты так смертельно устал, что валишься с ног и засыпаешь. И даже тогда ты увлечен своими снами. Сны это не что иное, как отражение твоего дня; та же игра продолжается во сне.

У людей таким образом проходит вся жизнь. Люди не могут просидеть молча и нескольких минут. Весь буддистский подход заключается в том, что пока ты не сможешь сидеть в молчании много часов подряд, ты никогда не узнаешь, кто ты такой и никогда не выйдешь за пределы своей тоски. Итак, первый способ это занять себя, чем-то увлечься, неважно, чем, с единственной целью — удерживать настоящий вопрос твоей жизни подавленным. Нет времени.

Ко мне приходят люди, и я предлагаю им медитировать. Они говорят:

— Но у нас совсем нет времени.

И это те же самые люди, которые часами сидят в кино, и у них есть время. Это те же самые люди, которые ходят в клуб Ротари и просто продолжают делать глупости. Это те же самые люди, которых вы найдете в гостини-

цах, на футбольных матчах; это те же самые люди, которые играют в карты и шахматы, и если вы спросите их, они скажут:

— Мы играем, чтобы убить время.

Время убивает вас, а вы думаете, что вы убиваете время. Никто еще не был способен убить время: время убивает каждого. И если вы говорите им медитировать, они тут же отвечают:

— Как найти время, чтобы медитировать?

И дело не в том, что они это говорят специально; это очень бессознательная реакция. Дело не в том, что они обманывают; они обмануты. Дело не в том, что они просто пытаются вас обмануть, говоря, что у них нет времени, они действительно чувствуют, они действительно думают, что у них совсем нет времени.

Мир в огне:

А ты смеешься?

Мир в огне, а ты играешь в карты?.. А ты играешь в шахматы? Мир в огне, а ты читаешь детективный роман? Мир в огне, а ты сплетничаешь? Мир в огне, а ты идешь в кино? Помни: ты это тот мир, о котором говорит Будда.

Но иногда случается так... У Сирена Кьеркегора есть прекрасная притча. Он говорит: однажды случилось так, что в цирке загорелся купол. Возможно, кто-то бросил зажженную сигарету или... никто не знает, что случилось, но купол загорелся. Цирковой клоун вышел, чтобы об этом объявить; он объявил:

— Купол горит!

И люди засмеялись. Они подумали, что это розыгрыш. Они стали хлопать в ладоши и аплодировать клоуну; он был потрясен.

Он сказал:

— Я не шучу. Купол горит.

И люди захопали еще больше и громче засмеялись. Клоун был в растерянности и не знал что делать! Он стал бить себя в грудь и кричать:

— Поверьте мне! Купол горит, вам угрожает опасность!

Но никто ему не верил; люди продолжали смеяться. И многие сгорели.

Это не притча: это реальность. Будды кричали вам, что мир в огне, но вы думали, что они просто воспринимают вещи слишком серьезно.

— Моя прекрасная рыжеволосая леди, — прошептал он, — в тебе весь мой кайф. Я в тебя врубаюсь, я от тебя без ума. Я не переживу эту ночь без твоей любви.

— Подожди-ка, — сказала застенчивая девушка, — я не хочу впадать в такую серьезность.

— Черт возьми, детка, — сказал он, — кто серьезен?

Кажется, никто не серьезен. Все просто кривляются, все смеются — или по крайней мере, притворяются, что смеются, по крайней мере, притворяются счастливыми, по крайней мере, хвастаются своими удовольствиями, радостями жизни, или, возможно, не только обманывают других, но и сами одурачены своим хвастовством. Человек может начать верить в свою собственную ложь: тогда она начинает выглядеть почти как правда.

Будда говорит: Ты смеешься? *Мир в огне!*

Несомненно, это показывает лишь одно:

Ты в глубокой тьме.

Не попросишь ли ты света?

Это древний язык. Сейчас, после Зигмунда Фрейда, мы можем перевести тьму как бессознательное, а свет как сознание. Это будет легче понять, потому что, если речь идет о тьме и свете, это кажется поэтичным, а Будда очень научен, хотя он и полон поэзии. Но его поэзия это не про-

стая поэзия, в ней есть великая наука, великая алхимия. Его поэзия вытекает из его опыта, его поэзия не предназначена для того, чтобы вас развлечь. Его поэзия рождается из его грации, поэтично само его существо, но его послание научно, настолько научно, как это только возможно. Он говорит о бессознательном и сознании.

Он говорит, что ты в глубокой тьме, если ты не осознаешь, что мир в огне, что люди живут в тоске — и они могут даже этого не осознавать. Таким образом тоска удваивается и утраивается, потому что, если ты не осознаешь своей тоски, ты не можешь избавиться от нее. Если ты спишь, когда горит твой дом, это гораздо более опасно. Если ты не спишь, когда горит дом, это гораздо менее опасно — ты можешь убежать, ты можешь выбраться из дома. Тебе могут помочь соседи, они могут позвонить в пожарную службу. Ты можешь что-то сделать! По крайней мере, ты можешь выпрыгнуть в окно. Но если ты спишь, все гораздо сложнее. Ты спишь в темноте. Будда говорит: Глядя на тебя кажется, что ты вообще не сознательен, что ты живешь бессознательной жизнью. Сейчас это психологическая истина. Вся современная психология, будь то школа Фрейда или что-то другое, школа Адлера или Юнга, все школы современной психологии соглашаются в одном: что сознательна лишь небольшая часть человека, крошечная часть. Большая часть его существа несознательна, она во тьме; вы видите лишь верхушку айсберга; остальная часть под водой. И из этого темного континента вашего бессознательного исходят все мотивы, желания, инстинкты, порывы — и сознательному приходится им следовать. Сознательное это лишь слуга, оно не хозяин; оно на службе у бессознательного. Бессознательное злится, и сознательное следует за ним; бессознательное наполняется сексуальными порывами, и сознательное следует за ним. Сознательное стало очень умным в придумывании объяснений. Оно объясняет все. Сознательное считает себя хозяином, а бессознательное смеется над ним.

Просто понаблюдай за собой. Если ты злишься, ты никогда не говоришь: «Я разозлился из-за своего бессознательного». Ты говоришь: «Я разозлился, потому что это было необходимо. Я разозлился преднамеренно. Я должен был разозлиться; иначе люди начнут пользоваться мной. Этого человека нужно было наказать, проучить. Я разозлился, потому что я так захотел».

Это рационализация. Ты злился, потому что иначе не мог; ты не был хозяином ситуации. Выше твоих сил было выбрать, злиться или нет. Тебя охватил гнев, исходящий из подвала твоего существа. Он пришел как облако, он пришел как густой дым, и ты был им ослеплен. Это облако обволакивало тебя, и ты плыл с ним, но затем, просто чтобы спасти свое лицо, свое эго, свою гордость, ты начинаешь рационализировать. Ты говоришь:

— Я это сделал.

Ты этого не делал; ты был принужден это сделать. Наблюдай свои сексуальные желания, наблюдай свою жадность, наблюдай свой гнев, и ты убедишься в том, что говорит Будда.

Дородный водитель грузовика ввалился в таверну в крайне плохом настроении, очевидно ища повода для драки.

— Каждый, кто стоит с этой стороны бара, это никчемный, грязный бродяга! — закричал он. — Если у кого-то есть вопросы, просто встаньте!

Никто не встал.

— Каждый, кто стоит с этой стороны бара, вязанка хвороста! Кикимора!

Никто не двинулся с места; внезапно один человек встал.

— Хочешь подраться? — зарычал водитель грузовика.

— Нет, — пробормотал человек. — Я просто не с той стороны бара.

Вот так ум продолжает играть в игру рационализации.

Психиатр говорил своему пациенту:

— У нас ушло на это три года, но вы излечены. Это ваш последний сеанс.

— Спасибо доктор, — отвечает пациент. — Но прежде чем я уйду, поцелуйте меня.

— Я вам говорю, что вы излечены. Вы снова здоровый человек.

— Я знаю, доктор, но поцелуйте меня.

— Вы не понимаете. Я избавил вас от всех этих безумных идей. Вы излечены.

— Конечно, — настаивал его пациент, — только поцелуйте меня.

— Поцеловать вас? Мне не положено даже лежать с вами на кушетке!

Психиатр и пациент, помогающий и тот, кому помогают, проводник и тот, кого ведут — все они в одной лодке.

Пока ты не найдешь будду, ты будешь следовать за тем или другим слепцом. Пока ты не с таким человеком как Будда, Иисус, Заратустра, Лао-цзы, ты будешь с людьми в точности подобными тебе. Это одно из величайших бедствий, случившихся с современным умом, с современным человеком. Духовные проводники исчезли — давно исчезли. Сначала они были заменены священниками. Теперь священники вытесняются психиатрами, психоаналитиками, психологами. Священники были слепы; столь же слепы психиатры и психоаналитики. Они не знают, что делают, они не знают, где они. Они продолжают помогать людям, в то время как сами они несознательны, иногда даже более несознательны чем пациенты. Они безумны, иногда даже более, чем пациенты, но они — профессиональные специалисты, они обучены, они полны информации. Они знают о свете все, не испытав ни малейшего опыта света. Они знают все о том, что такое интеграция, но это лишь «о» — у них нет никакой интеграции внутри. Их собственные существа состоят из фрагментов, разваливаются

на части. Человеку может помочь лишь будда, лишь тот, кто пробужден, потому что лишь пробужденный может разбудить тех, кто крепко спит. Если спишь ты, и спит твой психоаналитик, кому тебя разбудить? В древние времена люди повсюду искали будд; они путешествовали тысячи миль в поисках мастера. И не потому, что они не знали о многих знающих людях, которые могли рассказать все о Ведах, Упанишадах, Гитах, Коранах и Библиях; они знали об ученых, но умели четко различать тех, кто знает сам по себе, и тех, кто знает из писаний. Они никогда не следовали за человеком, у которого самого нет подлинного опыта, который не столкнулся с самим собой, который не был пламенем. На такой поиск требуется время.

Ты столкнешься с сотней мастеров; девяносто девять и девять десятых процента будут ложными, фальшивыми монетами. Но единственный способ искать и исследовать это продолжать искать и исследовать, и когда ты сталкиваешься с ложным мастером, наблюдай! Исходит ли то, что он говорит, из мудрости или из знания? Принадлежит ли ему то, что он говорит, или это цитата? Это не очень трудно; нужно лишь немного терпения, и ты узнаешь, что ложное это ложное.

Хэролд стал голосовать на шоссе, и в то же мгновение рядом остановилась Элеанор, шикарно выглядящая библиотекаряша.

— Хотите сигарету? — спросил он.

— Нет, спасибо, — ответила она. — Я не курю!

Некоторое время они ехали молча, и затем Хэролд сказал:

— Я знаю хороший бар чуть дальше по дороге. Хотите остановиться и выпить?

— Нет, спасибо, — сказал Элеанор. — Я не пью!

Еще через десять минут Хэролд отчаялся и взял быка за рога:

— Почему бы нам не остановиться у ближайшего мотеля и не заняться любовью?

— Хорошо!

Они остановились, делали это как сумасшедшие полных два часа и снова оказались у нее в машине.

— Это интересно, — сказал Хэролд. — Когда я предложил закурить, ты отказалась. Когда я предложил выпить, ты получил отказ. И все же ты пошла со мной в мотель. Как же так?

— Знаешь ли, — ответила библиотекаряша, — я всегда практикую то, о чем проповедую. Я говорю в воскресной школе, что сигареты и выпивка не нужны для того, чтобы хорошо провести время!

Ты столкнешься с такими проповедниками, которые практикуют то, о чем проповедуют, но то, о чем они проповедуют, не является их собственным опытом; все, о чем они проповедуют, заимствованно. Это может казаться мудростью, но это не мудрость. И ты не можешь этого избежать. Тебе придется стучаться во многие двери, прежде чем ты найдешь нужную. Это единственный путь, так обстоят вещи. И это даже хорошо, что тебе придется стучаться во много дверей, потому что, узнав многих ложных мастеров, постепенно ты начнешь понимать, что значит быть настоящим мастером. Узнавая ложное, ты станешь способен узнавать настоящее. Узнать, что ложное это ложное, это огромный шаг к настоящему.

Мир в огне: а ты смеешься? Ты в глубокой тьме. Не попросишь ли ты света? А попросить света значит попросить медитации.

Современная психология еще не достигла этой точки; она все еще барахтается в анализе. Анализ не может принести свет. Ты можешь продолжать анализировать тьму многие годы, жизни, столетия; анализируя тьму, ты не достигнешь света. Как ты можешь достигнуть света, анализируя тьму? Тебе придется найти того, кто знает, как создать свет — он не имеет ничего общего с тьмой! Когда загорается свет, тьма исчезает, тьмы больше нет. Но обратное не справедливо: не начинай выталкивать тьму, чтобы получить свет — ты потратишь впустую свою жизнь,

свою энергию, свою возможность. Не борись с тьмой! Психианализ все еще борется с тьмой, с болезнью.

В этом разница между религией и психианализом. Религия это положительное усилие к тому, чтобы создать свет; психианализ это отрицательное усилие к тому, чтобы разогнать тьму — самое большее, он может помочь тебе быть нормально ненормальным, вот и все. Самое большее, он может помочь тебе подстроиться под общество, которое само по себе больно. Он может помочь тебе снова прийти в рабочую форму. Это все, чего от тебя требует общество — чтобы ты был хорошим врачом, хорошим инженером, хорошим начальником станции, хорошим служащим или хорошим налоговым офицером. Это все, чего требует общество; общество не заботит твое внутреннее здоровье, твоя целостность. Общество хочет, чтобы ты был совершенной машиной.

И если ты делаешь данную тебе работу хорошо и эффективно, этого достаточно. Общество совершенно не заинтересовано в твоей трансформации; напротив, оно очень боится трансформации, потому что, если ты будешь преобразен, ему не будет так легко угнетать, эксплуатировать тебя. Ему не будет так легко тебя поработить. Если ты будешь преобразен, если ты будешь полным света, ты будешь бунтовщиком. Свет приносит бунт.

Темнота очень на руку объединенным интересам, потому что темнота не позволяет тебе убежать из своей тюрьмы. Когда ты во тьме, тебя можно убедить, что это не тюрьма, что это твой дом или даже храм божественного.

Но когда есть свет, никто не может тебя обмануть. Ты будешь способен увидеть, что тебя заставляли жить в тюремной камере. И как только ты увидишь, что тебя заставляли жить в тюремной камере, ты станешь делать все возможное для того, чтобы из нее выбраться. Общество очень боится будд — поэтому был распят Иисус, отравлен Сократ и убит Мансур. Совершенно было много покушений на жизнь Гаутамы Будды.

Странно, что человек всегда был против тех, кто мог бы помочь человечеству; вы всегда были против тех, кто мог бы поднять вас на высоты жизни и сознания, против тех, кто мог бы помочь вам осуществиться. Почему вы всегда были против этих людей? Ты являешься частью великой системы рабства — государства, общества, церкви. Ты действуешь как христианин, как индуист, как мусульманин; это имена для рабства, красивые ярлыки на безобразных вещах.

Действительно религиозный человек не индуист, не мусульманин, не христианин — и не может быть! Он — просто человеческое существо. У его религии нет прилагательных; он просто религиозен. Ищи света! А единственный путь искать свет это научиться медитировать, быть осознающим, быть более наблюдательным.

Путем Будды была *випассана* — випассана означает свидетельство. И он открыл одно из величайших средств: наблюдение за дыханием, просто наблюдение за дыханием. Дыхание это такое простое и естественное явление, и оно продолжается двадцать четыре часа в сутки. Тебе не нужно прилагать никаких усилий. Если ты повторяешь мантру, тебе придется приложить усилие, тебе придется себя заставлять. Если ты говоришь: «Рам, Рам, Рам», тебе придется постоянно подстегивать себя. И ты неизбежно будешь забывать множество раз. К тому же, слово «Рам» это снова нечто от ума, а то, что принадлежит уму, никогда не сможет вывести за пределы ума.

Будда посмотрел под совершенно другим углом: просто наблюдай за дыханием — вдох, выдох. Наблюдать нужно четыре точки. Сидя в молчании, просто начни видеть дыхание, чувствовать дыхание. Вдох это первая точка. Затем на мгновение, когда вдох закончен, дыхание останавливается — это очень короткое мгновение — на долю секунды оно останавливается; это вторая точка для наблюдения. Затем дыхание разворачивается и выходит наружу; это третья точка. И тогда снова, когда воздух полностью вышел, на долю секунды дыхание останавливается;

это четвертая точка наблюдения. Затем дыхание начинает входить снова... это цикл дыхания.

Наблюдая эти четыре точки, ты будешь удивлен, ты будешь поражен чудом этого простого явления — потому что ум в нем не участвует. Наблюдение не является свойством ума; наблюдение это свойство души, сознания; наблюдение это совершенно не умственный процесс. Когда ты наблюдаешь, ум останавливается, прекращается. Да, поначалу ты будешь постоянно забывать, и ум будет входить и начинать свои старые игры. Но когда бы ты ни вспомнил о том, что ты забыл, не нужно чувствовать раскаяние, вину — просто вернись к наблюдению, снова и снова возвращайся к наблюдению за дыханием. Мало-помалу, ум будет вмешиваться все меньше и меньше.

И когда ты сможешь наблюдать свое дыхание сорок восемь минут подряд, ты станешь просветленным. Ты удивишься — всего сорок восемь минут — потому что ты думаешь, что это не очень трудно... всего сорок восемь минут! Это очень трудно. Сорок восемь секунд — и ты много раз становишься жертвой ума. Попробуй это, положив перед собой часы; поначалу ты не сможешь быть наблюдателем и шестидесяти секунд. Всего лишь за шестьдесят секунд, то есть за одну минуту, ты много раз заснешь, ты совершенно забудешь о наблюдении — и о наблюдении и о часах². Та или иная мысль унесет тебя далеко-далеко прочь, и тогда внезапно ты поймешь... ты согласишься на часы и увидишь, что прошло десять секунд. Десять секунд ты не наблюдал. Но мало-помалу, — это сноровка, это не практика, а сноровка, — мало-помалу ты освоишься, потому что те мгновения, когда ты наблюдаешь, полны такой утонченной красоты, такой поразительной радости, такого невероятного экстаза, что, однажды испытав этот вкус, ты захочешь вернуться к ним снова и снова — без каких-либо других мотивов, просто ради сущей радости быть, присутствовать в дыхании.

² англ. watch: часы; наблюдение.

Помни, это не такой же процесс, как в йоге. В йоге этот процесс называется *пранаямой*; это совершенно другой процесс, фактически, противоположный тому, что Будда называет випассаной. В пранаяме ты делаешь глубокие вдохи, наполняешь грудь большим и большим количеством воздуха, кислорода; затем ты делаешь такой глубокий выдох, какой только можешь, выталкивая наружу весь углекислый газ. Это физическое упражнение — это хорошо для тела, но не имеет ничего общего с випассаной. В випассане ты не меняешь естественный ритм своего дыхания, ты не делаешь долгих глубоких вдохов, ты не выдыхаешь воздух иначе, чем ты это делаешь всегда. Пусть дыхание будет абсолютно обычным и естественным. Все твоё сознание должно быть сосредоточено только в одной точке: наблюдении.

И если ты можешь наблюдать за дыханием, ты можешь начать наблюдать и другие вещи. Идя, ты можешь наблюдать, как ты идешь, за едой ты можешь наблюдать, как ты ешь, и в конце концов, в результате ты сможешь наблюдать, как ты спишь. В тот день, когда ты сможешь наблюдать, как ты спишь, ты будешь перенесен в другой мир. Тело продолжает спать, а внутри продолжает ярко гореть пламя. Твое наблюдение остается не потревоженным, и тогда двадцать четыре часа в сутки продолжается подводное течение наблюдения. Ты продолжаешь делать вещи... для внешнего мира ничего не меняется, но для тебя изменилось все.

Мастер дзен нес воду из колодца. К нему подошел последователь, который слышал о нем и прошел много миль, чтобы его увидеть. Он спросил его:

— Где я могу увидеть того-то и того-то, мастера этого монастыря?

Он думал, что это, должно быть, слуга несет воду из колодца — нельзя найти будду, носящего воду из колодца, нельзя найти будду, подметающего пол. Мастер рассмеялся и сказал:

— Я тот человек, которого ты ищешь.

Последователь не мог поверить. Он сказал:

— Я много о тебе слышал, и не могу себе представить, как ты можешь носить воду из колодца.

— Но именно это я делал до того, как стал просветленным. Я носил воду из колодца, рубил дрова — вот что я делал раньше, и я продолжаю делать это. Я очень профессионален в этих двух вещах: носить воду из колодца и рубить дрова. Идем со мной; сейчас я начну рубить дрова: смотри на меня!

— Но в чем же тогда разница? — спросил человек. — До просветления ты делал эти две вещи, и после просветления ты делаешь те же самые две вещи — в чем же тогда разница?

Мастер рассмеялся:

— Разница внутри: раньше я делал все это во сне, теперь я делаю все это сознательно. Вот в чем разница: деятельность осталась прежней, но я больше не тот же. Мир остался прежним, но я больше не тот же. И поскольку я больше не тот же, для меня изменился и мир.

Трансформация должна быть внутренней. Это истинное отречение: старого мира больше нет, потому что нет старого существа.

*Смотри! — вот твое тело,
Раскрашенный паяц,
Заводная игрушка,
Больная и полная ложных фантазий,
Тень, которая мечется и меркнет.*

Будда говорит, не будь слишком привязан к телу, не отождествляйся с телом, берегись! Это оковы. Живи в теле, используй тело, но будь бдителен — это не ты.

Смотри! — вот твое тело... Если ты хочешь создать в себе свет, это начало: Смотри! — вот твое тело:

раскрашенный паяц, заводная игрушка, больная и полная ложных фантазий, тень, которая мечется и меркнет.

Сколько людей жило на этой Земле? И все они померкли, прах во прах, все они исчезли — как будто их никогда и не было. И то же самое произойдет и с тобой, с каждым. Сегодня ты здесь, завтра тебя больше нет. И тогда лишь в памяти некоторых людей ты проживешь еще несколько дней — лишь как память, образ у них в умах. Затем и эти люди умрут, и даже память померкнет. Думаешь ли ты, что через две тысячи лет кто-нибудь будет знать, что ты вообще когда-то существовал? Это лишь тень, мгновенная тень; даже если мгновение длится семьдесят лет, восемьдесят лет, это неважно.

Будда говорит, что истина вечна, а все, что неечно, это лишь сон — остерегайся снов! Твой ум это также часть твоего тела; вот почему он говорит: Остерегайся ложных фантазий. Твой ум продолжает давать тебе ложные идеи; он говорит: «Посмотри, какой я здоровый, какой я сильный, какой я красивый». Он продолжает обманывать тебя, он продолжает говорить, что смерть всегда случается с другими, не с тобой. Никто не исключение. А ум такой обманщик, он так хитер, так искусен, что он может заставить тебя поверить во что угодно. Он может заставить тебя поверить в деньги, но ты оставишь все деньги, когда уйдешь. Но люди цепляются за деньги, люди готовы умереть ради денег.

Фактически, многие люди умирают именно так: всю свою жизнь они тратят на накопление денег; они продают свои жизни, лишь чтобы собрать несколько кусков золота. Это золото останется здесь, а они уйдут, золото совершенно не привязано к тебе. Это ты создаешь все возможные привязанности.

Ум всегда продолжает создавать будущее; он продолжает тебе говорить:

— То, что не случилось сегодня, случится завтра — подожди!

Он поддерживает в тебе надежду, он заставляет тебя пробовать новые способы, новые приемы. Если эта женщина тебя не удовлетворяет, ум говорит:

— Все дело в этой женщине; найди другую!

И так будет продолжаться до бесконечности. Если тебе плохо с этим мужчиной, ум говорит:

— Это все потому, что это неподходящий мужчина.

Но ум не позволяет тебе увидеть, что ни один мужчина, ни одна женщина никогда не могут принести удовлетворения. Удовлетворение невозможно в этом мире. Удовлетворенность возможна, лишь когда ты движешься во внутреннее состояние своего существа, лишь когда ты становишься не-умом. Удовлетворенность это аромат не-ума. И когда это ему только удастся, ум дает тебе фантазии, глупые, идиотские, абсурдные. Но ум — великий соблазнитель...

Мюриэл и Тина обсуждали за коктейлем свои последние переживания.

— Скажи, — спрашивает Мюриэл, — как все у тебя прошло вчера с этим эксцентричным миллионером?

— Он дал мне пятьсот долларов, — говорит Тина. — Этот старый козел хотел делать это в гробу.

— Кроме шуток? — восклицает Мюриэл. — Держу пари, что тебя это встряхнуло!

— Да, но не настолько, как шесть носильщиков.

Ум может склонить тебя к чему угодно, к любой глупости. И как только что-то приходит тебе на ум, оно начинает мучить тебя, преследовать тебя. Тебе приходится делать это — кажется, это единственный способ от этого избавиться. Но прежде чем ты от этого избавляешься, ум дает тебе другую идею. Ум очень изобретателен в том, что касается воображения. Ум это неисчерпаемый кладень новых идей; вот что происходило многие века, многие жизни. Ты жил в этом мире столько жизней, повторяя одни и те же

вещи снова и снова, возможно, немного по-другому, но все остается прежним... и ты все еще продолжаешь надеяться.

Будда говорит, остерегайся ложных фантазий; тело это тень, однажды ты покинешь его. Ты — не тело.

Как оно хрупко!

Хрупкое и тленное,

Он болеет, гниет и умирает.

Как и всякое живое существо,

В конце оно болеет и умирает.

Помни о смерти, не забывай о ней ни на мгновение! Из-за этой настойчивости многие люди считали Будду одержимым смертью; это не так. Ты можешь быть одержимым жизнью, но он не одержим смертью. Он просто приводит все в равновесие.

Он говорит, настолько же, насколько ты увлечен жизнью, ты должен и помнить о смерти, и тогда будет равновесие, эквilibrium. Он обычно посылал своих учеников, своих саньясинов, смотреть, когда кого-то хоронили: «Просто иди и сиди там, медитируй, наблюдай и помни, что то же самое произойдет и с тобой». На смерть нужно медитировать; иначе жизнь может продолжать давать тебе ложные надежды. Если ты помнишь о смерти, жизнь больше не может обмануть тебя. Смерть будет поддерживать в тебе бдительность. Будда не одержим смертью, но он узнал одно: лишь осознав смерть, человек может избавиться от одержимости телом, одержимости пищей, одержимости сексом, одержимости деньгами, одержимости миром. Ты должен жить в жизни, но пусть в ней постоянно присутствует сознание того, что эта жизнь выскальзывает у тебя из рук, и смерть с каждым мгновением подходит ближе. Это не позволит тебе пасть жертвой ложных желаний и ложных надежд.

Смотри! — вот побелевшие кости,

Пустые раковины и шелуха умирающего лета.

Ты смеешься?

Ты — дом костей,
Отштукатуренный плотью и кровью.
И живет в тебе гордость,
Лицемерие, разложение и смерть.

Вот почему люди не хотят наблюдать свои жизни. Они не хотят глубоко идти в свои существа, потому что то, что они там найдут, это не душа, не божественность, не свобода, не свет. То, что они найдут сначала, это эго, лицемерие, разложение и смерть. Да, если тыходишь вовнутрь, сначала ты найдешь все эти вещи. Они составляют первые слои. Но если ты будешь продолжать двигаться вопреки смерти, эго, разложению, лицемерию — если ты смело продолжаешь двигаться, тогда вещи начнут меняться. Вместо смерти ты начнешь входить в вечную жизнь, в жизнь, лишенную времени; вместо эго ты встретишь свою настоящую природу, твою высшую природу; вместо смерти ты найдешь бессмертие. Но человек должен идти глубоко.

Первое проникновение испугает тебя, тебе станет страшно — повсюду вокруг тьма и смерть. И люди бегут от этого первого слоя. Им становится так страшно, что они никогда больше не пытаются.

Великий английский философ, Дэвид Хьюм, написал: «Снова и снова читая в писаниях: «Познай себя», однажды я попытался. Я закрыл глаза и попытался идти вовнутрь. Вот что я нашел — темнота, много безумных мыслей, фантазий, воспоминаний, желаний, толпящихся вокруг, шум и полный беспорядок, но я не смог найти никакого бессмертного «Я». Он попытался лишь однажды, вот и все — как будто человек становится буддой за один день. И даже не один день; должно быть, это был час или даже полчаса — не двадцать четыре часа. Даже человек такого острого разума как Дэвид Хьюм не смог увидеть такую маленькую вещь: кто наблюдатель?

Он говорит: «Я нашел воспоминания, идеи, и так далее, и тому подобное, множество вещей, но я не нашел себя». Видите абсурдность этого утверждения? Кто нашел идеи, воображения и воспоминания? Кто этот свидетель? Это оно и есть! Это так просто. Ты не можешь быть идеей — как ты можешь быть идеей? Видящий никогда не может быть видимым, наблюдатель не может быть наблюдаемым, субъект не может быть объектом. Но даже такой человек как Дэвид Хьюм думает, что нет ни души, ни «я», и что все эти будды просто говорят чепуху. Он больше никогда не пытался. Должно быть, этот опыт был уродлив, он уродлив поначалу; поэтому нужен мастер, чтобы ты не сбежал от первого слоя своего существа.

*Победоносные колесницы королей разбиваются.
Так и тело рассыпается в пыль.
Но дух чистоты не знает перемен:
Так чистый наставляет чистого.*

Если ты идешь глубже и глубже в свое существо, ты встретишь чистое сознание, которое лишено перемен, времени, смерти. Вот чему будды учили потенциальных будд: *Так чистый наставляет чистого.* Это может быть понято лишь в глубокой чистоте сердца; этого нельзя понять хитрым умом, это можно понять лишь невинным сердцем. Будд можно понять лишь сердцем, любовью, но не логикой.

*Невежда подобен волу.
Он растет в размере, не в мудрости.*

Человек рождается лишь как потенциал. Если ты не развиваешь свой потенциал, если ты не растешь духовно, ты просто подобен волу. Тело будет продолжать становиться больше и больше, но это не рост. Старение это не взросление, физический рост это не духовный рост. А если

ты не растешь духовно, ты упускаешь величайшую возможность.

Человек это единственное на Земле существо, которое может достичь состояния будды. Слоны, львы и тигры не становятся буддами. Лишь человек становится буддой, лишь человек становится тысячелестковым лотосом, лишь человек может испускать аромат, называемый божественностью.

Не трать ни единого мгновения ни на что другое. Делай необходимые вещи, но вливай все больше и больше энергии в наблюдение, осознанность. Проснись! Пока ты не стал буддой, ты вообще не жил, потому что ты не узнал великой поэзии жизни, великой музыки существования. Ты не узнал небесного праздника, которое продолжается без конца, ты не узнал танца звезд. Ты предназначен стать частью этого празднования. Это блаженство — твое! Все эти цветы, все эти песни, все эти звезды — для тебя. Тебя ждут чудеса — но вырасти, проснись!

На сегодня достаточно.

И Сердца Нет Вопросов

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Ты действительно хочешь разбить мое сердце?*

Да, Сомендра. Это неблагоприятная работа, но ее нужно сделать. Человек существует на трех уровнях: голова — мир мыслей, мыслительный процесс, — наиболее поверхностный уровень. Под ним сердце — мир чувств, эмоций, сантиментов, — немного более глубокий уровень, чем мысли, но не глубочайший. И третий уровень это царство существа — не мысль, не чувство, — ты просто есть.

Моя работа начинается с уничтожения сначала мыслительного процесса — очевидно, потому что именно в нем ты живешь. Я должен беспощадно бить тебя по голове. Как только энергия перемещается из головы в сердце, я начинаю разбивать и твое сердце. Сначала я использую сердце как искушение: я говорю тебе двигаться из головы в сердце. Это нужно лишь для того, чтобы дать тебе не очень отдаленную цель, потому что слишком отдаленная цель не привлечет тебя. Если она слишком далека, она кажется невозможной; цель должна быть в пределах твоей досягаемости.

Если ты укоренен в уме, царство существа очень, очень далеко; оно кажется почти что несуществующим. Поэтому сердце это полдороги, это место отдыха; это не цель. Однажды ты должен быть готов оставить и его, но прежде я использую его как искушение.

Я говорю о любви, о красотах и экстазе чувства... это лишь средство к тому, чтобы ты мог двигаться из головы в сердце. Как только ты переместился из головы в серд-

це, я начинаю крушить и твое сердце. Тогда я должен тебе помочь избавиться и от чувств — потому что чувства так же глупы, как мысли.

Логика глупа, любовь не менее глупа — иногда даже более! Логика это игра, любовь это тоже игра, а ты должен осознавать все игры, в которые ты способен играть. Логика обманывает; делает это и любовь. Человек должен подняться к высотам или опуститься до глубин, где исчезают и логика, и любовь. Это две стороны одной и той же монеты: одна сторона это твоя голова, другая сторона это твое сердце.

Философ имеет дело с головой, поэт — с сердцем, но мистик за пределами их обоих. Мистик трансцендентален; он — чистое существо, просто сознание, ни мысль, ни чувство.

Поэтому, Сомендра, я должен разбить твое сердце. Я разрушил твой ум — первый шаг совершен. Второй шаг труднее, потому что сердце ближе к существу, чем голова. Очень легко увидеть мусор головы; очень трудно увидеть мусор сердца. Голова не отражает ничего от существа; поэтому разотождествиться с головой это не очень большая проблема. Легко увидеть, что мысли отделены от тебя; очень трудно увидеть, что от тебя отделены чувства. Они так близко, и они отражают часть твоего существа. Чувства более сонастроены с твоим существом; поэтому очень легко обмануться ими.

Величайшая работа начинается, когда ты перестаешь отождествлять себя с сердцем. Сердце это не твоя душа; несомненно, оно лучше, чем голова. Почему лучше? Оно лучше лишь потому, что оно ближе к существу, но не смотря на то, что оно ближе, все же есть некоторое расстояние. Близость это тоже расстояние. Ты должен упасть еще глубже. Ты должен прийти в такую точку, в центр, откуда ты сможешь видеть, что мысли и чувства отделены от тебя, где ты становишься просто зеркалом.

Это мгновение — мгновение просветления; ты становишься буддой. Ничто меньшее не поможет, ничто меньшее ничего не стоит.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Если небеса и ад находятся на одном и том же уровне и лишь разделены хрупкой перегородкой, почему позитивная сторона ума считается лучше, чем негативная?

Сагуна,
Это тот же самый вопрос, заданный с другой стороны: ум негативен, сердце позитивно. Язык ума укоренен в нет; ум бесконечно наслаждается, говоря нет. Чем больше ты говоришь нет, тем больше тебя считают великим мыслителем.

У Тургенева есть прекрасная история, «Дурак». В одном городе был человек, которого вся толпа осуждала как величайшего идиота, который только когда-нибудь жил. Естественно, у него постоянно были проблемы. Что бы он ни сказал, люди начинали смеяться, даже если он говорил что-то красивое, истинное. Но поскольку он считался идиотом, люди думали, что все, что он делает или говорит, это идиотизм. Возможно, он цитировал мудрецов, но все же люди смеялись над ним.

Он пришел к одному мудрецу и сказал, что он хочет покончить с собой, что он больше не может жить.

— Выносить это постоянное осуждение выше моих сил. Или помоги мне от него избавиться, или я убью себя.

Старый мудрец рассмеялся.

— Это не очень большая проблема, не беспокойся. Просто сделай одну вещь и приходи снова через семь дней — нач-

ни на все отвечать нет. Начни подвергать сомнению все и вся. Если кто-то говорит: «Посмотри, какой красивый закат!», тут же спроси: «В чем красота? Я не вижу никакой красоты — докажи! Что такое красота? В мире нет красоты, все это чепуха!» Потребуй доказательств, скажи: «Докажи, в чем тут красота. Дай мне ее увидеть, дай мне ее потрогать! Дай мне определение». Если кто-то говорит: «Эта музыка вызывает восторг», тут же набросься на него и спроси: «Что такое восторг? Что такое музыка? Дай ясное определение своим терминам. Я не верю ни в какой восторг. Все это глупость, все это иллюзия. А музыка это не более чем шум».

Делай это всегда и во всем, и через семь дней возвращайся ко мне. Отрицай, задавай вопросы — вопросы, на которые нельзя ответить: Что такое красота? Что такое любовь? Что такое восторг? Что такое жизнь? Что такое смерть? Что такое бог?

Через семь дней идиот снова пришел к этому мудрецу — за ним следовала толпа людей. Он был красиво одет и увенчан цветами. Мудрец спросил:

— Что произошло?

— Это волшебство! — ответил идиот. — Теперь весь город думает, что я мудрейший человек в мире. Все думают, что я великий философ, великий мыслитель. Я заставил всех замолчать, люди стали меня бояться. В моем присутствии они молчат, потому что, что бы они ни сказали, я тут же превращаю это в вопрос и все отрицаю. Твой трюк удался!

— А кто эти люди, идущие за тобой? — спросил мудрец.

— Это мои ученики — они хотят научиться у меня тому, что такое мудрость!

Именно так и есть: ум живет в нет, ум говорит нет; его питание заключается в том, чтобы говорить нет всему и вся. Ум в своей основе атеистичен, отрицателен. Нет такой вещи, как позитивный ум.

Сердце позитивно; в точности как ум говорит нет, сердце говорит да. Конечно, лучше говорить да, чем нет,

потому что человек не может по-настоящему жить, говоря нет. Чем больше ты говоришь нет, тем более ты сжимаешься, закрываешься. Чем больше ты говоришь нет, тем менее ты жив. Люди могут думать, что ты великий мыслитель, но ты сжимаешься и умираешь; ты совершаешь медленное самоубийство.

Если ты говоришь нет любви, тебя становится меньше, чем было раньше; если ты говоришь нет красоте, тебя становится меньше, чем было раньше. И если ты продолжаешь говорить нет всему и вся, постепенно ты исчезаешь. В конце концов остается очень пустая жизнь — бессмысленная, не имеющая никакой важности, без всякой радости, без всякого танца, без всякого празднования.

Именно это случилось с современным умом, с современным человеком. Современный человек сказал больше нет, чем когда-либо раньше. Поэтому возникает вопрос: В чем смысл жизни? Почему мы вообще живы? Зачем продолжать жить? Мы сказали нет божественному, мы сказали нет запредельному, мы сказали нет всему, ради чего человек жил веками. Мы захлеб доказывали, что все те ценности, которыми жил человек, ничего не стоят — но теперь мы в затруднении, в глубокой тоске. Жизнь стала для нас невозможной. Мы продолжаем жить, потому что мы трусливы; мы уничтожили все остальные причины, чтобы жить. Мы продолжаем жить, потому что не можем покончить с собой; мы боимся смерти, поэтому мы продолжаем жить. Мы живем из страха, не из любви.

Лучше быть позитивным, потому что, чем более ты позитивен, тем более ты движешься к сердцу. Сердце не знает негативного языка. Сердце никогда не спрашивает: «Что такое красота?» Оно наслаждается ею, и в этом наслаждении оно узнает, что это такое. Оно не может ее определить, оно не может объяснить себя, потому что это переживание таково, что оно непередаваемо, невыразимо. Язык недостаточно адекватен, никакие символы не помогут. Сердце знает, что такое любовь, но не спрашивает. Ум

знает лишь вопросы, сердце знает лишь ответы. Ум продолжает спрашивать, но не умеет отвечать.

Поэтому в философии нет ответов... вопросы, вопросы, вопросы. Каждый вопрос постепенно превращается в тысячу и один вопрос. У сердца нет вопросов, — это одна из тайн жизни, — у него есть все ответы. Но ум не будет слушать сердце; между ними нет единства, нет общения, потому что сердце знает лишь язык молчания. Никакой другой язык не известен сердцу, никакого другого языка сердце не понимает — а ум ничего не знает о молчании. Ум это сплошной шум: сказка, рассказанная идиотом, полная злости и шума, ничего не значащая.

Сердце знает, что такое значение. Сердце знает славу жизни, огромную радость простого существования. Сердце способно праздновать, оно никогда не спрашивает. Поэтому ум считает, что сердце слепо. Ум полон сомнений, сердце полно доверия; это полярные противоположности.

Вот почему говорят, что лучше быть позитивным, чем негативным. Но помни: позитивное связано с негативным, это две стороны одного и того же явления.

Я здесь не для того, чтобы научить тебя путям сердца. Да, я его использую, но лишь как средство: чтобы вывести тебя из ума, я использую сердце как средство; чтобы переправить тебя на другой берег, я использую сердце как лодку. Как только ты достиг другого берега, лодку нужно оставить; ты не должен продолжать нести ее на голове.

Цель в том, чтобы выйти за пределы двойственности. Цель в том, чтобы выйти за пределы и нет, и да, потому что твое да имеет смысл лишь в контексте нет; оно не может быть свободно от нет. Если оно свободно от нет, какой у него будет смысл? Твое да может существовать лишь вместе с нет, помни; и твое нет тоже может существовать лишь с да. Они полярно противоположны, но они могут тонким образом помогать друг другу. Это заговор; они держатся за руки, они поддерживают друг друга, потому что они не могут существовать по-отдельности. Да имеет

значение лишь благодаря нет; нет имеет значение лишь благодаря да. И ты должен выйти за пределы этого заговора, ты должен выйти за пределы этой двойственности.

Сагуна, это такой же вопрос, как и вопрос Сомендры, только заданный немного по-другому, под немного другим углом. Но это не новый вопрос, это не другой вопрос; это один и тот же вопрос, высказанный разными словами.

Я не учу тебя позитивному образу жизни, я не учу тебя негативному образу жизни: я учу тебя пути трансценденции. Все двойственности должны быть отброшены: двойственность ума и сердца, двойственность материи и ума, двойственность мышления и эмоций, двойственность позитивного и негативного, двойственность мужского и женского, инь и янь, двойственность дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти... все двойственности. Двойственность как таковая должна быть отброшена, потому что ты за пределами двойственности.

В то мгновение, когда ты начинаешь уходить и от да, и от нет, ты получишь свои первые проблески высшего. Поэтому высшее остается абсолютно невыразимым; ты не можешь сказать нет, ты не можешь сказать да.

Гаутама Будда никогда не говорит божественному «нет», он никогда не говорит божественному «да». Кажется, он — единственный в истории человечества, кто не был ни атеистом, ни теистом. Это уникально, это нечто безмерно ценное. Он — первопроходец; он вырывается в другое измерение, он это прорыв.

Люди постоянно спрашивали его, как они спрашивали всегда: «Есть ли бог?», и ожидали категоричного ответа, да или нет. И Будда очень озадачивал их, не отвечая ясно, существует ли бог. Напротив, он переводил вопрос на что-то другое; он мог начать говорить о чем-то другом. И его влияние и магнетизм были такими, что ты забывал обо всем, о чем пришел спросить; лишь позднее ты вспоминал, что он тебя обманул. Ты спросил о боге, а он не сказал о нем ни единого слова.

Многие думают: «Он не верит в бога; вот почему он молчит о боге, потому что он боится, что если он скажет нет, религиозные люди покинут его». Многие думают: «Он знает, что бог есть, но не говорит этого, потому что он не хочет, чтобы от него ушли атеисты». Многие думают: «Он хранит молчание об этом наиболее фундаментальном вопросе, потому что он ничего не знает, он абсолютно невежествен». Но все они ошибаются.

Он молчал, потому что божественность означает нечто трансцендентное; да неуместно столь же, как и нет. Ничто не может быть сказано о божественности; молчать о ней это единственно верный ответ. Он *в самом деле* отвечал. Лишь немногие редкие люди понимали его.

Однажды к Будде пришел человек. Он коснулся и его ног и спросил, есть ли бог — извечный вопрос.

Будда сказал, — он делал так всегда, это покажет тебе его метод, — он сказал:

— Когда я был молод, я очень любил лошадей.

Этот человек спрашивал о божественном, а он начинает говорить о лошадях! Но он так хорошо говорил... человек заинтересовался лошадьми, и Будда сказал:

— Я встречал четыре вида лошадей. Первый — самый тупой и упрямый вид: сколько ни бей лошадь, она не будет слушаться. Таковы многие люди. Второй вид: лошадь слушается, если ее бить, но она двинется с места лишь тогда, когда ты ее ударишь. Много и таких людей. И есть третий вид: лошади, которых не нужно бить — ты просто показываешь ей хлыст, и этого достаточно; если она понимает, что у тебя в руках хлыст, этого достаточно. А еще я сталкивался с очень редким видом лошадей: не нужно даже хлыста — достаточно лишь тени хлыста.

Затем он закрыл глаза и замолчал. Человек тоже закрыл глаза и сидел в молчании с Буддой.

При это присутствовал Ананда, старший ученик Будды; он наблюдал всю эту сцену. Он видел, что человек спрашивал

о боге, и Ананде тоже было любопытно, что скажет Будда — а он стал говорить о лошадях! Ананда не был доволен:

— Это неправильно, это нечестно, ты обманываешь этого человека. Он спрашивает о боге, а ты говоришь о лошадях! Он решил: «Когда этот человек уйдет, я спрошу его сам. Это уже слишком! Если он спрашивает о боге, по меньшей мере, ты можешь сказать о медитации, но о лошадях! Если ты не хочешь говорить о боге, говори о медитации, говори о молчании, но о чем-то уместном. Говори об отсутствии желаний, или, по крайней мере, ты можешь сказать: «Бог неопределим. Ничто не может быть сказано о боге, но я могу показать тебе путь, как и ты можешь испытать его опыт». Это было бы правильным, сострадательным. Что это за шутка — говорить о лошадях?»

Но он был еще более озадачен, когда Будда закрыл глаза, и этот человек последовал за ним. Воцарилось такое великое молчание, такое полное, существенное, почти осязаемое; ты мог бы коснуться его, ты мог бы почувствовать его поверхность. Ананда не был очень молчаливым человеком, но даже он был тронут этими двумя людьми, сидящими напротив друг друга в таком поразительном молчании. Он видел лицо Будды, и лицо человека, переживавшего трансформацию прямо у него на глазах. Низошла милость, возник великий мир.

Затем через час этот человек тоже открыл глаза, коснулся ног Будды в глубокой признательности, поблагодарил его и ушел.

Ананда спросил Будду:

— Для меня это непостижимо: он спрашивает о боге, а ты говоришь о лошадях. Я знаю тебя, я слышал, как ты делал это со многими людьми — но то, что произошло между вами сегодня, удивительнее всего. Я знаю тебя, и я был не слишком озадачен тем, что ты закрыл глаза и стал молчать. Я знаю, что тебе труднее говорить, чем сохранять молчание, — молчание для тебя естественно, спонтанно, — но что случилось с тем человеком? Я видел, что он становится молчаливым, и через несколько минут он погрузился

в такое глубокое молчание — как будто он прожил с тобой много лет. Даже я никогда не знал такого молчания! Что случилось в этом молчании? Какое единение? Какое общение? Что было передано? За что он был благодарен? Почему он так благодарил тебя?

— Есть четыре вида лошадей, — ответил Будда, — И ты, Ананда, относишься к первому виду, а он — к четвертому! Достаточно было и тени хлыста, чтобы он понял. Я говорил не о лошадях, я говорил о божественном; но о божественном нельзя говорить прямо. Я говорил не о лошадях, я говорил о медитации. Но я знал этого человека — он тоже любит лошадей. Когда я увидел, на какой лошади он приехал, я тут же понял это: у него была такая редкостная лошадь, которую мог выбрать только истинный ценитель лошадей. Вот почему я заговорил о лошадях — это был язык, который он мог понять, и он понял его. И когда я закрыл глаза, он увидел тень хлыста. Он закрыл глаза — он понял, что о высшем говорить нельзя, но о нем можно молчать, глубоко молчать, и в этом молчании оно познается. Это трансцендентальный опыт: он за пределами ума и за пределами сердца, за пределами да и за пределами нет, за пределами негативного и за пределами позитивного.

Но если ты собираешься выбирать между позитивным и негативным, тогда я тебе скажу: выбери позитивное, — потому что легче выскользнуть из да, чем из нет, — потому что в нем нет большого пространства; это темная тюремная камера. Да шире; оно более открыто, более уязвимо. Ты найдешь более трудным двигаться из нет: у тебя мало места, ты замкнут в нем со всех сторон, и все двери и окна закрыты. Нет это замкнутое пространство.

Жить в негативном это самая большая глупость, на которую способен человек, но миллионы живут в негативном. В особенности живет в негативном современный человек. Он повторяет историю Тургенева, «Идиот», потому что, живя в негативном, он хорошо себя чувствует, его это

чувствует большое удовлетворение. Это это тюремная камера, сложенная из кирпичей нет; негативное это его пища.

Поэтому, Сагуна, если тебе приходится выбирать между негативным и позитивным, выбери позитивное. По крайней мере, у тебя будет немного более широкий кругозор, некоторые окна и двери будут открыты, ветер, солнце и дождь будут доступны для тебя. Ты получишь некоторые проблески открытого неба снаружи, звезд и луны. Иногда до тебя будет доноситься аромат цветов, иногда тебя будет приводить в трепет радость того, что ты жив. Из да легче двигаться к запредельному.

Приди из нет в да, а из да — в запредельное. Запредельное ни позитивно и не негативно — запредельное есть божественность, запредельное есть просветление.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему я чувствую такую боль, расставаясь с вещами, которые причиняют мне страдание?*

Дэва Акал,
Те вещи, которые причиняют тебе страдание, дают тебе также и удовольствие; иначе этот вопрос не возник бы. Если бы они были чистым страданием, ты отбросил бы их. Но в жизни ничто не чисто; все перемешано со своей противоположностью. Все несет в своем чреве свою противоположность.

То, что ты называешь страданием — проанализируй это, проникни в это, и ты увидишь, что это что-то такое, что ты хотел бы иметь. Возможно, это еще не реально, возможно, это лишь надежда, возможно, это обещание на завтра, но ты будешь цепляться за страдание, ты будешь цепляться за эту боль в надежде, что завтра случится то, чего ты всегда хотел, чего ты всегда жаждал.

Ты страдаешь от боли в надежде на удовольствие. Если это чистое страдание, за него невозможно цепляться. Просто наблюдай, будь бдителен к своему страданию. Например, ты чувствуешь ревность. Это создает страдание. Но оглянись — в этом должно быть и нечто позитивное. Это также дает тебе некоторое эго, некоторое чувство отделенности от других, некое чувство превосходства. По крайней мере, твоя ревность притворяется любовью. Если ты не будешь чувствовать ревность, ты подумаешь, что, наверное, ты больше не любишь. И ты цепляешься за ревность, потому что ты хотел бы цепляться за свою любовь — по крайней мере, за свою идею любви. Если твоя женщина или твой мужчина с кем-то другим, и ты совсем не чувствуешь ревности, ты сразу же осознаешь, что ты больше не любишь. Тебе веками говорили, что влюбленные ревнивы. Ревность стала внутренним свойством твоей любви: без ревности твоя любовь умирает; лишь с ревностью может продолжать жить твоя так называемая любовь. Если ты хочешь свою любовь, тебе придется принять и свою ревность и то страдание, которое она причиняет.

Твой ум очень умен и хитер в том, чтобы находить рационализации. Он скажет: «Ревность естественна». И она кажется естественной, потому что все остальные чувства имеют то же самое. Твой ум скажет: «Естественно чувствовать обиду, если тебя покидает возлюбленный. Ты так сильно любил; как ты можешь избежать боли, раны, когда возлюбленный покидает тебя?»

На самом деле, ты наслаждаешься и своими ранами, очень тонким и бессознательным образом. Твоя рана дает тебе идею о том, что ты — великий любящий, что ты любил так сильно, ты любил так глубоко, твоя любовь была такой полной, что ты сокрушен, потому что твой возлюбленный покинул тебя. И даже если ты не сокрушен, ты будешь прикидываться — и ты будешь верить в собственную ложь. Ты будешь вести себя так, будто бы ты очень страдаешь, ты будешь плакать и рыдать, и твои слезы, возможно, совсем не правдивы, но чтобы утешить себя

тем, что ты великий любящий, ты будешь рыдать и плакать.

Просто наблюдай все виды страдания: либо в нем есть какое-то удовольствие, с которым ты не готов проститься, либо некая надежда, которая продолжает висеть перед тобой как морковка. И она кажется такой близкой, ты шел к ней так долго, и цель так близка, зачем отбрасывать ее? Ты найдешь в этом какую-то рационализацию, какое-то лицемерие.

Несколько дней назад одна саньясинка написала мне, что ее возлюбленный оставил ее, и она не чувствует себя несчастной — что с ней не в порядке? «Почему я не чувствую себя несчастной? Не слишком ли я жесткая, каменная? Я не чувствую страдания», — написала она мне. Она страдает, потому что она не страдает! Она ожидала потрясения. «Напротив», — пишет она, — «я могу признаться, что я чувствую себя счастливой — и это вызывает во мне грусть. Что это за любовь? Я чувствую себя счастливой, освобожденной от бремени; из моего существа исчез большой груз». Она спрашивает меня: «Возлюбленный Мастер, нормально ли это? Все ли со мной в порядке, или что-то не так в самой моей основе?»

Ничего не так, она в полном порядке. На самом деле, когда любовники расстаются после долгого времени вместе и всего неизбежного страдания, которое из этого вытекает, это облегчение. Но признаться в том, что это облегчение, противоречит эго. По крайней мере, несколько дней ты будешь ходить с вытянутым лицом, со слезами на глазах — фальшивыми слезами, но эта идея преобладала в мире.

Если кто-то умирает, и ты не чувствуешь грусти, ты начнешь чувствовать, что несомненно с тобой что-то не так. Как ты можешь избежать грусти, когда кто-то умирает? — потому что нам говорили, что это естественно, это нормально, а все хотят быть естественными и нормальными. Это не нормально, это лишь средняя статистика. Это

не естественно, это лишь очень долго прививаемая привычка; в противном случае, плакать и рыдать нечем.

Смерть ничего не разрушает. Тело это прах, и оно возвращается во прах, а у сознания есть две возможности: если у него еще есть желания, оно войдет в другое чрево, или, если все желания исчезли, оно войдет в чрево божественности, в вечность. Ничто не уничтожено. Тело вновь становится частью земли, отдыхает, а душа движется во вселенское сознание или в другое тело.

Но ты плачешь и рыдаешь и носишь с собой грусть много дней. Это лишь формальность, или, если это не формальность, очень вероятно, что ты никогда не любил человека, который умер, и сейчас чувствуешь раскаяние; ты никогда не любил этого человека тотально, а сейчас времени больше нет. Теперь этот человек исчез, и он никогда больше не появится. Возможно, у тебя была ссора с мужем, и он умер ночью во сне. Теперь ты говоришь, что ты плачешь, потому что он умер, но на самом деле ты плачешь потому, что уже не можешь попросить у него прощения, ты не можешь проститься с ним. Теперь эта ссора всегда будет окружать тебя как облако.

Если человек живет тотально от мгновения к мгновению, никогда не возникает никакого раскаяния, никакой вины. Если ты любил тотально, вопросов нет. Если однажды твой любовник уходит, это просто значит: «Теперь наши пути расходятся. Мы можем проститься, мы можем быть благодарными друг другу. Мы столько делили, мы так любили, мы так обогатили жизни друг друга — о чем плакать, рыдать и чувствовать себя несчастным?»

Но люди так запутаны в своей рациональности, что не могут видеть дальше своих рационализаций. И они всегда рационализируют все; даже те вещи, которые очевидно просты, становятся очень сложными.

— Я влюблен в свою лошадь, — говорит Эндрю психиатру.

— Это чепуха, — отвечает тот. — Многие люди любят животных. У нас с женой есть собака, которую мы очень любим.

— Да, доктор, но я чувствую к своей лошади физическое влечение!

— Гмм! — говорит психоаналитик. — Какого пола эта лошадь? Мужского или женского?

— Конечно, женского! — отвечает Эндрю. — Что же я, повашему, голубой?

Ты спрашиваешь меня, Акал: «Почему я чувствую такую боль, расставаясь с вещами, которые причиняют мне страдание?»

Ты еще не убежден в том, что они причиняют тебе страдание. Я говорю, что они причиняют тебе страдание, но ты еще не убежден. Дело не в том, что говорю я. Суть в том, что тебе придется понять: «Эти вещи причиняют мне страдание», и тогда ты увидишь, что ты многое вложил в свое страдание. Если ты хочешь сохранить эти вложения, тебе придется научиться жить в страдании; если ты хочешь отбросить страдание, тебе придется отбросить и вложения.

Ты не замечал, не наблюдал? — если ты говоришь с людьми о своем страдании, они очень сочувствуют тебе. Каждый сочувствует несчастному страдальцу. Если ты любишь получать от людей сочувствие, ты не можешь отбросить свое страдание; это твои вложения.

Несчастный муж приходит домой, и его жена очень любящая, сочувственная. Чем более он несчастен, тем больше о нем заботятся его дети; чем более он несчастен, тем лучше к нему относятся его друзья. Все заботятся о нем. В то мгновение, когда он становится счастливым, они, конечно, перестают сочувствовать — счастливый человек не нуждается в сочувствии. Чем более он счастлив, тем более он найдет, что он никому не нужен. Каждый будто бы стал жестким, застывшим. Как ты можешь отбросить свое страдание?

Тебе придется отбросить это желание внимания, это желание получать сочувствие от людей — это делает тебя побирающимся нищим. И помни, сочувствие это не любовь; они делают тебе одолжение, они выполняют некий долг — это не любовь. Возможно, ты им не нравишься, но они все равно сочувствуют тебе. Это этикет, культура, цивилизованность, формальность — но ты живешь ложными вещами. Твое страдание реально, а то, что ты получаешь в этой сделке, ложно. Конечно, если ты будешь счастлив, если ты отбросишь все свои страдания, это будет радикальной переменой в твоём стиле жизни; все может начать меняться.

Однажды ко мне пришла одна женщина, женщина одного из богатейших людей Индии, и она сказала:

— Я хочу медитировать, но мой муж против.

— Почему твой муж против медитации?

— Он говорит: «Я люблю тебя такой, как ты есть. Я не знаю, что случится после медитации. Если ты начнешь медитировать, ты обязательно изменишься; и тогда я не знаю, смогу ли я тебя любить, потому что ты будешь другим человеком».

Я сказал этой женщине:

— Твой муж в этом прав — несомненно, все изменится. Ты будешь более свободной, более независимой. Ты будешь более радостной, и твоему мужу придется научиться жить с новой женщиной. Возможно, это ему не понравится, он почувствует себя ниже. Сейчас он чувствует свое превосходство.

Именно поэтому веками мужчина не позволял женщине медитировать, участвовать в глубоких религиозных переживаниях. Мужчина не позволял женщине читать Веды, Упанишады, великие писания мира. Во многих религиях женщине не разрешается входить в мечеть или синагогу. Джайнизм говорит, что ты не можешь достичь освобождения из тела женщины; сначала ты должен родиться мужчиной, и лишь тогда ты можешь быть освобожден. Из тела женщины нет пути к божественному.

Почему? Откуда этот страх? Причина очень психологическая: мужчина всегда боялся, что женщина станет более счастливой, чем он, более мирной, чем он, более гармоничной, более цельной — потому что, если она более цельна, более сонастроена со своим существом и с существом целого, в большей гармонии с существованием, в большем созвучии... Женщина может достичь гармонии легче, чем мужчина, помни. По неким биологическим причинам женщина способна двигаться в медитацию легче, чем мужчина. Мужская энергия — агрессивная, насильственная, идущая наружу, экстравертная, а женская энергия — интровертная, пассивная, идущая вовнутрь.

Поэтому дайнизм абсолютно неправ — и не только абсолютно неправ: правдой может быть прямо противоположное. В божественное легче войти из тела женщины, чем из тела мужчины. Тело женщины более гармонично, тело мужчины не гармонично. Тело женщины более уравновешено, более округло; именно поэтому оно выглядит так красиво. Ее тело менее напряжено, более расслаблено.

Матери понимают через несколько месяцев беременности, какого пола ребенок у них в животе, потому что ребенок мужского пола начинает выпендриваться, драться... он не может оставаться в покое. Понаблюдай за маленькими девочками — они совершенно счастливы, сидя в углу со своими куклами. А мальчики? — они не могут сидеть.

Несколько дней назад маленький мальчик принял саньясу. Мне пришлось попросить его: «Не можешь ли ты посидеть спокойно минуту, чтобы я мог объяснить твоей матери значение твоего имени?» Но он не мог просидеть молча ни одной минуты. Маленькие девочки приходят принимать саньясу; когда я говорю им закрыть глаза и сидеть в молчании, они сидят так красиво; они могут сидеть часами. Когда приходят маленькие мальчики, и я говорю им закрыть глаза, им приходится зажмуривать глаза! Они боятся, что если они недостаточно сильно зажмут глаза,

они откроются. Им так любопытно, что происходит снаружи.

Когда маленькие девочки принимают саньясу, они смотрят на меня. А мальчики? — они смотрят на Кришну Бхарти и его фотоаппарат! Они непрерывно оглядываются! Я одеваю на них малу, и они оглядываются на людей, чтобы увидеть, как они реагируют. «Все ли смеются, наслаждаются, смотрят?» Это великие актеры! И это огромное любопытство заставляет их всегда оставаться напряженными.

Во время своего медового месяца Кит и Нетти купили говорящего попугая и взяли его в свой номер в гостинице. Пока они занимались любовью, птица непрерывно комментировала, что происходит. В конце концов Кит закрыл клетку баннным полотенцем и сказал:

— Если ты не заткнешься, я пошлю тебя в зоопарк!

Собираясь на следующее утро, они не могли закрыть чемодан, и решили, что один из них встанет на него, а другой попытается его застегнуть.

— Дорогая, — сказал Кит, — Ты полезай наверх, а я попытаюсь.

Это не сработало. Тогда он сказал:

— Теперь я залезу наверх, а ты попробуйся.

И это не помогло.

— Слушай, — сказал Кит, — Давай оба залезем наверх и попытаемся.

Попугай сбросил полотенце с клетки и сказал:

— Зоопарк или нет, но это я должен увидеть!

Должно быть, попугай был мужского пола!

Я сказал этой женщине:

— Твой муж прав: прежде чем вступать на путь медитации, ты должна об этом подумать, потому что тебя ждут опасности.

Она не послушалась меня и начала медитировать. Сейчас она разведена. Она пришла ко мне через несколько лет и сказала:

— Ты был прав. Чем более молчаливой я становлюсь, тем больше на меня злится мой муж. Он никогда не был так груб, происходит что-то странное, — сказала она мне. — Чем более тихой и молчаливой я становлюсь, тем более агрессивным становится он.

Весь его мужской шовинистический ум поставлен на карту. Он хотел разрушить мир и молчание, происшедшее с этой женщиной, чтобы все же продолжать чувствовать свое превосходство. И поскольку все не получилось так, как он хотел, он развелся с этой женщиной.

Это очень странный мир! Если ты становишься мирным, твои отношения с людьми меняются, потому что теперь ты — другой человек. Если ваши отношения основывались на страдании, они могут исчезнуть.

У меня был друг. Он был профессором в том же университете, где работал и я; он был великим социальным работником. Все Индии все еще остается проблемой, что делать с вдовами. Никто не хочет на них жениться, не хотят выходить замуж и сами вдовы; это кажется каким-то грехом. И этот профессор решил жениться на вдове. Он не заботился о том, любит ли он эту женщину, — это было вторично, неважно, — его единственным стремлением было, чтобы она была вдовой. И постепенно он убедил ее, и она согласилась. Я сказал этому человеку:

— Прежде, чем нырнуть, рассмотри это хотя три дня — оставайся в изоляции. Любишь ли ты эту женщину, или просто оказываешь великую социальную службу?

Жениться на вдове в Индии считается чем-то очень революционным, радикальным.

— Не пытаешься ли ты просто доказать, что ты революционер? Если ты пытаешься доказать, что ты революционер, тебя ждут проблемы — потому что в то мгновение, ко-

гда ты на ней женишься, она больше не будет вдовой, и весь твой интерес исчезнет.

Он не послушался меня. Он женился... и через шесть месяцев он сказал мне:

— Ты был прав.

Он плакал.

— Я не мог этого увидеть: я любил ее ради ее вдовства, а не ее ради нее самой, и теперь, конечно, она больше не вдова.

Я ответил ему:

— Сделай одно — покончи с собой! Сделай ее снова вдовой и дай кому-то другому шанс почувствовать себя революционером! Что еще ты можешь сделать?

Человеческий ум так глуп, так бессознателен. Будда говорит, что он крепко спит, дремлет, храпит.

Акал, ты не можешь избавиться от вещей, которые причиняют тебе страдание, потому что ты еще не увидел своих вложений, ты еще не заглянул в них глубоко. Ты не увидел, что ты извлекаешь из своего страдания некое удовольствие. Тебе придется отбросить все — тогда нет проблем. На самом деле, страдание и удовольствие могут быть отброшены только вместе. И тогда возникает блаженство.

Блаженство это не удовольствие, блаженство это не счастье. Счастье всегда связано с несчастьем, а удовольствие всегда связано с болью. Отбросив все... Ты хочешь отбросить страдание, чтобы ты мог быть счастливым — это абсолютно неправильный подход. Тебе придется отбросить все. Видя, что они вместе, человек их отбрасывает; он не может выбрать часть.

В жизни все находится в органическом единстве. Боль и удовольствие это не две вещи. На самом деле, если мы сделаем язык более научным, мы отбросим эти слова: боль и удовольствие. Мы создадим одно слово: болеудовольствие, счастье-несчастье, дененочь, жизнесмерть. Это одно слово, потому что они неотделимы.

А ты хочешь выбрать одну часть: ты хочешь иметь розы без шипов, ты хочешь только день без ночи, ты хочешь только любовь без ненависти. Этого не случится — это не в природе вещей. Тебе придется отбросить все, и тогда возникнет совершенно другой мир — мир блаженства.

Блаженство это абсолютный мир, безмятежность, не тревожимая ни болью, ни удовольствием.

Чтобы отпраздновать свой сороковой юбилей, Сеймур и Роуз вернулись в тот же номер на втором этаже, в котором они провели свой медовый месяц.

— Сейчас, — сказал Сеймур, — давай, как в первую ночь, разденемся, разоидемся в противоположные углы комнаты, погасим свет, подбежим друг к другу и обнимемся.

Они разделись, разошлись в противоположные углы комнаты, выключили свет, и побежали друг к другу. Но за сорок лет их чувство направления притупилось, и Сеймур промахнулся мимо Роуз и вылетел прямо в окно. В изумлении он приземлился на лужайку.

Он постучал в окно, чтобы привлечь внимание служащего. — Я выпал из окна, — сказал он. — Я голый, и мне нужно попасть обратно в комнату.

— Это ничего, — сказал служащий. — Никто не увидит.

— Вы что, с ума сошли? Я должен пройти через холл, а я совершенно голый!

— Никто не увидит вас, — повторил служащий. — Все пошло наверх, чтобы попытаться вытащить какую-то старушку из замочной скважины!

Люди так глупы! Не только те, кто помоложе — чем старше ты становишься, тем больше ты глупеешь. Чем больше ты приобретаешь опыта, тем больше, кажется, ты накапливаешь глупостей из своей жизни. Крайне редко бывает так, что человек начинает замечать, наблюдать свою жизнь и ее повторяющиеся образцы.

Увидь, в чем твое страдание, какие желания вызывают его, и почему ты цепляешься за эти желания. И ты

цепляешься за эти желания не в первый раз; это было повторяющимся образцом в твоей жизни, и ты ни к чему не пришел. Ты продолжаешь двигаться по кругу, ты никогда не приходишь к настоящему росту. Ты остаешься инфантильным, глупым. А ты рождаешься с разумностью, которая может сделать тебя буддой, но она растрачивается на ненужные вещи.

Фермер, у которого было только два старых быка-импотента, купил нового, молодого, полного сил быка. Тотчас же он стал прыгать на одну корову за другой на пастбище. Наблюдая за этим в течение часа, один из старых быков начал фыркать и бить копытом землю.

— В чем дело? — спросил другой. — Вспомнил молодость?
— Нет, — ответил первый бык. — Просто я не хочу, чтобы этот молодой парень принял меня за одну из коров.

Даже в старости люди продолжают носить с собой свое эго. Им приходится притворяться, им приходится позировать, и вся их жизнь это не более чем долгая-долгая история несчастья. Все же они защищают его. Вместо того, чтобы подготовиться его изменить, они его защищают.

Акал, отбрось всю защиту, отбрось всю броню. Начни наблюдать, как ты живешь своей повседневной жизнью, от мгновения к мгновению. И что бы ты ни делал, вникай в каждую деталь. Тебе не нужно идти к психоаналитику, ты можешь анализировать каждый образец в своей жизни сам — это такой простой процесс! Просто наблюдай, и ты сможешь увидеть, что происходит, что происходило всегда. Ты выбирал — в этом была проблема — ты выбирал одну часть вопреки другой, а они связаны друг с другом.

Будда говорит: Достигни невыбирающего сознания — вообще не выбирай. Просто наблюдай и осознавай без выбора, и ты достигнешь блаженства, ты достигнешь рай лотосов.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Кто я?*

*Н*араяно,
Этот вопрос нужно сделать медитацией. Это не тот вопрос, который нужно задавать, это вопрос, на который нужно медитировать — потому что никто не может на него ответить за тебя, и ничей ответ не может быть твоим ответом. Это один из тех вопросов, которые в действительности не вопросы, а тайны.

Да, ты можешь продолжать спрашивать ученых, и какой-нибудь глупый ученый скажет:

— Ты Бог, ты душа, ты это, ты то, ты вечное сознание, бессмертное существо.

Но, ты думаешь, эти слова будут иметь для тебя какой-то смысл? Это будут пустые слова. Это не тот вопрос, который нужно задавать, это вопрос, в который нужно войти.

Рамана Махарши сделал это своей единственной медитацией; это единственная медитация, которую он дал своим ученикам — очень мощный метод. Просто сидя в молчании, сначала спроси вербально: «Кто я?» Затем постепенно позволь словам исчезнуть, чтобы осталось лишь чувство: «Кто я?» — просто чувство. Затем позволь исчезнуть и чувству... лишенный слов, лишенный эмоций знак вопроса. Ты не спрашиваешь: «Кто я?», ты становишься самим знаком вопроса. Сидя в молчании, оставаясь знаком вопроса, ты войдешь в свое существо, ты узнаешь.

Знание не приходит из писаний, его нельзя преподавать. Я знаю ответ, но мой ответ это не твой ответ; он не может быть твоим ответом. Ты можешь повторять его как попугай, ты можешь верить в него, но это не трансформирует тебя. Никакая информация никогда не приносит трансформации.

Задавать этот вопрос неправильно: правильно медитировать на него. Я не могу ответить, кто ты, я могу сказать только это: начни спрашивать свое существо: «Кто я?», и твой ум начнет предлагать множество ответов. Если ты христианин, он будет давать тебе христианские ответы, если ты индуист, он будет давать индуистские ответы, если ты буддист, он будет давать буддистские ответы. Все эти ответы ложны. Поэтому продолжай говорить: «*Нети, не-ти* — ни это, ни то». Продолжай говорить: «Это не ответ». Какой бы ответ ни дал ум, это обман — остерегайся!

Когда ты уничтожишь все ответы, данные умом, и ум будет пуст, и у него больше не будет ответов, в тебе возникнет ответ. Когда ум прекращается, возникает ответ. Он не будет словами, он будет опытом.

Не спрашивай меня, Нарайано, спроси себя. Сиди в молчании каждый раз, когда ты можешь найти время.

Но, должно быть, ты спрашиваешь об этом других. Люди ходят от одного мастера к другому, задавая одни и те же вопросы, получая одно и те же ответы. Вопрос остается на своем месте; ответы ничего не меняют. Должно быть, ты задавал этот вопрос многим людям — твои поиски долги. Ты побывал во всех ашрамах, и они дали тебе все ответы, и все же ты не удовлетворен. Когда же ты увидишь суть, когда же ты увидишь, что ни один ответ, данный снаружи, не может быть удовлетворительным, не может принести удовлетворенности?

Отбрось этот вопрос. Не задавай его, потому что, если ты кого-то спросишь, найдутся люди, которые ответят. Есть люди, которые живут за счет твоих вопросов — пандиты, священники, ученые, профессора — весь их бизнес в том, чтобы предлагать ответы на твои вопросы. И ты не можешь увидеть суть — никакой ответ не станет твоим ответом?

Пришло время, начни спрашивать себя. По крайней мере, этот вопрос: «Кто я?», должен быть задан в святая святых твоего существа. Ты должен повторять этот вопрос. Он должен вибрировать в тебе, пульсировать в твоей

крови, в твоих клетках. Он должен стать вопросительным знаком в самой твоей душе.

И когда ум смолкнет, ты будешь знать. Ты не получишь никакого ответа в словах, ты не можешь записать его в блокноте: «Это ответ», ты не сможешь никому сказать: «Вот ответ». Если ты можешь кому-то сказать об этом, это не ответ. Если ты можешь записать его в блокноте, это не ответ. Когда случается настоящий ответ, он так экзистенциален, что его нельзя выразить.

Спрашивать других глупо, спрашивать себя мудро.

Когда цирк завершил свое последнее представление в небольшом городе, одна из зебр заболела. Местный ветеринар предложил дать животному отдых, и владелец цирка устроил так, чтобы она могла пожить на ближайшей ферме.

Осваиваясь в новом месте, зебра решила познакомиться со всеми животными на скотном дворе. Она встретила цыпленка и сказала:

— Я зебра, а ты кто?

— Я цыпленок, — сказал цыпленок.

— Что ты делаешь? — спросила зебра.

— Я брожу вокруг и откладываю яйца.

Зебра подошла к корове.

— Я зебра. А ты кто?

— Я корова, — сказала корова.

— А что ты делаешь? — спросила зебра.

— Я пасусь в поле и даю молоко.

Потом зебра встретила быка.

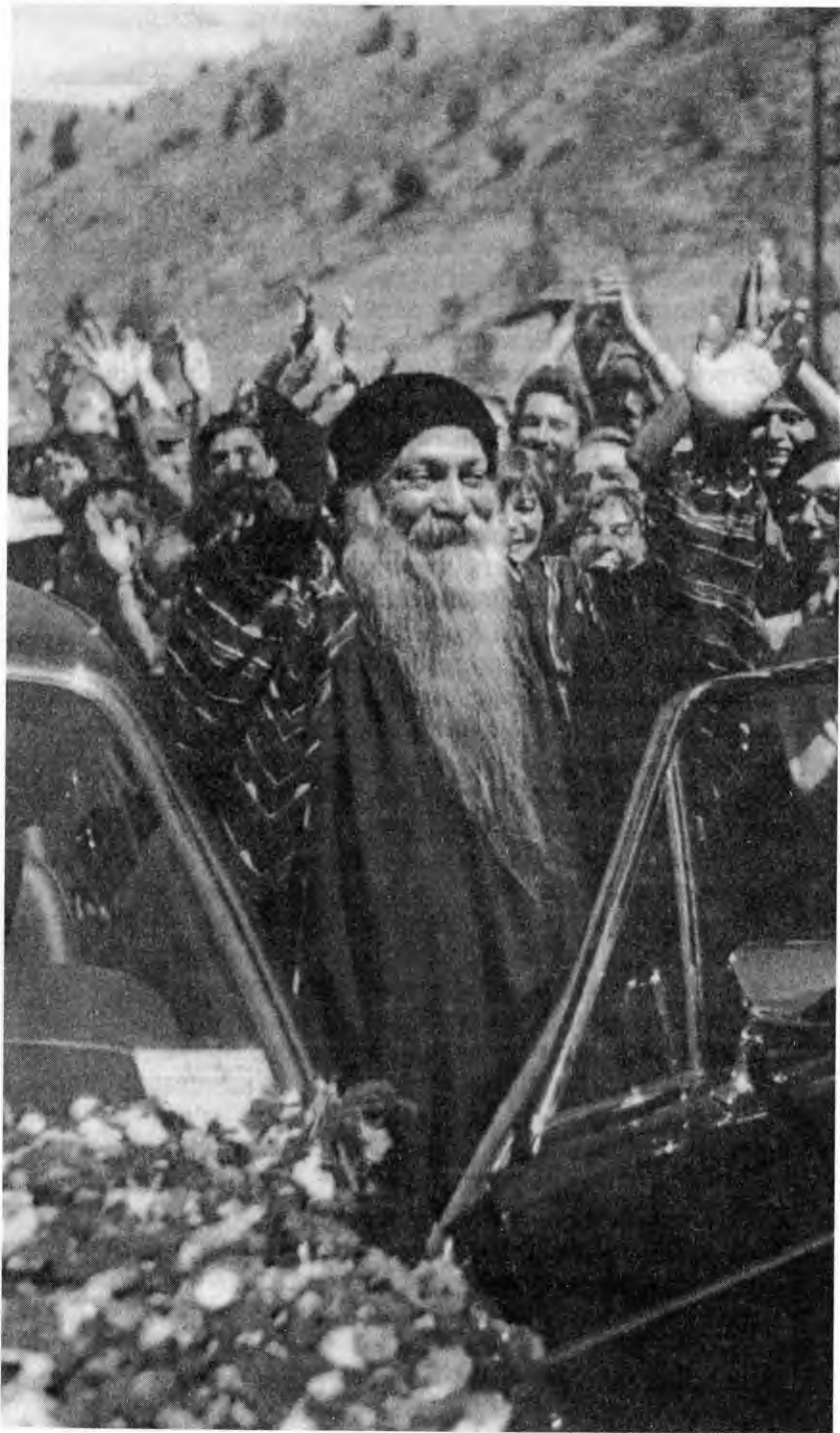
— Я зебра, — сказала она. — А ты кто?

— Я бык.

— А что ты делаешь?

— Что я делаю! — проревел бык. — Глупый осел, сними свою пижаму, и я покажу тебе!

На сегодня достаточно.

Глава 3
Чего Ты Желаеть,
Тем Ты Становишься

*Напрасно искал я строителя своего дома
Бессчетные жизни.
Я не мог его найти...
Как тяжело шагать одну жизнь за другой!*

*Но теперь я вижу тебя, О строитель!
И никогда больше не построишь ты мой дом.
Я разорвал стропила.
Я расщепил конек крыши.
Я выгнал желание.
Теперь мой ум свободен.*

*В озере нет рыбы.
Длинноногие журавли стоят в воде.*

*Печален человек,
Который в молодости жил расточительно
И растратил свое состояние —*

*Печален сломанный лук.
Грустно вздыхает он
Обо всем, что возникло и умерло.*

Гаутама Будда является величайшим прорывом, который человечество знало до сих пор. Время не должно отсчитываться от Иисуса Христа; оно должно начинаться с имени Гаутамы Будды. Мы должны разделять историю на до и после Будды, а не на до и после Христа, потому что Христос не был прорывом; он был продолжением. Он представляет прошлое во всей его красоте и великолепии. Он — само существо всех предпринятых до него поисков человека. Он — аромат всех прошлых попыток человека познать божественное, но он не является прорывом. В настоящем смысле этого слова он не бунтовщик. Будда — бунтовщик, хотя Иисус и больше похож на бунтовщика, чем Будда, потому что бунт Иисуса видим, а бунт Будды невидим.

Великое прозрение нужно, чтобы понять, что внес Будда в человеческое сознание, в человеческую эволюцию, в человеческий рост. Человек не был бы таким, какой он сейчас, если бы не Будда. Человек был бы таким же, если бы не было Христа, если бы не было Кришны; не было бы большой разницы. Устраните Будду, и будет потеряно нечто безмерно важное; но его восстание было очень невидимым, тонким.

До Будды поиск — религиозный поиск — был в своей основе связан с богом: с богом, который снаружи, с богом, который где-то на небесах. Религиозный поиск был также связан с объектом желания настолько же, как и мирской поиск. Мирской человек стремился к деньгам, власти, престижу, а человек не от мира искал бога, нирваны, вечности, истины. Но общим было одно: оба они искали вовне, оба были экстривертны. Помни это слово, потому что оно поможет тебе понять Будду.

До Будды религиозный поиск не был обращен вовнутрь; он был экстривертным, а когда религиозный поиск экстривертен, он в действительности не религиозный. Религия начинается только с обращения вовнутрь, когда ты начинаешь глубоко нырять внутрь себя.

Люди веками искали бога: Кто строитель этой вселенной? Кто создатель этой вселенной? И многие все еще живут во временах до Будды, те, кто задает вопросы: Кто создатель этого мира? Когда он создал этот мир? Есть даже глупцы, которые определили день, дату и год, в который Бог создал мир. Некоторые христианские теологи говорят, что ровно за четыре тысячи лет до Иисуса Христа — в понедельник, 1 января! - Бог создал мир, или начал создавать мир и окончил работу через шесть дней. Из этого действительности соответствует только одно: должно быть, он правда выполнил эту работу за шесть дней, стоит лишь посмотреть, в каком беспорядке мир — это шестидневная работа! И с тех пор о нем никто ничего не слышал. На седьмой день он отдохнул и продолжает отдыхать до сих пор...

Возможно, Фридрих Ницше прав, он не отдыхает — он умер! Он не проявляет никакой заботы. Но христиане говорят: «Нет он не забыл. Смотри! Он послал Иисуса Христа, своего единородного сына, чтобы спасти мир. Он по-прежнему заинтересован». Это единственное проявление его интереса, которое удалось найти христианам — он послал Иисуса Христа... но мир не спасен. Если целью прихода Иисуса Христа было спасти мир, Иисус потерпел поражение, а с ним потерпел поражение и Бог — мир остался прежним. И что это за забота — его посланник был распят, и он ничего не смог сделать?

Многие люди до сих пор живут во временах до Будды.

Будда изменил все измерение религии, он придал ему такой красивый оборот: он задал *настоящие* вопросы. Он не был метафизиком, он никогда не задавал метафизических вопросов; для него метафизика была сплошным мусором. Он был первым психологом, которого узнал мир, потому что он основал свою религию не на философии, а на психологии.

Психология в своем изначальном смысле означает науку души, науку внутреннего.

Он не спрашивал: Кто создал мир? Он спросил: Почему я здесь? Кто я? Кто создает меня? И этот вопрос не в прошедшем времени: Кто создал меня? — мы постоянно создаваемы. Наша жизнь не является вещью, созданной раз и навсегда; это не объект. Это растущее явление, это текущая река. Каждое мгновение она встречается в другом месте. «Кто создает эту жизнь, эту энергию, это тело, это сознание, которое есть я?» Его вопрос совершенно иной. Он превращает религию из экстравертной в интровертную.

Экстравертная религия молится богу; интровертная религия медитирует. Молитва экстравертна; она обращена к некому невидимому богу. Возможно, он есть, возможно, его нет — ты не можешь знать наверняка; неизбежно сохраняется сомнение. Поэтому всякая молитва так или иначе укоренена в сомнении, в страхе, в неуверенности, в жадности.

Медитация укоренена в бесстрашии, в нестяжательстве. Медитация ни у кого не просит подаяния, она ни к кому не адресована. Медитация это состояние внутреннего молчания. Молитва это по-прежнему шум, по-прежнему разговор — разговор с богом, которого может не быть. Это ненормально, невротично; ты ведешь себя как сумасшедший. Сумасшедшие продолжают разговаривать; они не беспокоятся о том, есть ли кто-то, чтобы их слушать. Это верный признак того, что они сумасшедшие — они представляют, что кто-то есть рядом; и не только — они почти что видят его. Их визуализация очень хороша, их воображение очень вещественно. Они способны превращать тени в вещество, воображение в реальность, вымысел в факты. Тебе кажется, что они произносят монолог; им кажется, что они в диалоге. Ты не видишь больше никого — они одни, — но они кого-то видят.

Именно из-за этого факта психоаналитики настоятельно относятся к религии, потому что религиозный человек ведет себя в точности как наврастеник. И есть множество психоаналитиков, которые считают, что религия это не что иное, как массовый невроз — и в каком-то

смысле они правы: экстравертная религия это и есть массовый невроз.

Но психоаналитики еще не знают о Будде. Будда даст им великое прозрение в религию, в истинную религию. В ней нет ни молитвы, ни бога. Медитация это не диалог и даже не монолог — медитация это чистое молчание.

Люди спрашивают меня: «Каким должен быть объект медитации?» Они задают неправильный вопрос, но я могу понять, почему они его задают. Они жили в религиях молитвы, а молитва не может существовать без того, к кому она обращена. Молитве необходим объект поклонения; молитва это зависимость. Поклоняющийся не может быть независимым; он зависим от своего поклонения и к тому же испуган.

Но у медитирующего нет объекта. Медитация не значит медитация на что-то. Английское слово «медитация» имеет неправильный сопряженный смысл; в английском нет слова, чтобы перевести буддистское слово *дхиана*. Фактически, ни в одном другом языке мира нет слова, абсолютно синонимичного *дхиане*. Именно из-за этого факта, когда буддизм достиг Китая, его не смогли перевести на китайский; поэтому *дхиана* превратилась в *ч'ань* — это то же самое слово. *Дхиана* это санскритское слово, а Будда говорил на пали, другом языке, который понимали люди, среди которых он жил. В пали *дхиана* становится *джанной*; из *джнаны* она превращается в китайское *ч'ань*, а затем в японское *дзен*. В китайском не нашлось эквивалента, в японском не нашлось эквивалента. Фактически, нет эквивалента и ни в каком другом языке, потому что ни один другой язык не давал рождения такому человеку как Будда. А без Будды невозможно было придать ему этого нового значения, этого нового видения, этого нового измерения.

В английском «медитация» означает размышление над чем-то; но тогда это мышление, самое большее, созерцание — но все же не медитация. Медитация означает

быть медитативным, молчаливым, мирным, без мыслей в уме — быть сознанием без всякого содержания. Это истинное значение медитации: чистое сознание, ничего не отражающее зеркало.

Будда направил весь религиозный поиск от метафизики к великой психологии, потому что он спросил: Каковы причины моей жизни и смерти? Это не связано со вселенной. Он говорит: Мы должны начать с самого начала, и все, чтобы иметь настоящую значимость в жизни, должно быть связано со мной: кто я и зачем я? Какие причины продолжают создавать меня?

Его первая сутра:

*Напрасно искал я строителя моего дома
Бессчетные жизни.*

Он говорит: «Я искал и искал бога бессчетные жизни. Все было тщетно, все было напрасно. Я не мог найти никакого бога, потому что, фактически, божественное это не личность, и его нельзя найти. Божественное это не «он».»

Сейчас много спорят о том, «он» ли бог или «она». Это не он и не она. И если ты настаиваешь на выборе между «он» и «она», я считаю, что «она» гораздо лучше, потому что слово «она» содержит слово «он», а слово «он» не содержит слово «она». Но в действительности божественное это вообще не личность; поэтому вопрос о том, он это или она, неуместен.

Божественность это качество, а не объект. Бог это не бог, а божественность — и эта божественность должна быть найдена сначала внутри самого себя. Пока ты не испытываешь ее вкуса внутри своего глубочайшего существа, ты не сможешь увидеть ее больше нигде. Когда ты испытываешь ее вкус, когда ты становишься пьяным божественным, тогда ты сможешь увидеть ее в деревьях — в зелени деревьев, в золоте деревьев, в багрянце деревьев. Ты увидишь ее в солнце, в луне, в звездах. Ты сможешь уви-

деть ее в животных, птицах, людях, реках, горах. Все существование будет отражать твое понимание, оно станет для тебя зеркалом. Ты сможешь повсюду видеть собственное лицо. Мы можем видеть лишь то, что мы есть, мы не можем видеть того, чем мы не являемся.

Это величайший вклад Будды: он отбросил молитву, он отбросил идею о боге, он дал новый подход — и этим новым подходом является медитация.

Он говорит: *Тщетно искал я строителя своего дома бессчетные жизни...* Не потому, что он не прикладывал достаточных усилий, не потому, что его усилия были частичными, не тотальными, нет. Он был не тот человек: его усилия были так тотальны, что больше и быть не могло. Именно благодаря своим тотальным усилиям он пришел к этому великому пониманию, он пришел к этой великой реализации.

Он побывал у всех возможных учителей, и, что бы ни сказал ему сделать учитель, он делал это с такой страстью, с такой интенсивностью, что учитель ни в чем не мог его упрекнуть. И какую бы задачу ни поставили перед ним, он всегда ее выполнял. Часто случалось так, что многие учителя говорили ему: «Это все, что мы знаем, и нельзя сказать, что ты нам не следовал. Ты следовал так тотально, что твоя искренность и твой поиск несомненны, но больше мы ничего не знаем. Тебе придется пойти и найти себе другого мастера — это все, что мы знаем. Извини, но мы больше ничем не можем тебе помочь. И если когда-нибудь ты найдешь что-то большее, вспомни о нас, и, если мы будем еще живы, передай нам свое новое понимание».

Это случается очень редко. Всегда легко упрекать во всем ученика, потому что, если виноват ученик, то, несомненно, мастер, так называемый мастер, может быть спокоен. Настоящий ученик опасен для так называемого мастера, потому что настоящий ученик рано или поздно обнаружит подделку. Именно из-за псевдо-учеников существуют псевдо-мастера. Есть множество псевдо-искателей... лишь любопытство, они ищут только из любопытст-

ва; их поиск не экзистенциален. Очень редко находится такой ученик как Будда, потому что, если ты находишь такого ученика как Будда, рано или поздно он либо подтвердит твою подлинность своей трансформацией, либо сделает очевидной подделку. Но ты ни в чем не можешь его упрекнуть, потому что он вложит в эти усилия все свои энергии.

Будда испробовал все возможные способы. Он побывал у всех известных и не очень известных учителей, которые жили в стране, и отовсюду он возвращался с пустыми руками. В конце концов он решил: «Наверное, что-то неправильно в том, чтобы спрашивать других, следовать другим. Пришло время глубоко заглянуть внутрь себя, и теперь я буду искать один». Так родилась медитация.

Будда отбросил все экстровертные усилия, стал совершенно интровертным, вся его энергия обратилась вовнутрь. Он стал сонастраивать себя со своим глубочайшим ядром. Божественное нельзя найти снаружи, потому что снаружи не может быть никакого божественного. Божественное это высочайшее цветение твоего сознания. Когда твое сознание раскрывается как лотос, испускаемый им аромат есть бог — лучше назвать его божественностью.

Божественное это не существительное, а глагол. Пусть это глубоко проникнет в твое сердце: божественное это не существительное, а глагол. Фактически, все существование это глагол. Преврати все свои существительные в глаголы, и ты будешь на верном пути, потому что все живо и течет — как можно назвать это существительным? Существительное дает застывшую идею. Существительное всегда мертво, а глагол всегда жив.

Бог — живой. Он живет у тебя внутри, он живет у меня внутри, он живет в птицах. Везде, где есть жизнь, есть и бог; бог синонимичен жизни.

Тщетно икал я строителя своего дома бессчетные жизни... Это непонимание, и, к несчастью, это непонимание продолжается до сих пор. Вместо того, чтобы искать самих себя, люди продолжают искать бога. Они не найдут

бога, в то время как упустят возможность найти самих себя.

Само слово «бог» создало проблему. Начни говорить «божественность», «божество», «любовь». Выбрось бога! Слово «бог» выглядит как мертвая скала: ни потока, ни движения, ни роста. Позволь твоему богу стать рекой.

Помни Сиддхартху Германа Гессе: он научился глубочайшим королевствам медитации, живя на берегу реки, видя реку в разных настроениях, в разные времена года. Летом она была тонкой, как серебряная линия, а в сезон дождей она была так переполнена. Иногда она была так тиха и музыкальна, а иногда она выглядела гневной, яростной; иногда она была такой сострадательной, иногда — такой жестокой. Просто сидя на берегу реки, постепенно он стал осознавать великую жизнь реки, ее эмоции, ее настроения...

Первым, чему научил меня отец — и единственным, — была любовь к небольшой реке, которая протекала по нашему городу. Он научил меня только этому — плаванию в реке. Это все, чему он меня научил, но я ему безмерно благодарен, потому что это принесло в мою жизнь столько перемен. Точно как Сиддхартха, я влюбился в реку. Когда я думаю о месте своего рождения, я не помню ничего, кроме этой реки.

В тот день, когда умер мой отец, я помнил лишь только день, когда он в первый раз привел меня на берег реки, чтобы научить плавать. Все свое детство я провел в близком любовном романе с рекой. Для меня было обычным каждый день проводить у реки от пяти до восьми часов. В три утра я приходил к реке; небо было полно звезд, и они отражались в ней. Это прекрасная река; ее вода так сладка, что люди называли ее Шаккар — *шаккар* значит «сахар». Это прекрасное явление.

Я видел, как в темноте звездной ночи она совершает свой танец к океану. Я видел ее рано утром во время восхода солнца. Я видел ее в полнолуние. Я видел ее на закате. Я сидел на ее берегу один или с друзьями, играя на

флейте, танцуя на берегу, медитируя на берегу, переплывая ее на лодке или вплавь. В дожди, зимой, летом...

Я могу понять Сиддхартху Германа Гессе и его переживания, связанные с рекой. Это произошло со мной: столько было сообщено, потому что мало-помалу все существование становилось для меня рекой. Оно утратило свою плотность; оно стало жидким, текучим.

И я безмерно благодарен моему отцу. Он никогда не обучал меня математике, языкам, грамматике, географии, истории. Он никогда не заботился слишком о моем образовании. У него было десять детей... и я много раз видел: люди спрашивали его, в каком классе учится его сын, и ему приходилось кого-то спрашивать, потому что он не знал. Он никогда не заботился ни о каком другом образовании. Единственным образованием, которое он мне дал, было единение с рекой. Он сам глубоко любил реку.

Когда ты влюблен во что-то текущее, движущееся, у тебя совсем другое видение жизни. Современный человек живет среди асфальтированных дорог, цементных и бетонных зданий. Это существительные, помни, это не глаголы. Небоскребы никуда не растут; дорога остается прежней днем и ночью, в полнолуние или в абсолютной темноте. Это не имеет значение для асфальтированной дороги, это не имеет значения для цементных и бетонных зданий.

Человек создал мир существительных и оказался заключенным в свой собственный мир. Он забыл мир деревьев, мир рек, мир гор и звезд. Они ничего не знают о существительных, они не слышали ни о каких существительных; они знают лишь глаголы. Все пребывает в процессе.

Божественное является не вещью, а процессом. Но слова могут завести тебя в тупик. Это слово, «бог», завело в тупик миллионы людей. Оно дает тебе идею, конечно, очень детскую идею, но как только она утверждается в тебе, ты продолжаешь носить ее с собой всю жизнь. У тебя есть представление о боге: старик очень древнего вида с длинной белой бородой, сидящий на золотом троне высо-

ко в небесах, управляющий, приказывающий, командующий всем миром. И каждый, кто слушается его, будет много страдать — это очень властный отец. Он так и не простил Адаму и Еве, что они послушались его.

В Эдемском Саду было два дерева: одно было известно как дерево знания, а другое — как дерево жизни. Бог сказал: «Не ешьте от этих двух деревьев». Но дети есть дети — если ты не даешь им что-то делать, они обязательно сделают это. Не нужно никакого змея; это только стратегия, древняя стратегия человека — перекладывание ответственности на кого-то другого. Именно самой Еве стало любопытно.

Они послушались Бога, и он испугался: «Они съели плод с дерева знания — вскоре они найдут второе дерево и съедят плод жизни, и тогда они станут вечными как боги». И он почувствовал ревность, потому что как только они съели плод дерева знания, они стали способны найти дерево жизни; это было вопросом очень короткого времени. Скоро они его найдут. Они стали достаточно мудры, а мудрый человек будет обязательно искать бессмертия. Боясь того, что они станут как боги, Бог изгнал их из Эдемского Сада и закрыл двери. Теперь обнаженные мечи преграждают человеку дорогу обратно в рай. Эта концепция бога — очень детская, антропоцентрическая. Но миллионы людей все еще живут с таким представлением о боге. Это сущее непонимание. Детям это простительно, но тебе этого простить нельзя.

— Доктор, я на одну могу, на вторую могу, на третью — могу с трудом, на четвертую — задыхаюсь, а на пятой у меня прямо останавливается сердце...

— Невероятно! Сколько вам лет?

— Семьдесят шесть.

— Мне тридцать пять, а я могу только на одну! Не стоит ли остановиться на первой?

— Но в моем доме пять ступенек!¹

Слова очень обманчивы — и слово «бог» обмануло миллионы. Будда был первым, кто разоблачил эту ложь. Поэтому я говорю, что мы должны отсчитывать время от Будды, а не от Христа — делить время на до Будды и после Будды, — потому что он приносит человечеству совершенно новое видение. Он приносит новое представление о боге: идею божественности. С Буддой человечество становится более зрелым; оно отбрасывает концепции своего детства.

Я не мог его найти...

Конечно, нет никакой возможности найти его. Никто никогда не находил бога; многие нашли божественность, но никто никогда не находил бога.

Как тяжело шагать одну жизнь за другой!

Будда говорит: Не зная, кто я, не зная значения жизни, не зная смысла, цели и предназначения... *как тяжело шагать одну жизнь за другой!* Это тяжело, это утомительно, это скучно, это обременительно.

Сократ говорит: Неизученная жизнь не стоит того, чтобы жить. Будда согласился бы с ним. Да, неизученная

¹ Old Lindley sat down at the doctor's desk.

"What is your problem?" asked the physician.

"Well, Doc, after the first, I am very tired. After the second, I feel all in. After the third, my heart begins to pound. After the fourth, I break out in a cold sweat. And after the fifth, I am so exhausted I feel I could die!"

"Incredible!" said the M.D. "How old are you?"

"Seventy-six."

"Well, at seventy-six, don't you think you should stop after the first?"

"But Doctor," exclaimed old Lindley, "how can I stop after the first when I live on the fifth?"

жизнь это совсем не жизнь. Жить ею значить тащить груз — тащить его по направлению к смерти. В твоих ногах не будет танца, в твоём сердце не будет песни. Ты будешь совершенно бесплодным, бессильным, тщетным. И чем более ты разумен, чем более ты чувствителен, тем яснее ты будешь это понимать.

А Будда был одним из самых чувствительных людей, которые только ходили по этой земле.

Но теперь я вижу тебя, О строитель!

И никогда больше не построишь тебе мой дом.

Это одна из самых важных сутр. Медитируй на нее, размышляй над ней, потому что и с ней связано было много непонимания.

Когда Будда говорит: *Но теперь я вижу тебя, О строитель!* — многие думают, что он говорит о боге. Это совершенное непонимание. Он не говорит о боге. Когда он говорит: *Но теперь я вижу тебя, О строитель!* *И никогда больше не построишь тебе мой дом...* он говорит не о боге, он говорит о желании. Его слово: «танха»; танха значит бессознательное желание. Он говорит: «Именно из-за своих бессознательных желаний я продолжал создавать все эти жизни. Никто другой не отвечает за это». Он берет всю ответственность на собственные плечи. Это начало действительно религиозного человека; ты больше не перебрасываешь ответственность на других — на судьбу, на бога, на то или другое.

В этом смысле Маркс, — как и Фрейд, — так же незрел как и любой так называемый святой, потому что все они соглашаются в одном. Маркс говорит: Человек страдает из-за экономической структуры общества. Ответственность переложена на экономическую структуру общества. Гегель говорит: Человек страдает из-за неправильной истории, неправильного прошлого. Это перекладывание ответственности на бога по имени «История». А для Гегеля история была почти что богом: он писал слово «История»

с большой буквы — для него история была самым определяющим фактором. Для Фрейда ответственным было бессознательное. Что ты можешь сделать? Ты совершенно беспомощен.

Все эти люди говорят, что ты совершенно беспомощен, что ты не можешь ничего сделать; ты должен оставаться таким, как ты есть, и только таким ты можешь быть. Ты — жертва великих сил, победить которые ты не в силах.

Будда говорит: Ты можешь победить, но прими ответственность на собственные плечи. Именно твой желающий ум создавал все эти жизни. Это колесо рождений и смертей создано тобой самим. Когда ты впервые это осознаешь, ты шокирован, потрясен — потрясен до самых корней. Но мало-помалу ты начинаешь чувствовать в этом великую свободу. Ты начинаешь наслаждаться этим: «Я ответственен, тогда у меня есть возможность изменить весь этот образец».

Но теперь я вижу тебя, О Строитель! И никогда больше не построить тебе мой дом. Он говорит: «Теперь я вижу, что это желание, постоянное желание — того или другого, денег, власти, престижа, бога, рая, нирваны...» Именно желание, вечное желание, проецирование себя в будущее создает колесо рождений и смертей. И ты раздавлен между этими двумя камнями: рождением и смертью. Ты должен освободиться от рождения и смерти.

Вот какой смысл Будда вкладывает в нирвану: быть свободным от жизни и от смерти, быть свободным от желаний. В то мгновение, когда ты свободен от всех желаний... помни, я повторяю, *всех* желаний, включая так называемые религиозные, духовные желания, не исключая ничего. Все желания должны быть отброшены, потому что всякое желание приносит разочарование, страдание, скуку. Если ты осуществляешь его, оно приносит скуку; если ты терпишь в этом поражение, оно приносит отчаяние. Если ты гонишься за деньгами, есть две возможности: ты либо

преуспеваешь, либо нет. Если ты преуспеешь, деньги станут тебе скучны.

Всем богатым людям скучно от их денег. Фактически, именно этим отличается действительно богатый человек — ему скучно от его денег, он не знает, что с ними делать. Если он все еще желает больше денег, значит, он еще недостаточно богат. Если ты добиваешься успеха, тебе становится скучно, потому что деньги есть, но они не приносят удовлетворения. Все те иллюзии, которые ты так долго носил с собой — те иллюзии, за которые ты столько страдал, столько боролся, столько рисковал... Вся твоя жизнь утонула у тебя из рук из-за этих снов о том, что ты будешь осуществлен, когда у тебя будут деньги. Но когда ты их получаешь, внезапно ты видишь всю эту бессмысленность: у тебя есть деньги, но ты так же беден, как и раньше — фактически, даже больше, потому что по контрасту с деньгами ты видишь свою бедность яснее.

Есть одна история Льва Толстого:

Бедный портной имел обыкновение раз в месяц покупать лотерейный билет. Он покупал билет каждый месяц тридцать лет. Он никогда не выигрывал и даже перестал об этом думать, но это стало устоявшимся ритуалом: в первую неделю каждого месяца он покупал билет.

Но однажды это случилось: перед домом бедного портного остановился большой Роллс-Ройс. Из него вышел человек с большим портфелем. Бедный портной не мог поверить своим глазам, потому что такие машины никогда не останавливались у его дома... и этот человек был одет так богато! Он сказал:

— Радуйся! Ты выиграл в лотерею — вот тебе миллион рублей.

Портной был вне себя от радости. Он закрыл свой магазин и выбросил ключ в колодец — потому что теперь он больше никогда ему не понадобится, он никогда больше не открывает магазин. Миллиона рублей более чем достаточно на десять жизней!

Но через год миллиона не стало. Он покупал самые большие машины, красивые дома, самых дорогих проституток, лучшую еду, лучшую одежду. Он жил как царь, совершенно не замечая, что деньги утекают у него из рук. Через год все было кончено. И более того, раньше он был молодым и здоровым человеком, а за этот год он как будто состарился на десять лет и стал слабым и больным — все эти проститутки, алкоголь, слишком дорогая пища. Он стал слабым, больным, старым, и ему пришлось нырять в колодезь, чтобы достать ключ!

Люди должны были вытащить его — он почти утонул, — но он нашел ключ и снова открыл магазин. Весь этот год прошел словно долгий кошмарный сон. И он сказал:

— С меня довольно! Я никогда больше не попрошу денег.

Но по старой привычке он снова стал каждый месяц покупать лотерейный билет. И однажды остановилась та же самая машина... он сказал:

— Господи! Неужели мне снова предстоит через это пройти?

Если у тебя есть деньги, ты узнаешь страдание денег; если у тебя нет денег, ты узнаешь страдание отсутствия денег. В любом случае ты будешь страдать. Желание приносит страдание — осуществленное или нет, желание приносит страдание. Но ты продолжаешь желать в надежде, что с тобой будет не так.

Помни, жизнь не знает исключений: все правила действительны для всех. Все, что истинно для меня, истинно и для тебя, что истинно для Будды, истинно и для тебя. Истина одна и та же! Ты не можешь подкупить истину, ты не можешь убедить истину относиться к тебе немного по-другому. Истина нейтральна; она не верит в личности. Она подобна гравитации: она не заботится о том, беден ты или богат, знаменит или осуждаем, известен или неизвестен. Если ты нарушаешь закон гравитации... ты получишь несколько переломов. Гравитация не будет принимать во внимание, президент ли ты страны, премьер-министр или

нищий; для нее нет различий. То же верно и для внутренних законов.

Будда открыл один из самых фундаментальных законов: желание всегда разочаровывает. Даже если ты успеваешь в достижении своей цели, ты будешь разочарован.

Именно поэтому Америка это самая разочарованная в мире страна. Американцы добились успеха: они создали процветание, они создали богатство — о котором человечество мечтало веками, — и они более разочарованы, чем индийцы. Индия бедна и голодает, и все же Индия не столь разочарована, как Америка. И причина в том, что когда ты беден и голодаешь, ты все же можешь надеяться, что завтра все будет хорошо, но если ты богат и у тебя есть все, что только можно себе представить, ты не можешь надеяться. Завтра не может быть лучше — лучше уже сейчас! Ты видишь, что у тебя есть все, что тебе нужно — что еще может случиться завтра? Самое большее, у тебя будет немного больше денег — но если не помогает столько денег, сколько их уже есть, ты не можешь и немного больше. У тебя есть две машины — ты можешь купить четыре; у тебя есть два дома — ты можешь купить четыре: перемены будут количественными, а качественные перемены это не настоящие перемены.

Бедный человек думает: «Когда я буду богат, это будет качественной переменой». Он может надеяться, и в этой надежде он желает.

Поэтому я говорю, что прежде чем стать действительно религиозным, мир должен стать богатым. Не случайно Будда был сыном короля. И все двадцать четыре *тиртханкары* джайнов были королями, все *аватары* индуистов — Рама, Кришна... были королями. Это не может быть просто совпадением. Почему только короли? Почему нищие и бедные не становятся буддами? Причина очень проста: бедный человек все еще может надеяться, у богатого надежд нет.

Когда исчезает надежда, желание становится видимым во всей его наготе. Надежда продолжает облекать желание в красивые одежды.

Но теперь я вижу тебя, О Строитель! И никогда больше не построить тебе мой дом. Будда говорит... это было первым его утверждением после просветления. В то мгновение, когда он стал просветленным, в то утро, когда он стал просветленным, когда исчезла последняя звезда, это было первым, что он произнес, и это очень значительно. Он посмотрел на небо; солнце еще не взошло, а последняя звезда только исчезла. Он был так же пуст, как и внешнее небо. И это было его первым заявлением существованию — не обращенным ни к кому в частности. Он просто сказал, произнес — будто бы говоря сам с собой или думая вслух: *Но теперь я вижу тебя, О Строитель! И никогда больше не построить тебе мой дом.*

Он говорит: «Я увидел секрет желания. Именно желание продолжало создавать для меня все эти тела, все эти умы, все эти телесноумственные механизмы — и я увидел это. Теперь для меня нельзя будет создать никаких проблем».

В то мгновение, когда ты видишь причину своих проблем, проблемы исчезают — как и причина. Видение есть превращение. Узнать значит быть освобожденным.

Я разорвал стропила.

Я расщепил конек крыши.

Я выгнал желание.

Теперь мой ум свободен.

Что такое стропила, и что он подразумевает под коньком крыши? Это его метафоры. Под стропилами он подразумевает прошлое и воспоминания. Прошрое пытается сохраниться, прошлое продолжает увековечивать себя. Ты злился вчера, ты злился позавчера, и так далее, и тому подобное. Теперь этот гнев в тебе ждет лишь предлога, чтобы взорваться. Прошрое увековечивает себя. И если

ты не сможешь найти предлога, ты будешь злиться без всякого предлога. Ты создашь предлог, ты изобретешь какой-нибудь предлог — тебе придется, потому что гнев, через который ты проходил каждый день, ждет своего времени. Так же, когда приходит время чаепития, тело просит чая. Нужно немного бодрости... немного никотина.

Это происходит с Кришной Прем! Еще недавно Лакшми гонялась за ним с требованиями, чтобы он бросил курить. Он слишком много курил. В конце концов он бросил; он совершил огромное волевое усилие и бросил. С того времени он больше не был в хорошей форме. Он ослабел, заболел, болел несколько недель. Теперь он выздоровел. Ему потребовалось на это много лекарств и процедур. Теперь он злится по малейшему поводу или вообще без повода.

Вчера он пришел ко мне и спросил: «Возлюбленный Мастер, что мне делать?»

Я ответил: «Кури! И никогда больше не слушайся Лакшми!»

Старая привычка... тело требует определенного количества никотина; если его не поступает, возникает напряжение. И помни, в никотине нет ничего антидуховного; никотин так же духовен, как и что-либо другое.

Если ты делаешь что-то долгое время, ты привыкаешь, а когда ты привыкаешь к определенной вещи, это заставляет тебя делать это снова и снова. Будда называет это «стропилами желания»: прошлое пытается увековечить себя.

Он говорит: *Я разорвал стропила.* Я покончил с прошлым! Я отсоединил себя от прошлого, я больше не являюсь продолжением своего прошлого. *Я расщепил конек крыши.* Под «коньком крыши» он подразумевает будущее. У желания есть два измерения: оно приходит из прошлого и устремлено в будущее, оно никогда не остается в настоящем. Настоящее становится для желания смертью.

Поэтому все медитации это не что иное, как усилие, направленное на то, чтобы привести тебя в настоящее.

Когда ты живешь настоящим мгновением, без висящего на тебе прошлого, без проекций будущего, ты свободен от жизни и смерти, ты свободен от тела и от ума. Ты свободен — просто свободен, — ты есть свобода.

Будда говорит: Вот как я выгнал желание. Теперь мой ум свободен.

В озере нет рыбы.

Длинноногие журавли стоят в воде.

Красивая метафора, очень красочная: *Длинноногие журавли стоят в воде.* Они стоят очень тихо, молчаливо, неподвижно, потому что малейшее движение создаст рябь на воде и спугнет рыбу. Журавли стоят абсолютно тихо, как йоги, неподвижно, как будто их нет. Если на воде нет ряби, рыба может подплыть к журавлям, и они поймут ее.

Будда говорит: Сейчас, когда случилась революция... *В озере нет рыбы.* Под «рыбой» он подразумевает желания: Мое сознание свободно от желаний.

Длинноногие журавли стоят в воде. Но поскольку я жив — я больше не вернусь в тело, но у тела есть некоторая инерция, у ума есть некоторая инерция — ему придется исчерпать эту инерцию. Поэтому есть тело, есть ум, как длинноногие журавли, стоящие в воде, хотя в озере больше нет рыбы.

Будда говорит: Я здесь, в мире, но без желания, поэтому мира во мне нет. Я больше не вернусь обратно, потому что нет причин возвращаться: у меня нет желаний, чтобы их исполнять. Я узнал тщетность всех желаний.

Мир это не что иное как возможность исполнить свои неисполненные желания. Вселенский закон посылает тебя обратно в мир снова и снова — *эс дхаммо санантано.* Это вселенский закон. Будда снова и снова говорит, что если ты желаешь, ты будешь снова брошен в мир. Ты становишься всем тем, чего ты желаешь; то, чем ты становишься, зависит от твоих желаний. Если твои желания та-

ковы, что они могут быть исполнены только в жизни собаки, ты станешь собакой. Если твои желания таковы, что они могут быть исполнены лишь в жизни слона, ты станешь слоном. Это зависит от твоих желаний: желания создают плесень на телесноумственном механизме. Именно наши желания создают нас. Если ты мужчина, это твое желание; если ты женщина, это твое желание. Возможно, вы забыли...

Я проделал множество экспериментов. Я смотрел в прошлые жизни многих людей, и поначалу я был очень удивлен. Самым удивительным было то, что если человек мужчина в этой жизни, в прошлой жизни он был женщиной, и наоборот: если человек женщина в этой жизни, в прошлой она была мужчиной. Я был озадачен: почему? Но затем мало-помалу мне стало ясно, что мужчина думает, что женщины наслаждаются больше мужчин, и особенно сейчас, после исследований Мастерса и Джонсона — потому что женщина имеет многократные оргазмы! Мужчина имеет один-единственный оргазм, и тогда с ним покончено по крайней мере, на двадцать четыре часа, а женщина может иметь многократные оргазмы — много оргазмов в секунду.

Сейчас многие мужчины, должно быть, разочарованы в том, что они мужчины; возможно, они не говорят об этом прямо из-за своего мужского эго. Но это будет продолжаться. В ближайшие двадцать пять лет все чаще и чаще будет происходить так, что мужчины решат стать женщинами — теперь это можно сделать и научным путем, — а многие женщины решат стать мужчинами. Фактически, они пытаются, как только могут: они ведут себя как мужчины, они хотят все делать так, как мужчины; они хотят соревноваться с ними в политике, в мире — везде. Они хотят всех этих возможностей, потому что мужчина так наслаждается ими. А женщина думает, что женщина так наслаждается: «Мне приходится сражаться со всем миром, а женщина просто отдыхает дома!»

Это происходило также и в прошлом, но не путем науки — естественно. Каждый думает, что наслаждается другой. И эта идея о многократных оргазмах! Есть еще идея о том, что у женщины может быть два вида оргазма, а у мужчины только один. У женщины может быть клиторальный и вагинальный оргазм. Мужчина так беден! Оргазм женщины более тотален — в него вовлечено все ее тело, — а оргазм мужчины — локальный. Бедный мужчина!

Хорошенькая студентка много месяцев выслушивала неприличные звонки от одного и того же мужчины. Она начала получать от этого удовольствие. Однажды вечером она подняла трубку, и это снова был он.

— Я приеду к тебе, брошу тебя на кровать, сорву с тебя одежду, раздвину тебе ноги и воткну в тебя что-то, что ты никогда не забудешь!

— Приезжай! — сказал девушка.

— Что? — спросил удивленный голос.

— Я не шучу! Ты меня возбуждаешь!

Через двадцать минут телефонный маньяк был у нее. Через пять минут они оказались без одежды, а еще через десять секунд с парнем было все кончено. В довершение несчастий, он отвернулся и заснул прямо на бедной разочарованной девушке.

Через час он встал, оделся и направился к двери.

— Я только одно тебе скажу, — крикнула студентка. — Ты отлично звонишь по телефону!²

Мужчина начинает чувствовать, что женщина наслаждается больше, и женщина чувствует то же самое по отношению к мужчине. Как всегда. Даже короли думают, что нищие счастливее их: ни тревог, ни забот; они могут спать так спокойно, так глубоко. Королям очень трудно спать. У нищих нет еды, но есть отличный аппетит; у ко-

² англ. «You give greates phone!» звучит как: «Ты отлично пускаешь пыль в глаза!»

ролей есть еда, но нет аппетита. Нищие думают, что короли наслаждаются такими красивыми дворцами, такой прекрасной едой, такими красивыми женщинами и всем, чего только можно пожелать. Но они не знают, что короли не могут наслаждаться пищей — задолго до того, как появляется пища, у них пропадает аппетит. Да, у них есть мраморные дворцы, но они не могут спать. Их жизнь это постоянный кошмар, постоянная тревога, тоска, страх. Король думает, что нищие в гораздо лучшем положении: им не о чем беспокоиться. Никто ничего не может у них украсть, никто не может напасть на них. Им не нужны телохранители, им не нужна никакой армии; они могут спать на дороге.

Каждый завидует другому, и так он продолжает меняться. Если ты мужчина, должно быть, ты был женщиной в прошлой жизни; если ты женщина, должно быть, ты была мужчиной. Ты начинаешь желать другого, и это желание приносит тебе новый механизм.

Будда говорит, что именно в желание, а не в бога, нужно заглянуть, его нужно исследовать, его нужно наблюдать.

*Печален человек,
Который в молодости жил расточительно
И растратил свое состояние...*

Будда говорит: Берегись! Время идет быстро, жизнь выскальзывает у тебя из рук; вскоре ее не станет. Прежде чем ее не стало, сделай что-нибудь, чтобы избавиться от желания.

Печален человек, который в молодости жил расточительно и растратил свое состояние. Что такое состояние для Будды? — эта возможность, эта великая возможность осознать желание и его тщетность, эта великая возможность избавиться от желания. Это великое состояние! И печален человек, который в молодости жил расточительно, бессознательно, и растратил свое состояние.

Что говорить о старых людях? Даже в пожилом возрасте люди продолжают повторять те же самые глупые игры.

Девяностолетний Паркер пришел в бордель и был так великолепен в постели, что проститутка сказала:

— Старик, если ты можешь сделать это еще раз, это пойдет за счет заведения!

— Хорошо, — сказал Паркер. — Но, если ты не возражаешь, мне нужно пятнадцать минут поспать.

— Хорошо.

— А пока я сплю, я хотел бы, чтобы ты держала руки на моем органе!

Она согласилась. Проснувшись, Паркер был не менее великолепен. Девушка сказала:

— Послушай, если у тебя получится еще раз, то и это будет бесплатно!

Он согласился.

— Хорошо, но мне нужно поспать еще пятнадцать минут, и пока я сплю, держи руки на моем органе!

Паркер проснулся и снова был бодр как подросток.

— Слушай, отец, — сказала проститутка, — я могу понять, почему тебе нужно спать пятнадцать минут, но зачем тебе нужно, чтобы я держала руки на твоём органе?

— Знаешь ли, — ответил старик, — в прошлый раз кто-то украл мой кошелек!

Девяностолетний старик... и те же самые глупости! Молодым это простительно — хотя Будда и не готов их простить, — но им это простительно; у них нет большого жизненного опыта. Но даже пожилые люди, даже на смертном одре, в мгновение смерти все еще думают о глупостях и желаниях. Кто-то думает о деньгах, кто-то думает о сексе, кто-то думает о том, чтобы прославиться — даже на смертном одре! Они совершенно не осознают того, что они растратили свое состояние.

Печален человек, который в молодости жил расточительно и растратил свое состояние... И почти каждый

в сегодняшнем мире *живет* расточительно. Под «расточительной жизнью» Будда подразумевает, что, живя несознательно, мы продолжаем упускать возможности, которые могли бы стать мгновениями понимания. Я не говорю бежать от мира; я не говорю ни от чего бежать — но, конечно, тебе нужно немного больше осознанности.

Когда недавно купленный племенной петух умер, не пробив в новой должности и трех недель, Фермер Фостер решил, что его преемника должно хватить на гораздо более долгое время. Поэтому, прежде чем выпустить нового петуха на работу, Фостер укрепил его здоровье огромной дозой витаминов и стимуляторов. Не успел он выпустить птицу, как она стремглав бросилась в курятник и обслужила каждую из кур. Затем она перелетела в соседний курятник и принялась за гусей.

Фермер Фостер пробормотал, качая головой:

— Не протянет и дня.

Идя по двору незадолго до заката солнца, он увидел, что петух лежит лапками кверху, а над ним кружатся два голодных ястреба.

— Проклятье! — простонал Фостер. — Теперь мне придется купить еще одного петуха!

Петух открыл один глаз, подмигнул и указал на приближающегося ястреба:

— Шшш!

Будь немного более бдителен, чем этот петух!

Люди это люди лишь потому, что они осознают, что делают. Иначе это петухи, быки, кони — в человеческом облике. Скупцы, властолюбцы, сексуальные маньяки. Это больные люди, и они страдали многие жизни, но это стало таким устоявшимся образцом, что они продолжают двигаться по кругу.

Печален сломанный лук.

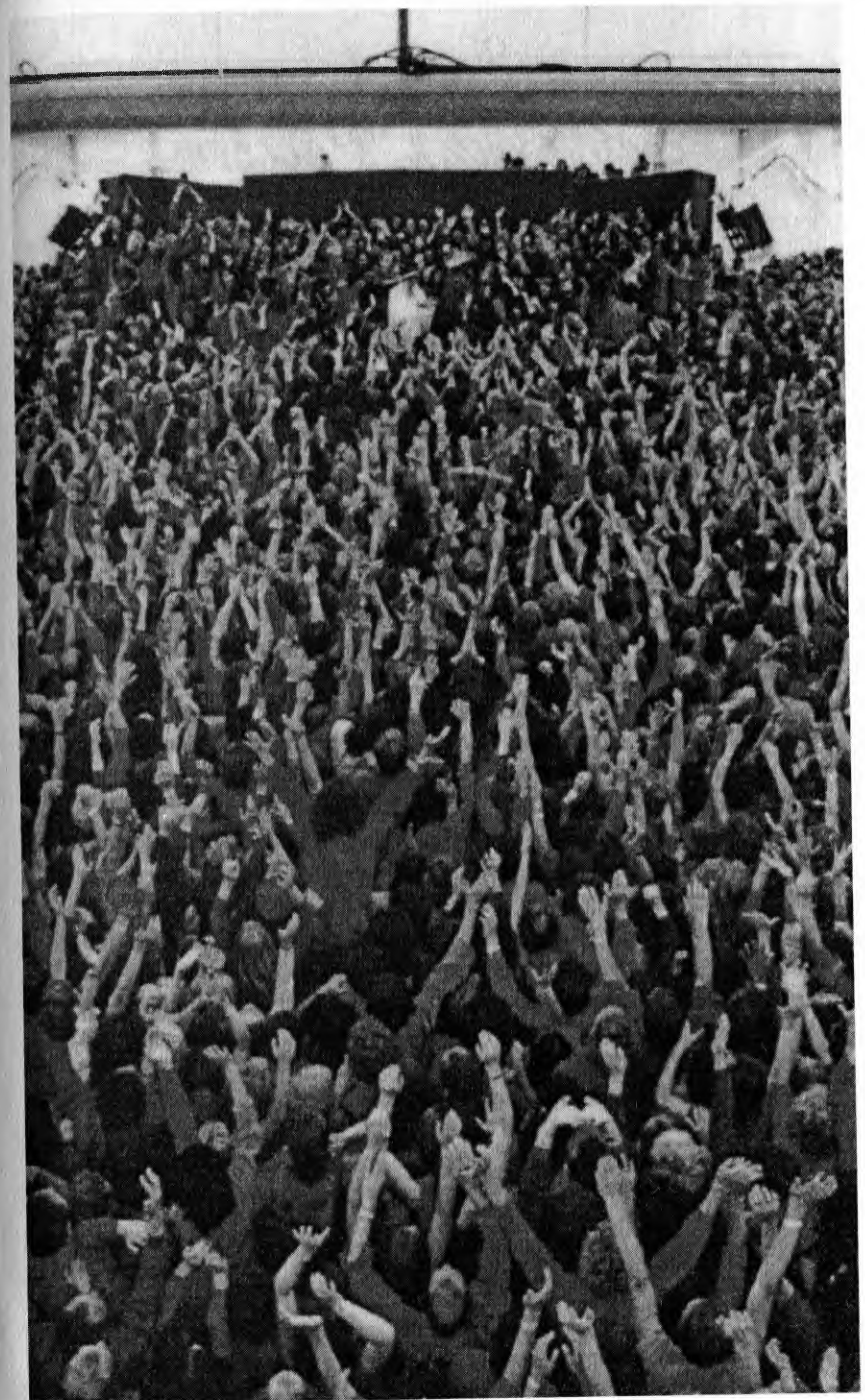
Грустно вздыхает он

Обо всем, что возникло и умерло.

Недалек тот день, когда ты увидишь, что ты не более чем сломанный лук. Недалек день твоего последнего вздоха, и когда он придет, ты будешь внутри себя вздыхать и плакать, потому что ты будешь знать, что все, что ты сделал, было лишь сном, надписью на воде. Ты жил среди теней; ты не достиг в своей жизни ничего существенного. Ты растратил впустую великую возможность стать буддой.

Пока ты не стал Буддой, Кришной или Христом, помни, что ты тратишь впустую великое сокровище, изливаемое на тебя существованием. Ты не заработал его, ты не заслужил его. Это чистый дар, дар любви. Пожалуйста, не трать его...

На сегодня достаточно.

Забрезжил Рассвет

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Когда я умру, действительно ли я буду мертв? Я
хочу по-настоящему убедиться, что смерть это вечный
сон.*

*Рам Джетхмалани,
Смерть это величайшая иллюзия. Ее никогда не про-
исходило и не может произойти по самой природе вещей.
Да, есть нечто создающее иллюзию: смерть это отсоедине-
ние души от тела, но лишь отсоединение; не умирает ни те-
ло, ни душа. Тело не может умереть, потому что оно уже
мертво; оно принадлежит миру материи. Как может уме-
реть мертвая вещь? А душа не может умереть, потому что
она принадлежит к миру вечности, божественному — это
сама жизнь. Как может умереть жизнь?*

То и другое соединено в нас. Эта связь отсоединя-
ется; душа отключается от тела — вот и вся смерть, то, что
мы называем смертью. Тело движется обратно в материю,
в землю; а душа, если у нее еще есть желания, стремления,
начинает искать другое лоно, другую возможность их осу-
ществить. Или, если со всеми желаниями и стремлениями
покончено, ее возвращение в телесную форму невозможно
— тогда она движется во вселенское сознание.

Движение во вселенское сознание это очень пара-
доксальное явление: человека нет, и все же он есть. Капли
росы, падающей в океан, в каком-то смысле больше нет —
ее нет как капли; граница, которая делала ее каплей,
исчезла. Но в другом смысле она есть более, чем была ко-
гда-либо раньше; она стала самым океаном, ее границы

расширились до бесконечности, ее границы взорвались в
беспредельность.

Такой человек как Будда становится вселенским
сознанием, и все же — и это парадокс, — его индивидуаль-
ность не утрачена, его сознание не утрачено.

Поэтому, Рам, я не могу сказать, что смерть это
вечный сон — напротив, это вечное пробуждение. Поэты
говорили тебе веками: Смерть это вечный сон — не бойся.
Они сами не знают, они просто дают тебе утешение. Но
может ли быть разница между настоящей смертью и
вечным сном? Думал ли ты когда-нибудь об этом? Если
сон вечен, это смерть. Если он никогда не будет нарушен, в
чем тогда разница? Труп и вечно спящий человек в
точности подобны друг другу. Если сон будет длиться
вечно, это смерть.

Первобытные люди гораздо ближе в истине: они
говорят, что сон это маленькая смерть. Они правы, потому
что на несколько часов ты становишься совершенно слеп и
глух к миру, к другим, к себе, к своему телу. Ты совершен-
но отключаешься на несколько часов, затем ты
включаешься снова. Это маленькая смерть. Сон это ма-
ленькая смерть, но не наоборот: смерть это не вечный сон;
если бы это было так, в чем была бы разница, Рам?

Если ты просто хочешь себя утешить: «В смерти я
буду вечно спать», это другое дело. Но истина это не уте-
шение для тебя; это то, что есть. Истина такова, что в
смерти есть две возможности. Если ты умираешь со стрем-
лением, желанием, она приносит тебя в другое тело, пото-
му что без тела ты не можешь приложить усилия, чтобы
осуществить свои желания. Без тела ты не можешь есть
пищу, ты не можешь заниматься любовью; без тела ты не
можешь стать премьер-министром страны — без тела ты
не можешь сделать ничего. Тело это устройство для того,
чтобы что-то делать: добиваться, путешествовать, дости-
гать, прибывать. Без тела ты просто есть; это состояние
бытия. В теле ты всегда становишься: становишься тем,
становишься другим, становишься богаче, становишься

знаменитее, становишься успешнее. Без тела все становление прекращается. Становление это другое название желания, и если человек умирает с очень глубоким желанием чем-то стать, он рождается в другом теле. Это одна альтернатива.

Вторая: если ты понял тщетность желания, полную глупость желания, если ты увидел ее насквозь — если ты увидел, что ни одно желание не может быть исполнено, что оно дает множество великих обещаний, но никогда ничего не исполняет, что все желания обманчивы, что именно из нашей неразумности мы продолжаем становиться жертвами желаний; если ты увидел их насквозь и умер без проекций в уме, без семени желания, тогда все семена сожжены. Именно поэтому Патанджали назвал высшее состояние самадхи *нирбидж* самадхи, бессемянным самадхи — если ты можешь умереть и сжечь все семена желаний, тогда они больше не прорастут, тогда больше не будет других рождений.

Тогда куда ты деваешься? Ты не засыпаешь. Фактически, чтобы достичь состояния бессемянного самадхи, человек должен быть абсолютно пробужденным, человек должен быть буддой, потому что семена желания сгорают лишь в огне пробуждения. Поэтому, если ты умираешь без всякого желания, ты умираешь в полной осознанности, ты видишь, как происходит смерть. И снова помни, под «смертью» я подразумеваю, что происходит отсоединение — постепенно душа становится отдельной от тела. Постепенно она искореняется из тела, она освобождается из тюрьмы. И приходит мгновение, когда ты совершенно свободен от тюрьмы, когда ты находишься вне тюрьмы, которая называется телесноумственным механизмом.

Тогда ты остаешься вечно пробужденным. Тогда ты остаешься во вселенной, растворенный в океане жизни, но вечно пробужденный. Это не состояние сна.

Ты спрашиваешь меня: «Когда я мертв, действительно ли я мертв?»

Рам Джетхмалани, настоящий *ты* не будешь мертв, но Рам Джетхмалани умрет, потому что Рам Джетхмалани это не более чем название сочетания тела и души; это имя тождественности. Мы чувствуем себя тождественными со своими телами; мы думаем, что мы — это наши тела, наши умы. Помни, ум это лишь часть тела, тонкая часть, невидимая часть. Если мы отождествлены с телесноумственным механизмом, несомненно, это отождествление умрет.

Рам Джетхмалани обречен на смерть, но в Рае Джетхмалани есть нечто, что не умрет. Ты должен осознать это. И единственный способ это осознать это стать более медитативным, свидетельствующим. Начни наблюдать свое тело, начни наблюдать свой ум; не вовлекайся; оставайся отстраненным, далеким, спокойным. Так человек сидит на берегу и смотрит, как мимо течет река. Ты не говоришь: «Я это река». Так же и с телом, наблюдай его. Становись более и более свидетелем. И по мере того, как свидетельствование растет и становится интегрированным, ты сможешь увидеть, как Рам Джетхмалани исчезает еще до смерти.

В медитации эго умирает, эго исчезает. Как только эго исчезло, как только ты увидел себя как лишнюю эго сущность, для тебя больше нет смерти.

Мы можем сказать это по-другому: именно эго создает иллюзию смерти. Само эго ложно, поэтому ложна и смерть. Мы цепляемся за ложное, и поэтому нам приходится страдать от смерти.

Принять саньясу значит перестать отождествляться с телесноумственным механизмом — стать свидетелем, видящим, наблюдателем на холме. И когда ты становишься видящим, наблюдателем, холм становится все выше и выше, и темные долины остаются позади. Ты продолжаешь некоторое время видеть долины; затем постепенно они становятся так далеко, что их больше не видно, шума долин больше не слышно, и приходит мгновение, когда ты на высочайшей вершине холма, и для тебя больше не существует долин. Тогда, хотя и ты и жив, в некотором смысле ты

мертв. Аштавакра, один из величайших мудрецов этой страны, говорит: Саньясин это тот, кто мертв, пока он еще жив. Но человек, который мертв, когда он еще жив, будет жив тогда, когда он будет мертв.

Ты также спрашиваешь меня: «Я хочу по-настоящему убедиться, что смерть это вечный сон».

Рам, убеждения немногим помогут, потому что убеждения означают, что кто-то заставляет умолкнуть твои сомнения, подавляет твои сомнения, кто-то становится для тебя авторитетом. Возможно, логически он более аргументирован, возможно, своим великим рациональным умом он может тебя убедить, что смерти нет, он может заставить молчать тебя и твои сомнения. Но даже сомнения, которые ты заставил умолкнуть, рано или поздно вернутся снова, потому что они не исчезли — они только были подавлены логическими аргументами.

Убеждения мало чем помогут; сомнения сохранятся как подводное течение. Один человек — убежденный христианин, другой — убежденный индуист. Я видел все виды людей — все они полны сомнений, все они — христиане, индуисты, мусульмане. Фактически, чем более человек полон сомнений, тем более он упрям, тем более он старается верить, потому что эти сомнения болезненны. Он говорит: «Я крепко верю в Гиту, в Коран, в Библию. Я — непоколебимый католик».

Зачем тебе нужно быть непоколебимым католиком? Для чего? Должно быть, ты страдаешь от больших сомнений. Если у тебя нет сомнений, нет и верования. Сомнения это болезни, а верования — лекарства, но все верования это аллопатические лекарства — они подавляют, они ядовиты. Все верования ядовиты. Да, на некоторое время они могут дать тебе чувство, что проблем нет, но вскоре сомнения утвердят себя; они ждут только подходящего времени. Однажды они неизбежно взорвутся. Они извергнутся как вулкан; они отомстят. Поскольку ты их подавил, они собрали много энергии. Однажды, в мгновение

слабости, когда ты не настороже, они возьмут свое. Твои так называемые святые страдают от сомнений.

Нет, я не могу дать тебе никаких убеждений; я не доверяю убеждениям, верованиям. Но, Рам, я могу взять тебя с собой, я могу помочь тебе увидеть. Зачем убеждения? Нет никакой необходимости.

Я видел и могу помочь увидеть тебе, и только твое видение будет иметь какую-то ценность. Я осознал: я могу помочь осознать и тебе. Я путешествовал по пути: я могу взять тебя за руку, я могу привести тебя, мало-помалу, к высочайшему пику медитативного опыта. Твой собственный опыт будет настоящей трансформацией; тогда сомнения никогда больше не вернутся. И когда узнаешь *ты*, ты будешь удивлен: все, что говорили тебе поэты, — что смерть это сон, глубокий сон, вечный сон, — было ложью, утешительной ложью, красивой ложью, полезной ложью, но ложь *есть* ложь, и ее помощь может быть лишь временной.

Таким же образом, если ты слишком обеспокоен, слишком напряжен, ты можешь пристраститься к алкоголю. Да, на несколько часов ты забудешь все свое беспокойство и напряжение, но алкоголь не может отнять у тебя беспокойство навсегда; он не может уничтожить его. И пока ты топишь себя в алкоголе, все заботы растут, становятся сильнее; ты даешь им время для роста. И когда на следующее утро ты приходишь в себя с похмельем и головной болью, ты будешь удивлен: они стали больше, чем были, когда ты их оставил.

Теперь это становится в твоей жизни образцом: снова и снова ты приходишь в опьянение, чтобы забыться — но снова и снова тебе придется поворачиваться лицом к своей жизни. Это не разумный образ жизни.

Я против любого опьянения, любых наркотиков. Они не помогут; они помогут лишь откладывать проблемы. Я хотел бы действительно решить твои проблемы. Я решил свои, а все проблемы в большей или меньшей степени одни и те же. Я могу приблизить тебя к себе, чтобы ты

мог почувствовать мое сердце, чтобы ты мог взглянуть мне в глаза, чтобы ты мог почувствовать, что произошло. И это чувство, этот вкус начнут тянуть тебя как магнит.

Это не убеждения, это не верования — это создает доверие. И как только создано доверие, путешествие началось. Я знаю, Рам, тебе нужна большая помощь. Я посмотрел тебе в глаза — лишь однажды ты был здесь и лишь однажды я посмотрел тебе в глаза, — они выглядят очень печально. Должно быть, ты носишь в себе великую тоску.

Снаружи ты очень успешный человек, лучший уголовный адвокат в этой стране. Снаружи ты очень успешен во всех областях — член парламента, президент ассоциации адвокатов Индии, — но в глубине я увидел, как проблеск на долю секунды, что ты сидишь на вулкане. Я увидел в твоих глазах тоску, я увидел, что потоки слез ждут, чтобы пролиться из твоих глаз. Ты не блажен ни в каком смысле.

Я могу сделать тебя блаженным — зачем просить убеждений? — я могу дать тебе настоящий опыт. Все мои усилия здесь в том, чтобы дать людям не верования, а опыт, не помочь им поверхностно, но действительно трансформировать их. Я абсолютно открыт для тебя. Я ты не можешь долго скрываться от меня.

Рам это также и мой адвокат, и он наслаждается, говоря: «Я — адвокат Бога». Но быть моим адвокатом очень опасно; рано или поздно ты попадешься в западню. Именно поэтому я выбрал тебя в свои адвокаты — чтобы ты был ближе ко мне. Мои приемы коварны.

В тебе возникла великая любовь ко мне. Эта любовь — первые цветы весны; тебя ждет гораздо большее.

Но помните, весь мой подход это подход экзистенциального опыта. Я не хочу, чтобы вы были верующими, я хотел бы, чтобы вы получили собственный опыт; я не хочу вас убеждать. То, что я говорю, является моим собственным опытом: смерти нет. Я не говорю тебе: «Верь, что смерти нет». Я просто выражаю, делюсь своим пережива-

нием, что смерти нет. Это вызов! Это не попытка тебя убедить, это вызов прийти и исследовать. Добро пожаловать. Думай обо мне как о своем доме!

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Я целый день чувствую глубокую печаль, когда вспоминаю Твои сегодняшние замечания о психоанализе и шутки, которые Ты рассказывал о психиатрах все эти годы. В своей собственной жизни я была счастлива встретить нескольких редких и мудрых психиатров, психологов — один из которых привел меня к Тебе.

Эти люди предлагали мне — и предлагают — оазис в пустыне запада. Меня привлекает к ним не столько их профессия, сколько уровень их бытия.

Почему ты так тяжело бьешь эту профессию? И как я могу доверять себе, если мой опыт противоречит тому, что Ты говоришь? Я чувствую себя пойманной в противоречии.

Дрэм Сарджана,
Я кого-то бью, только если я люблю этих людей, я не трачу ударов на ненужных людей, на недостойных людей. Психоаналитики, психиатры, психологи — это моя цель. Я забрасываю сеть, чтобы поймать столько, сколько только возможно.

Об Иисусе говорят:
Однажды утром он пришел на озеро; два брата, рыбаки, забрасывали в озеро сеть, чтобы поймать рыбу. Иисус положил руку одному из братьев на плечо; тот оглянулся, посмотрел Иисусу в глаза, которые были гораздо глубже, красивее и молчаливее озера... Он понимал только озеро; всю свою жизнь он провел, ловя рыбу на озере. По-

смотрев Иисусу в глаза, он впервые осознал, что глаза могут быть такими красивыми, такими глубокими, такими ясными, такими голубыми и безграничными — что это возможно. Простой рыбак, он был очарован, и Иисус сказал ему:

— Довольно: ты ловил рыбу всю жизнь, а сейчас идем со мной: я научу тебя ловить людей.

И рыбак пошел с Иисусом, став одним из его апостолов.

Я заинтересован, безмерно заинтересован в том, чтобы наловить как можно больше психологов, психоаналитиков, психиатров, по той простой причине, что у них есть огромный потенциал. Они могут стать правильной почвой для возникновения нового человека; они свободны от всей религиозной чепухи, они свободны от всей политической глупости. В каком-то смысле они — свободнейшие из людей. У них осталось лишь одно препятствие, тонкое препятствие: они сделали психоанализ своей религией, они создали собственную троицу — Фрейд, Адлер, Юнг. Они создали собственную Библию, собственную теологию, и теперь они в ней пойманы... так бывает.

Если вы столетиями жили в тюрьмах, даже если вам предоставить свободу, рано или поздно вы привыкнете к другой тюрьме. Вы не можете жить без цепей. Они разорвали все цепи, но теперь они создали новые цепи собственного изготовления, а когда вы делаете их сами — цепи ручной работы, домашнего приготовления, — вы сильнее привязываетесь к ним.

Кто беспокоится о том, что сказал Будда? Прошло двадцать пять веков. Кто беспокоится о том, что сказал или не сказал Иисус? На самом деле, они так отстали, что никто в действительности ими не одержим, кроме немногих — и те не современны, они все еще живут двадцать веков назад.

Но когда вы создаете свои собственные цепи и свои собственные тюрьмы... а психоанализ это новейшая религия — гораздо легче стать жертвой психоанализа и Зиг-

мунда Фрейда, чем Иисуса Христа; легче верить в Маркса, чем в Мухаммеда, в Махавиру, в Ману, в Моисея, потому что он ближе к нам, он говорит таким современным языком. И именно это произошло с коммунистами. Кремль стал их Каабой, их Каши, их Кайлашем; у них тоже есть собственная троица — Маркс, Энгельс, Ленин; у них есть собственная Библия — «Капитал». У них есть собственные апостолы — Сталин, Мао, Кастро, Тито. И то же самое происходит с психоанализом, он становится новой религией.

Я бью психоаналитиков, Сарджана, потому что я их люблю. И я действительно заинтересован в них. Я хотел бы, чтобы они пришли и испытали переживание меня, чтобы они пришли и узнали, что происходит здесь. И многие услышали зов; из всех профессий психоаналитики, психиатры приняли меня наиболее глубоко, наиболее полно. Сотни их приходят и становятся саньясинами.

И, конечно, я продолжаю шутить о них шутки; эти шутки это мой любовный роман. Так я показываю свою любовь, свой интерес.

Ты говоришь: «Я целый день чувствую глубокую печаль, вспоминая Твои сегодняшние замечания о психоанализе и Твои постоянные шутки о психиатрах».

Кажется, ты сама создала религию из психоанализа, вот почему ты чувствуешь печаль; иначе ты наслаждалась бы шутками, ты любила бы их. Они так правдивы.

Психиатры — сумасшедший народ, я имею в виду, красивый народ. Когда я говорю, что кто-то сумасшедший, я его хвалю. Ты должна научиться моему языку. Когда я говорю, что кто-то сумасшедший, я имею в виду, что он имеет ценность. Быть нормальным это не очень большая вещь; быть нормальным значит быть средним. Сказать, что кто-то нормален, значит осудить его; это значит, что в нем ничего нет, он просто полый.

Не нужно грустить, я не против психоанализа — хотя я и хотел бы, чтобы психоаналитики шли за его пределы. Он должен быть трамплином. И когда я вижу, что

кто-то цепляется за трамплин, я крепко бью его, чтобы показать, что что-то есть и за пределами трамплина.

Ты говоришь: «В своей собственной жизни я была счастлива встретить редких и мудрых психиатров, психологов — один из которых привел меня к тебе».

Возможно, это так и было — есть некоторые разумные и знающие люди. Но ты не понимаешь значения слова «мудрость». Невозможно найти мудрого психоаналитика; если бы он был мудрым, он бы уже стал саньясином, он не оставался бы психоаналитиком. И они могут оказать огромную помощь; особенно на западе, где не существует мастеров, психоаналитик это единственная возможность получить какую-то помощь, это чистый заместитель мастера — потому что мастер это значит тот, кто просветлен, тот, кто прибыл, тот, которому больше не нужно решать никаких проблем, не нужно осуществлять никаких желаний — тот, кто уже осуществлен.

Очень трудно найти мастера на западе. После него самое лучшее это психиатр, психоаналитик. Но помни, лишь после него. Когда я говорю, что трудно найти мастера на западе, я имею в виду, что западная традиция попала в руки священников. Две тысячи лет священники не позволяли мастерам жить, выживать; и даже если им вопреки человек становился просветленным, ему приходилось уходить в подполье. Он не мог объявить о своем просветлении, он не мог поделиться своим просветлением, или он должен был делиться таким образом, чтобы священники не понимали, что он делает.

Поэтому западные просветленные делали две вещи: либо притворялись частью церкви, используя язык церкви и вливая в него свое просветление, потому что это было одним из способов не приходиться в конфликт с церковью и государством; это делали Майстер Экхарт, Святой Франциск, Яков Бёме и другие. Они оставались частью церкви. Это было способом выжить и чем-то поделиться. И они использовали язык церкви, который для этого совершенно не подходит. Они не могли быть так свободны, как масте-

ра дзен или суфии; они не могли выражать себя тотально; им приходилось втискивать свой опыт в христианский жаргон, тупой и мертвый. Либо те, кто не был готов на компромисс, должны были прятаться, уходить в подполье; так родилась алхимия. Алхимики не были химиками; алхимики на самом деле не трансформировали обычные металлы в золото, это было просто способом спрятаться.

Алхимики были настоящими мастерами, но они притворялись алхимиками, и если бы вы увидели их снаружи, вы увидели бы, что они озабочены металлами, золотом и серебром. Продолжалось множество экспериментов, но глубоко внутри проводился настоящий эксперимент. Трансформация бессознательного в сознание — вот настоящая трансформация обычного металла в золото. Золото представляет сознание, просветление.

Это произошло на западе. Священники были так сильны и состояли в таком заговоре с государством, что они либо сжигали таких людей как Жанна Д'Арк, которая была мистиком — они убили многих мистиков, — либо принуждали мистиков уходить в подполье, либо заставляли их говорить языком церкви.

Поэтому на западе мастера почти исчезли, и сейчас множество так называемых мастеров с востока, особенно из Индии, бродят по западу — такие как Махеш Йоги, Муктананда, и так далее, и тому подобное. Я называю их Итакдалеенандами. Все это подделка, потому что мастер ждет, пока к нему придет ученик; ему не нужно никуда идти. Если у него действительно есть притягательность, он привлечет людей отовсюду. Если у него действительно есть притягательность, он привлечет людей из всех уголков мира. Если у тебя нет притягательности, тебе приходится ходить и продавать дуракам то, что ты можешь. Поэтому сейчас весь запад полон этих поддельных мастеров.

Сарджана, лучше быть с психиатром, чем с каким-нибудь Муктанандой, потому что психиатр, по крайней мере, движется в правильном направлении. Он еще не прибыл, но он движется в правильном направлении. В этой

профессии ты можешь найти некоторых очень разумных людей. Мудрость это совершенно другое: мудрость означает просветление, мудрость является свойством того, кто познал себя.

Но я могу понять твоё затруднение: если ты находишься в пустыне запада, оазис приобретает огромную важность, и поэтому тебе становится очень грустно, когда я бью психоаналитиков. Но, не ударив их, невозможно их разбудить. Я могу понять твоё затруднение. Но теперь, когда ты здесь, когда ты часть поля будды, ты должна избавиться от своих психоаналитиков и психиатров. Простись с ними; поблагодари их за все, что они для тебя сделали, и простись с ними. На западе ты была беспомощна, и это было единственной возможностью получить какую-то помощь.

— Это было вон в той чаще, — начал Херби, старый проводник. — Я шел по лесу и занимался своими делами, и вдруг ко мне подкрался сзади огромный медведь. Он обхватил меня со всех сторон и начал душить меня. Мое ружье выпало у меня из рук. И тут же медведь нагнулся схватил ружье и приставил его к моей спине.

— Что же ты сделал? — выдохнул его слушатель.

Старый Херби вздохнул.

— Что я мог сделать? Я женился на его дочери!

Что ты можешь сделать на западе? Беспомощная... Но сейчас, когда ты здесь, не грусти о том, что я бью психоаналитиков.

Ты говоришь: «Меня привлекает к ним не столько профессия, сколько уровень их бытия».

Ты не знаешь, что говоришь. О каком уровне бытия ты говоришь? Я видел сотни психоаналитиков — в коммуне их полно, у нас здесь больше психиатров, чем их пациентов. Какой уровень бытия? Прежде всего, уровнем бытия немного.

Есть лишь два уровня бытия: или ты просветленный, или ты непросветленный. Думаешь ли ты, что есть много уровней, что один человек просветленный на десять процентов, другой — просветленный на двадцать процентов, третий — на тридцать процентов? Нет, может быть либо сто процентов, либо ноль — ноль процентов или сто процентов.

Должно быть, ты была привлечена — это я понимаю, — но эта привлекательность скорее исходила от тебя, чем от человека, который тебя привлек.

Запад страдает от множества умственных болезней; лучше страдать от умственных болезней, чем от физических, по крайней мере, это нечто высшее. Лучше быть богатым и разочарованным, чем бедным и голодающим. Я знал и бедность и богатство, и откровенно говоря, я должен признать, что быть богатым лучше, потому что богатый человек страдает от богатых болезней, а бедный — от бедных болезней. Бедный человек озабочен телом, богатый озабочен умом.

И психиатр, психоаналитик может предложить тебе утешение, настройку. И конечно, если ты встревожена, каждый, кто выглядит безмятежно, кто выглядит очень мудрым в своих советах и продолжает анализировать твои сны, кажется живущим на другом уровне бытия. Это не так.

Все психоаналитики продолжают помогать людям подстраиваться. Современный западный ум становится очень расстроенным — и это хороший знак, это признак кризиса, кризиса тождественности. Все старые ценности теряют актуальность, нужны новые ценности. Прошлое становится непригодным; мы добились такого успеха на западе, что не можем жить с теми же ценностями, которые создали люди, которые были бедны, помни это.

Бедному обществу нужны одни ценности, богатому обществу нужны другие ценности. Когда бедное общество преуспевает и становится богатым, оно приходит в расстройство, потому что оно продолжает учить старым цен-

ностям, которые больше не подходят, потому что новое общество богато.

Поэтому умы людей в расстройстве. То, что им говорили священниками, то, что им говорили в школе, в колледже, в университете, принадлежит прошлому. Общество ушло дальше. Представь, что тебя учили механизму воловьей упряжки, а у тебя есть машина; ты придешь в замешательство, потому что ты знаешь, как работает воловья упряжка, а у тебя есть Мерседес Бенс. Ты в растерянности; твое знание непригодно, но ты цепляешься за него, потому что это все, что ты знаешь. Вот что происходит.

Людям веками говорили быть амбициозными, приобретать все возможные богатства, преуспевать в мире. Теперь это произошло! Теперь говорить людям быть богатыми, успешными совершенно тщетно. Они посмеются над тобой, они скажут: «Какую чепуху ты говоришь!»

Поэтому возникли хиппи. Они не могут случиться на востоке; старые ценности все еще важны — люди знают о воловьих упряжках и имеют воловьих упряжки. Они прекрасно подходят. Но западная технология, западная наука, западное процветание далеко опередило западный ум и подходы. Поэтому все в растерянности. Знание человека не соответствует той ситуации, в которой он живет. Он не может отбросить знание, потому что, отбросив знание, он станет почти невежественным. А никакого другого знания нет.

Функция психиатра в том, чтобы помочь этим людям с отклонениями снова подстроиться. Это не очень революционная работа; она антиреволюционна, она реакционна. Вот почему я бью психоанализ. Психоанализ должен провозглашать новую эпоху! А он делает противоположное: он помогает людям подстроиться под старое, прогнившее общество, которое при смерти. Психоанализ должен помогать людям двигаться к новому человечеству, которое вскоре появится на горизонте. Вот в чем мои усилия здесь.

Моя работа многомерна. Она не только религиозная, она не только образовательная, она не только психологическая, она не только художественная — в ней есть все измерения, потому что новый человек это многомерный человек. А психоанализ помогает старому, прогнившему обществу выжить лучше, чем ему удалось бы без него.

Священникам и раввинам часто приходится сталкиваться с тревогами, страхами и разочарованиями. Случилось это и с Отцом Фланаганом. Требования прихода одолели его. Он стал опасаться полного умственного расстройства. Он проконсультировался у психиатра. Доктор предложил ему отложить в сторону свои епископальные облачения, надеть обычную одежду и красный галстук, пойти в кабак и смешаться с обычными посетителями подобных мест. Приходя туда инкогнито, ему будет легче преодолевать свои страхи. Он принял предписание, переделся и совершил первое путешествие в таверну.

Как только он сел, к нему подбежала официантка, чтобы принять его заказ.

Она сказала:

— Мы раньше не встречались? Ваше лицо кажется знакомым.

Слегка смущенный, он ответил:

— Конечно нет, вы меня никогда раньше не видели. Я пришел в эту таверну в первый раз.

Решив, что лечение работает, он вернулся в ту же таверну во второй раз. На этот раз она сказала:

— Я уверена, что я вас где-то видела.

Еще более смущенный, но все еще уверенный, что его не узнали, он воскликнул:

— Нет-нет, вы никогда меня не видели. Я пришел в эту таверну только во второй раз.

Через некоторое время он снова посетил эту таверну. Немедленно к нему подбежала официантка с широкой улыбкой на лице:

— Теперь я знаю, кто вы! — сказала она. — Вы — отец Фланаган из церкви на Дублин-стрит!

От потрясения он чуть не упал, но девушка похлопала его по плечу и сказала:

— Не волнуйтесь, Отец Фланаган! Я Сестра Элизабета из Монастыря Святой Терезы. Я хожу к тому же психиатру!

Старые идеи о жизни, старая мораль, старые идеи о грехе и раскаянии — все это больше не пригодно. Старое священничество абсолютно расстроено, и люди, живущие в соответствии со старыми религиозными идеями, чувствуют себя не в своей тарелке. И новые люди так же чувствуют себя не в своей тарелке, отсюда разрыв между поколениями — он никогда не был так велик, как сейчас.

Родители не могут понять своих детей, дети не могут понять родителей. Они говорят на разных языках, общения не происходит; между родителями и детьми возникла Китайская Стена.

Старые привычные ценности, лелеемые много веков, кажутся глупыми. Вещи, которые мы считали духовными, больше не духовны. Миру нужна новая духовность и новый вид религиозности.

Я бью психиатров, психоаналитиков больше, чем какую-либо другую профессию, по той простой причине, что это те, кто может понять, что я делаю здесь. И если они поймут правильно, они будут служить будущему, а не прошлому. Они будут помогать тебе скорее стать гармоничной с самой собой, чем подстроиться под большое, умирающее общество.

Вот в чем отличие моей работы: я не помогаю людям подстроиться под общество. Это общество неизбежно умрет, оно обречено, и чем скорее оно умрет, тем лучше, потому что оно стало уродливым. То, что люди продолжают нести этот разлагающийся труп, не позволяет им жить правильно. Им приходится заботиться о зловонном трупе, и в твоём доме столько трупов, что в нем не остается места для тебя.

Мы должны избавиться от прошлого. До сих пор ничем не помогла ни психология Фрейда, ни психология Адлера, ни психология Юнга; они стали частями правящего порядка. То, что священники делали в прошлом, психоаналитики делают сейчас: помогают людям идти на компромисс с обществом, помогают людям стать нормальными. Нормальность это не здоровье! Здоровье очень революционно, а у психоанализа еще не хватает духу быть революционным. Поэтому я его бью — потому что я знаю его потенциал; он может стать революционным.

Когда психоанализ станет революционным, он приблизит появление нового человека, он поможет совершиться первой настоящей революции в мире. До сих пор все революции были карликовыми, ложными, поверхностными, потому что настоящая революция может случиться лишь в психике человека, не в социальной структуре и не в экономической структуре. Настоящая революция не имеет ничего общего с политикой; она связана с духовностью человека.

Мы должны создать новую духовность, новое видение.

Ты говоришь, Сарджана: «В моей собственной жизни я имела счастье встретить нескольких редких и мудрых психиатров, психологов — один из которых привел меня к тебе».

Но где он? Теперь это твой долг привести его ко мне. Отплати ему той же монетой! Что он там делает? Он должен быть здесь! Должно быть, он читал, должно быть, он слышал обо мне, но это не способ меня узнать. Единственный способ меня узнать это быть саньясином, быть частью моей энергии, вибрировать со мной, пульсировать со мной, прийти со мной в синхронизацию. Теперь это твой долг, ты должна ему это. Помогите ему приехать сюда; возможно, сам он бонится.

Только вчера я получил письмо от Хари Четаны из Германии, в котором говорилось, что в радиопередаче одна женщина спросила очень известного психолога:

— Уже шесть лет, как мой сын уехал в Пуну, и кажется, он никогда больше не вернется. Что вы скажете об этом?

И известный врач ответил:

— Я много слышал и много читал о Пуне. Вам не нужно беспокоиться — ваш сын в правильном месте.

Но слушать и читать обо мне, пока я здесь, пока я жив... Расстояние между Пуной и Берлином ничтожно. Он может оказаться здесь через несколько часов — но он никогда не приезжал сюда.

Эти люди знают только один способ с чем-то ознакомиться, и это чтение, изучение. Эти люди знающие, но не мудры.

Мы беспомощны. С Буддой ничего не поделаешь — мы должны читать его, потому что его самого больше нет. Но сколько раз, читая Будду и его прекрасные сутры, в миллионах сердец возникла мысль: «Как бы мне повезло, если бы я жил во времена Будды». Или, читая прекрасные слова Иисуса, тебе приходило в голову: «Как счастливы были люди, которые следовали Иисусу, когда он был жив, ходили с ним, говорили с ним, ели с ним, пили с ним вино». Читая о Кришне, не слышался ли тебе отдаленный зов его флейты? Не становилось ли тебе немного грустно оттого, что ты никогда не сможешь встретить этого красивого человека?

Но когда будды живы, вы не используете эту возможность. Возможно, ты жила, когда был Иисус — возможно, он проходил по твоей деревне, и ты не вышла, чтобы увидеть его. Возможно, ты жила, когда Будда ходил по этой земле, и никогда не встречалась с ним. Возможно, ты жила, когда Кришна играл на своей флейте, и немногие храбрецы танцевали вокруг него; возможно, ты прошла мимо и подумала: «Эти люди сумасшедшие, а этот человек гипнотизирует их своей музыкой» — и считала себя очень здравомыслящей.

Но теперь ты плачешь, и тебе очень грустно.

Сарджана, помоги своим психиатрам и психоаналитикам оказаться здесь. Скажи им, что Будда жив, что Христос вернулся на Землю — скажи им!

И это послание не только для Сарджаны, но и для всех вас. Иисус говорит: Идите и кричите с крыш домов, чтобы люди могли услышать. Я тоже говорю: Кричите с крыш; помогите как можно более многим людям сюда прийти, потому что вода доступна прямо сейчас, вода течет. Она может утолить жажду миллионов, но они должны прийти к реке и склониться над рекой; лишь тогда они могут принять этот дар.

Не грусти, будь счастлива, что ты здесь. А я буду бить снова и снова, так что тебе придется привыкнуть к моим методам. Я кого-то бью, лишь когда я вижу в этих людях огромный потенциал.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я одержим пищей. Я слишком много ем и набрал огромный вес. Не можешь ли Ты помочь мне сбросить вес?*

*Сангито,
Это странно — приезжать сюда из Калифорнии, чтобы сбросить вес. В Калифорнии есть гораздо больше возможностей для того, чтобы сбросить вес. Я знаю, потому что я отправил в Калифорнию Муллу Насреддина. У него была такая же проблема.*

Когда Мулла Насреддин достиг Калифорнии, наши саньясины рассказали ему об этой окончательной программе потери веса. Она гарантировала потерю двадцати пяти килограмм за четыре дня; в случае неудачи все деньги возвращались.

Когда он вошел в здание, ему сказали войти в первую дверь налево и там раздеться. Он так и сделал, и тогда во вторую дверь вошла красивая блондинка, единственную одежду которой составляла подвешенная на шее табличка: «Если ты меня поймаешь, ты можешь заниматься со мной любовью».

Насреддин почувствовал, что в нем возникает страсть. Комната была очень маленькая, но женщина бегала очень быстро, и он смог ее поймать только через двадцать минут. Позанимавшись любовью, Насреддин принял душ, с нетерпением ожидая следующего дня.

На второй день его направили в другую комнату, немного большую, чем первая. Там его приветствовала красивая рыжеволосая женщина с таким же знаком на шее. Погоня длилась почти сорок минут.

На третий день комната была очень большая, а женщина — брюнетка! Через час он поймал и ее.

Через три дня Мулла взвесился и обнаружил, что потерял четырнадцать килограмм.

На четвертый день он пришел, предвкушая компанию очередной красотки. Его направили на самый последний этаж. Он поднялся по лестнице, разделся и стал ждать. Позади него щелкнул закрываемый замок на входной двери, и краем глаза он увидел, что к нему решительно направляется огромная горилла с табличкой на шее: «Если я тебя поймаю, я буду заниматься с тобой любовью!»

Сангито, тебе не нужно было приезжать из Калифорнии в Пуну! Но одно определено: люди становятся одержимыми пищей, лишь когда они теряют способность любить. Это признак того, что ты забыл язык любви. Если ты влюблен, ты никогда не одержим пищей. Одержимость пищей это симптом того, что ты не умеешь любить. Нужно понять, как это происходит.

Первое знакомство ребенка с миром представляет грудь матери. Это его первое представление миру, его первый выход в мир — его первые отношения с грудью мате-

ри. И эта грудь становится для него символом двух вещей: пищи и любви.

Когда мать любит, ее грудь доступна; когда она не любит, нет и груди. Любовь и пища приходят в связь; возникает глубокий условный рефлекс. Он так укореняется в бессознательном, что ты повторяешь его всю жизнь. Если ребенок знает, что мать любит его, он не будет пить слишком много, потому что он *знает*, что он в безопасности; когда бы ему ни понадобилась материнская грудь, она будет доступна.

Если ребенок не чувствует себя в безопасности, и чувствует, что следующего раза может не быть, он начинает пить слишком много, есть слишком много.

Теперь ты можешь понять суть: когда есть любовь, она несет безопасность и своего рода удовлетворенность, и ребенок никогда не становится одержимым пищей. Если любви нет, это влечет чувство небезопасности, страх, своего рода пустоту, и ребенок наполняет эту пустоту пищей.

На западе вес все больше и больше становится проблемой, потому что матери не хотят давать грудь своему ребенку. Конечно, грудь теряет форму; и боязнь того, что их грудь потеряет форму, и они будут казаться старше, захватывает западных женщин так глубоко, что они боятся кормить грудью своих детей. И они, сами того не зная, бессознательно, создают в своих детях одержимость пищей. Ребенок станет одержимым пищей, он будет есть слишком много. Еда станет для него заменителем любви.

Сангито, тебе придется научиться любить. Нет другого способа сбросить вес. Все остальные программы могут немного помочь тебе, но рано или поздно ты снова наберешь вес, потому что основная и коренная причина остается прежней. Ты можешь сидеть на диете, ты можешь бегать, плавать, упражняться, но сколько может продолжаться диета? Рано или поздно тебе надоест диета, и ум станет еще более одержим пищей. Теперь ты будешь есть в своих фантазиях, в снах, и твой ум будет тебя убеждать, что так жить неправильно. Ты не можешь есть этого, ты не

можешь есть того, и если ты спросишь докторов, все хорошие вещи будут тебе заказаны.

Ребенок разговаривал с матерью.

— Ты говоришь, что Бог очень мудрый. Я этому не верю.

— Почему же ты не веришь? — спросила мать.

— Если бы он был мудрым, он поместил бы больше витаминов в мороженое. Он кладет витамины в несъедобные вещи, а то, что действительно стоит есть, опасно.

Сколько ты можешь не есть мороженого? Это будет непреодолимым искушением. На несколько дней ты сбросишь вес, но потом начнешь есть слишком много, и вес возьмет свое. И скорее всего ты наберешь еще больше веса, чем сбросил с помощью диеты. Это повторяющаяся ситуация для многих людей, особенно на западе.

На востоке люди голодают. Ты можешь найти толстяков в Бомбее, в Дели, в Калькутте, вот и все. Если ты поедешь в настоящую Индию, восемьдесят процентов людей голодают. Нет вопроса о том, чтобы сбросить вес; они весят слишком мало. Они страдают от истощения. Да, иногда ты можешь найти крестьян с большими животами и тощими телами, потому что пища, которую они едят, не питательна, несбалансированна, и они едят, только когда она есть. Поэтому, когда она есть, они едят слишком много.

В Индии есть миллионы людей, которые едят один раз в день, потому что они не могут себе позволить есть два раза. Чтобы поддержать свое тело на двадцать четыре часа, они едят все, что могут найти; иногда им приходится есть корни деревьев.

Поэтому эта проблема возникла не на востоке, а на западе, где доступно много пищи, и люди забыли, что она растет на деревьях. Дети знают, что еда растет в холодильнике. Ты открываешь холодильник в любое время, и еда всегда доступна.

Я слышал о женщине, которая, должно быть, страдала так же, как Сангито. Она пошла к психиатру и спросила его совета — что делать? Он поразмыслил над этой проблемой и достал фотографию женщины, такой уродливой, толстой, отвратительной, тошнотворной, что просто посмотреть на нее было достаточно, чтобы начать бояться пищи. Он сказал:

— Приклейте ее в холодильнике, чтобы каждый раз, когда вы его открываете, была видна эта фотография — это будет напоминать вам о том, что случится с вами.

Она прикрепила в холодильнике фотографию голой женщины. Психиатр дал ей еще одну фотографию: молодой и красивой женщины с очень пропорциональным телом, Мисс Мира, и сказал ей:

— Приклейте в холодильнике и ее, чтобы можно было сравнить. Если вы едите слишком много, вы будете как эта женщина, если вы не едите слишком много, вы будете как та.

Тотчас же, прямо на следующий день, женщина начала терять вес. Но случилось чудо: ее муж стал набирать вес. Женщина была озадачена. Она спросила, в чем дело.

— С тех пор, как ты повесила эту красивую женщину в холодильник, я все время открываю его, чтобы снова и снова увидеть картинку. И когда я вижу эту фотографию и рядом пищу, чувствую ее запах... Я говорю: «Почему бы не съесть пирожное или мороженое?» Я слишком много ем из-за твоих фотографий.

На западе ребенок растет с идеей, что пища каким-то таинственным образом растет в холодильнике и всегда доступна; в любое время он может пойти и поесть. А матери отняли у детей свою грудь; недоступны и сами матери. Мужья ходят на работу, а женщины состоят в стольких комитетах — они принадлежат к движению освобождения женщин, к комитетам по поднятию сознания, — и они проводят столько благотворительных шоу, и им приходит-

ся продавать билеты и собирать благотворительные фонды... их нет. Отец ушел, мать ушла; ребенок остается с холодильником и без всякой любви.

Сангито, просто пойми коренную причину: где-то в твоей жизни отсутствует любовь. Я не принимаю твою одержимость пищей как настоящую проблему; это лишь симптом. Настоящая проблема в любви — любви больше. И если ты будешь любить больше, больше любить будут и тебя. И еще не поздно; ты можешь найти женщину. Все женщины всегда как матери, а мужчины — как дети. Поэтому подойдет любая женщина, потому что она будет действовать как мать. Каждому мужчине нужна мать, нужно материнство, а каждой женщине нужны дети. Даже муж это лишь старший ребенок, вот и все. А если ты не сможешь найти женщину, приходи ко мне — у меня всегда много объявлений: женщины ищут мужчин, мужчины ищут женщин. Я всем все нахожу! Я не верю в астрологию, я верю только в случайности.

Мулда Насреддин проснулся однажды утром и посмотрел на часы. Было без пяти пять. Не в состоянии опять заснуть, он пошел к двери, чтобы взять утреннюю газету. На передовице он увидел дату: пятое мая.

— Вот это да: пятый день, пятый месяц, без пяти пять, — подумал он. — Наверное, сегодня счастливый день!

Он решил пойти на скачки, оделся и вышел на автобусную остановку. Вскоре подошел автобус — это был пятый маршрут, и Насреддин заметил, что когда он вошел, в автобусе было три пассажира, он сам и водитель — всего пять.

Он прибыл на скачки и подождал пятого заезда. Он поставил пятьсот рупий на пятую лошадь — и его лошадь пришла пятой!

На сегодня достаточно.

Глава 5
Любовь Ничего
Не Знает О Долге

*Люби себя и наблюдай —
Сегодня, завтра, всегда.*

*Сначала утвердись на пути,
Затем учи
И побеждай отчаяние.*

*Чтобы выпрямить сгорбленного
Сначала ты должен сделать более трудное —
Выпрямить себя.*

*Ты — свой единственный мастер.
Кто же еще?
Покори себя
И открой своего мастера.*

*Охотно ты кормил
Собственное заблуждение.
Вскоре оно раздавит тебя
Как алмаз крошит камень.*

*Твоя собственная глупость
Заставит тебя пасть ниже
Чем пожелал бы тебе худший из врагов.
Так лиана пригибает дерево к земле.*

*Как трудно служить самому себе!
Как легко потерять себя
В заблуждении и глупости!*

*Тростник каттхака умирает,
Когда созревает его плод. Так дурак,
Презирающий учение пробужденного,
Смеющийся на теми, кто следует закону,
Погибает, когда цветет его глупость.*

Мы начнем с одной из самых глубоких сутр Гаутамы Будды:

Люби себя...

В точности противоположному тебя учили все традиции мира, все цивилизации, все культуры, все церкви. Они говорят: Люби других, не люби себя. И за их учением стоит определенная коварная стратегия.

Любовь это пища для души. Любовь для души это то же, что пища для тела. Без пищи тело становится слабым, без любви слабеет душа. И ни одно государство, ни одна церковь, никакие объединенные интересы никогда не хотели, чтобы у людей были сильные души, потому что человек с духовной энергией это всегда бунтарь.

Любовь делает тебя бунтарем, революционером. Любовь дает тебе крылья, чтобы высоко парить. Любовь дает тебе прозрение в природу вещей, и никто не может тебя обманывать, эксплуатировать, угнетать. А священники и политики питаются только твоей кровью — они выживают только благодаря эксплуатации. Они — паразиты, все священники и политики.

Чтобы сделать тебя слабым духовно они изобрели верный метод со стопроцентной гарантией, и он заключается в том, чтобы научить тебя не любить себя — потому что, если человек не умеет любить себя, он не может любить и никого другого. Это учение очень хитро. Они говорят: Люби других — потому что они знают, что если ты не можешь любить себя, ты вообще не можешь любить. Но они продолжают говорить: Люби других, люби человечество, люби Бога, люби природу, люби свою жену, люби своего мужа, своих детей, своих родителей, но не люби себя — потому что любить себя, как они говорят, эгоистично.

Они осуждают любовь к себе как ничто другое — и они придали своему учению очень логичный вид. Они говорят: Если ты будешь любить себя, ты станешь эгоистом,

если ты любишь себя, это будет самолюбованием. Это неправда. Человек, который любит себя, находит, что у него нет эго. Именно любя других и не любя себя, пытаюсь любить других, человек создает эго.

У миссионеров, социальных реформаторов, слуг общества величайшие в мире эго — естественно, потому что они кажутся себе высшими человеческими существами. Они не обычные — обычные люди любят себя, они же любят других, они любят великие идеалы, они любят бога. Вся их любовь фальшива, потому что у их любви нет никаких корней.

Человек, который любит себя, предпринимает первый шаг к настоящей любви.

Если бросить в тихое озеро камень, первые круги разойдутся вокруг камня, очень близко к нему, естественно — где же еще? И они будут распространяться; они достигнут дальнего берега. Если ты остановишь волны рядом с камнем, тогда волн вообще не будет. Тогда нельзя надеяться создать волны у дальнего берега; это невозможно.

Политики и священники поняли это явление: нужно запретить людям любить себя, и их способность любить будет уничтожена. Теперь все, что они считают любовью, будет ложным. Это может быть долгом, но не любовью — а долг это подзаборное грязное слово. Родители выполняют свой долг по отношению к детям, и затем дети, в свою очередь, выполняют свой долг по отношению к родителям. Жена выполняет свой долг по отношению к мужу, а муж выполняет свой долг по отношению к жене. Где же любовь?

Любовь ничего не знает о долге. Долг это бремя, формальность. Любовь это радость, щедрость; любовь не формальна. Влюбленный никогда не чувствует, что он сделал достаточно; влюбленный всегда чувствует, что возможно большее. Влюбленный никогда не чувствует: «Я сделал другому одолжение». Напротив, он чувствует: «Я обязан ему, потому что моя любовь была принята. Другой сделал мне одолжение, принимая мою любовь, не отверг-

нужна ей». Человек долга думает: «Я выше, духовнее, особеннее. Смотрите, как я служу людям!»

Эти слуги общества самые фальшивые люди в мире — и самые вредоносные. Если мы сможем избавиться от слуг общества, человечество освободилось бы от бремени, всем стало бы легче, и можно было бы снова петь и танцевать.

Но в течение многие веков ваши корни обрубались, отравлялись. Вас заставили бояться любить самих себя, а это первый шаг к любви и ее первый опыт. Человек, который любит себя, уважает себя, а человек, который любит и уважает себя, уважает и других, потому что он знает: «Другие точно такие же как я. Другие наслаждаются любовью, уважением, достоинством, так же как и я». Он осознает, что мы не разные; насколько это касается фундаментальных основ, мы — одно. Мы подвержены действию одного закона: *эс дхаммо санантано*.

Будда говорит: Мы подчиняемся одному и тому же вечному закону. В деталях, возможно, мы немного отличаемся друг от друга — что создает разнообразие, красоту, — но в основании мы являемся частями одной природы.

Человек, который любит себя, так наслаждается любовью, становится таким блаженным, что любовь начинает переполнять его, она начинает течь к другим. Ей приходится достигать других! Если ты живешь любовью, тебе приходится делиться ею. Ты не можешь продолжать любить себя вечно, потому что тебе станет абсолютно ясно одно: если любовь к одному человеку, к себе, приносит такой колоссальный экстаз и красоту, сколько же экстаза тебя ждет, если ты начнешь делиться своей любовью со многими людьми!

Постепенно волны распространяются все дальше и дальше. Ты любишь других людей, затем ты начинаешь любить животных, птиц, деревья, камни. Ты можешь наполнить своей любовью всю вселенную. Одного человека достаточно, чтобы наполнить своей любовью всю вселен-

ную, как одного камня достаточно, чтобы наполнить волнами все озеро — маленького камня.

Лишь Будда может сказать: *Люби себя...* Ни священник, ни политик с этим не согласятся, потому что это разрушит все их сооружение, структуру эксплуатации. Если человеку не позволяют любить себя, его дух, его душа становятся с каждым днем слабее и слабее. Его тело может продолжать расти, но не будет происходить внутреннего роста, потому что он не получает внутреннего питания. Он остается телом почти без души, или лишь с потенциалом, возможностью души. Душа остается семенем и останется семенем, если ты не найдешь для него нужной почвы любви. И ты ее не найдешь, если следуешь глупой идее: «Не люби себя».

Я тоже учу моих саньясинов сначала любить себя; это не имеет ничего общего с эго. На самом деле, любовь это такой свет, в котором вообще не может существовать тьма эго. Если ты любишь других, если твоя любовь сфокусирована на других, ты будешь жить в темноте.

Обрати свой свет сначала внутрь себя, сначала стань светом самому себе. Позволь этому свету изгнать твою внутреннюю темноту, твою внутреннюю слабость. Позволь любви дать тебе огромную энергию, духовную силу. И когда твоя душа сильна, ты знаешь, что не умрешь, что ты бессмертен, ты вечен.

Любовь дает тебе первое прозрение в вечность; любовь это единственный опыт, трансцендирующий время. Именно поэтому влюбленные не боятся смерти: любовь не знает смерти. Единственное мгновение любви больше, чем вся вечность. Но любовь должна начинаться с самого начала. Любовь должна начинаться с этого первого шага: *Люби себя...*

Не осуждай себя. Тебя столько осуждали, и ты принял все это осуждение. Теперь ты продолжаешь причинять себе вред. Никто не считает себя достаточно достойным, никто не считает себя красивым творением божественного; никто не считает, что ты вообще нужен.

Это ядовитые идеи, но ты был отравлен. Ты выпит яд этот яд с молоком матери — и таким было все твоё прошлое. Человечество жило в темном облаке самоосуждения. Если ты осуждаешь себя, как ты можешь расти? Как ты можешь стать зрелым? Если ты осуждаешь себя, как ты можешь поклоняться существованию? Если ты не можешь поклоняться существованию в себе, ты не будешь способен поклоняться существованию и в других; это невозможно. Ты можешь стать частью целого, лишь если у тебя есть огромное уважение к божественности, которая обитает в тебе.

Ты — хозяин, а божественность — твой гость. Любя себя, ты узнаешь это: божественность избрала тебя своим средством. Избрав тебя своим средством, она уже проявила свое уважение, свою любовь. Создав тебя, она показала свою любовь к тебе. Она создала тебя не случайно; она создала тебя с определенным предназначением, с определенным потенциалом, с определенной славой, которой ты можешь достичь. Да, божественность создала человека по собственному образу.

Человек должен стать божественным. Пока человек не станет божественным, он не будет осуществлен, удовлетворен. Но как ты можешь стать божественным? Твои священники говорят, что ты грешен. Твои священники говорят, что ты обречен, что ты обязательно попадешь в ад. И они заставляют тебя бояться любить себя.

Это их уловка: обрубить сам корень любви. Они очень коварные люди, это самая коварная в мире профессия — священник; тогда он говорит: Люби других. Теперь эта любовь будет искусственной, синтетической, эта любовь будет притворством, представлением.

Они говорят: Теперь люби человечество, люби родную страну, жизнь, существование, бога. Большие слова, но абсолютно бессмысленные. Сталкивался ли ты с человечеством? Ты всегда сталкиваешься с человеческими существами — и ты осудил первое же человеческое существо, с которым столкнулся: самого себя. Ты не уважал себя,

ты не любил себя. Вся твоя жизнь прошла в осуждении других.

Вот почему люди так искусны в нахождении недостатков. Они находят недостатки в себе — как они могут не находить тех же недостатков и в других? Фактически, они находят и преувеличивают их, они раздувают их, как это только возможно. Это кажется единственным спасительным средством: ты должен это делать, чтобы как-то сохранить лицо. Вот почему так много критики и так мало любви.

Я говорю, что это одна из самых глубоких сутр Будды, и лишь пробужденный может дать тебе такое прозрение.

Он говорит: Люби себя... Это может стать основой радикальной трансформации. Не бойся любить себя. Люби тотально, и ты будешь удивлен: тот день, когда ты сможешь избавиться от осуждения, неуважения к себе, тот день, когда ты сможешь избавиться от идеи о первородном грехе, тот день, когда ты сочтешь себя достойным и любимым божественным, будет благословенным днем. С этого дня ты начнешь видеть людей в их истинном свете, у тебя появится сострадание. И оно не будет привитым состраданием; это будет естественный, спонтанный поток.

Человек, который любит себя, может легко стать медитативным, потому что медитировать это значит быть с самим собой. Если ты ненавидишь себя — что ты и делаешь, что тебе и говорили делать, и чему ты свято следовал, — если ты ненавидишь себя, как ты можешь быть с собой? А медитация это не что иное, как наслаждение своим прекрасным одиночеством, празднование себя; в этом и есть вся медитация.

Медитация это не отношения; другой не нужен, человека достаточно самого по себе. Он купается в собственной славе, купается в собственном свете. Ему просто радостно оттого, что он жив, что он есть.

Величайшее чудо в мире — что ты есть, что я есть. Быть — это величайшее чудо, а медитация открывает две-

ри этого великого чуда. Но лишь человек, который любит себя, может медитировать; обычно ты всегда убегаешь от себя, избегаешь себя. Кто хочет смотреть на уродливое лицо, кто хочет проникать в уродливое существо? Кто хочет глубоко погружаться в собственную грязь, в собственную тьму? Кто хочет входить в тот ад, которым ты себя считаешь? Ты хочешь, чтобы все это было прикрыто красивыми цветами, ты всегда хочешь бежать от самого себя.

Поэтому люди постоянно ищут компании. Они не могут быть сами по себе; они хотят быть с другими. Люди ищут любой компании; если они могут избежать общества самих себя, подойдет все. Они будут три часа сидеть в кинотеатре, смотря какую-то полную глупость. Они будут часами читать детективный роман, убивая время. Они будут перечитывать одну и ту же газету, чтобы остаться занятыми. Они будут играть в карты и шахматы, просто чтобы убить время — как будто у них слишком много времени!

У нас не слишком много времени; у нас нет времени, чтобы расти, чтобы быть, чтобы радоваться. Но это одна из проблем, созданных неправильным воспитанием: ты избегаешь самого себя.

Люди сидят перед телевизорами, приклеенные к своим стульям, четыре, пять, шесть часов. Средний американец смотрит телевизор пять часов в день, и эта болезнь распространяется по всему миру. Что вы видите, что вы получаете? Сжигая свои глаза... потому что телевизор это первая в мире вещь, с которой ты смотришь на сам источник света. Обычно ты не смотришь на сам свет — ты смотришь на освещенные объекты. Ты не смотришь на солнце; ты смотришь на розу — солнце освещает розу. Ты смотришь на зеленые деревья, ты смотришь на лица людей. Ты не смотришь на саму электрическую лампочку; ты смотришь на картину на стене. Ты не смог бы увидеть картину, если бы не было света, но ты не смотришь на источник света, потому что он сжигает сам деликатный механизм твоих глаз.

Теперь, когда есть телевизор, ты смотришь прямо на источник света. Кино гораздо лучше, чем телевизор, потому что ты не смотришь прямо на источник света. Телевизор создает столько болезней, и сейчас подозревают, что даже рак это одна из болезней, вызываемых телевизором. И вскоре будет обязательно обнаружено еще несколько новых болезней, потому что подрастает поколение, которое смотрит телевизор пять, шесть часов в день.

Но так было всегда; даже если бы не было телевизора, всегда есть что-то другое. Проблема остается прежней: как избежать себя, потому что человек чувствует себя таким уродливым. Кто сделал тебя таким уродливым? — твои так называемые религиозные люди, твои Папы, *шанкарачарьи*. Они ответственны за искажение твоего лица, и они в этом преуспели. Они сделали уродами всех.

Каждый ребенок рождается красивым, и мы начинаем искажать его красоту, калечить, парализовывать его, искажать его пропорции, делать его неуравновешенным. Рано или поздно он начинает чувствовать к себе такое отвращение, что он готов быть с кем угодно. Он может пойти к проститутке, только чтобы избежать самого себя.

Люби себя, — говорит Будда. И это может преобразить весь мир. Это может разрушить все уродливое прошлое. Это может провозгласить новую эпоху, это может стать началом нового человечества.

Поэтому я так настаиваю на любви — но любовь начинается с самого себя, и тогда она может распространяться. Она продолжает распространяться сама по себе; тебе не нужно ничего делать, чтобы распространять ее.

Люби себя, — говорит Будда. И тотчас же добавляет: *...И наблюдай*. Это медитация, это имя, которое Будда дает медитации. Но первое требование: любить себя, затем — наблюдать. Если ты начнешь наблюдать, не любя себя, ты можешь захотеть покончить с собой.

Многие буддисты хотят покончить с собой, потому что они не обращают внимания на первую часть сутры, они сразу же перескакивают ко второй: *наблюдай себя*.

Фактически, я никогда не встречал комментариев «Дхаммапады», этих сутр Будды, который обращал бы какое-либо внимание на первую часть: *Люби себя*.

Сократ говорит: Познай себя, Будда говорит: Люби себя. И Будда гораздо ближе к истине, потому что пока ты не любишь себя, ты никогда не познаешь себя — познание приходит лишь позднее, любовь подготавливает почву. Любовь это возможность познать себя, любовь это правильный путь познания себя.

Я жил с одним буддистским монахом, Джагдишем Кашьяпом; сейчас он мертв. Он был хорошим человеком. Мы говорили о «Дхаммападе» и встретили эту сутру, и он начал говорить о наблюдении, как будто не замечая первой части. Ни один традиционный буддист никогда не обратит внимания на первую часть; он просто пропускает ее.

Я сказал Бхиккху Джагдишу Кашьяпу:

— Подожди! Ты пропускаешь нечто очень существенное. Наблюдение это второй шаг, а ты делаешь его первым шагом; оно не может быть первым шагом.

Тогда он снова прочитал сутру и сказал озадаченно:

— Я читал «Дхаммападу» всю жизнь, и должно быть, читал эту сутру миллион раз — моя ежедневная молитва заключается в просматривании «Дхаммапады», я могу повторять ее наизусть, но я никогда не думал, что «Люби себя» это первая часть медитации, а наблюдение — вторая часть.

То же самое происходит с миллионами буддистов по всему миру, как и с нео-буддистами — потому что сейчас буддизм распространяется на западе.

Пришло время Будды на западе. Сейчас запад готов понять Будду, но происходит та же ошибка. Никто не понимает, что «Люби себя» должно стать основой для познания себя, наблюдения себя... потому что пока ты не любишь себя, ты не сможешь встретиться с собой лицом к лицу, ты будешь избегать.

Первое:

*Люби себя и наблюдай —
Сегодня, завтра, всегда.*

Создай вокруг себя любящую энергию. Люби свое тело, люби свой ум. Люби весь свой механизм, весь свой организм. Под «любовью» подразумевается: прими это как есть, не пытайся подавлять. Мы подавляем, лишь когда мы что-то ненавидим, мы подавляем, лишь когда мы против чего-то. Не подавляй, потому что, если ты подавляешь, как ты будешь наблюдать? И мы не можем смотреть в глаза врагу; мы можем смотреть в глаза лишь возлюбленному. Если ты не влюблен в самого себя, ты не сможешь посмотреть самому себе в глаза, в лицо, в свою реальность.

Наблюдение это медитация, так Будда называет медитацию. «Наблюдай!»¹ это пароль² Будды. Он говорит: Осознавай, будь бдителен, не будь несознателен. Не веди себя как во сне. Не продолжай действовать как машина, как робот. Именно так действуют люди.

Майк переехал в новую квартиру и решил познакомиться со своим соседом по лестничной площадке. Когда дверь открылась, он был приятно изумлен, увидев красивую молодую блондинку в прозрачном пеньюаре.

Майк посмотрел ей прямо в глаза и пробормотал:

— Привет! Я ваш новый сахар по площадке — не одолжите ли вы мне чашечку соседа?

Люди живут несознательно: они не сознают, что они говорят, что они делают — они не наблюдательны. Люди продолжают догадываться, вместо того, чтобы видеть; у них нет никакого прозрения, и не может быть. Прозрение возникает только в великой наблюдательности: то-

¹ англ. watch

² англ. watchword

гда ты можешь видеть с закрытыми глазами. Прямо сейчас ты ничего не видишь, даже когда твои глаза открыты. Ты угадываешь, догадываешься, предполагаешь, проецируешь.

Грэйс лежала на кушетке психиатра.

— Закройте глаза и расслабьтесь, — сказал он, — и я проведу эксперимент.

Он достал из кармана кожаный чехол для ключей, раскрыл его и потряс ключами.

— О чем это вам напоминает?

— О сексе, — прошептала она.

Тогда он закрыл чехол для ключей, и коснулся им тыльной стороны руки девушки. Ее тело напряглось.

— А это? — спросил психиатр.

— О сексе, — нервно прошептала Грэйс.

— А теперь откройте глаза, — продолжал он, — и скажите мне, почему то, что я сделал, приобрело для вас сексуальные ассоциации.

После некоторого колебания она открыла глаза. Грэйс увидела чехол с ключами у него в руке и густо покраснела.

— Ээ, как это сказать... — пробормотала она. — Я подумала, что первый звук был звуком расстегивающейся ширинки...

Твой ум постоянно проецирует — проецирует себя. Твой ум постоянно вмешивается в реальность, придает ей цвет и форму, которые ей не свойственны. Твой ум никогда не позволяет тебе видеть то, что есть; он позволяет тебе видеть лишь то, что он *хочет* видеть.

Всего двадцать лет назад ученые считали, что наши глаза, уши, нос и другие чувства, *включая* ум, это не что иное как окна в реальность, мосты в реальность. Но за двадцать лет — последние двадцать лет, — все понимание изменилось. Теперь они говорят, что наши органы чувств и ум это в действительности не окна, а охрана. Лишь два процента реальности попадает в тебя через этот контроль-

но-пропускной пункт; девяносто восемь процентов остается снаружи. И те два процента, которые достигают тебя и твоего существа, это не те же самые два процента; им нужно преодолеть столько препятствий, им нужно соответствовать стольким вещам в уме, что к тому моменту, когда это достигает тебя, это уже что-то другое.

Медитировать значит отложить в сторону ум, чтобы он больше не вмешивался в реальность, чтобы видеть вещи, как они есть. Почему ум вообще вмешивается? — потому что ум создан обществом. Это агент общества у тебя внутри; он не служит тебе, помни! Это твой ум, но он не служит тебе; это заговор против тебя. Он был обусловлен обществом; общество многое имплантировало в него. Это *твой* ум, но он больше не действует как твой слуга; он действует, как слуга общества.

Если ты христианин, он действует как агент христианской церкви, если ты индуист, твой ум — индуистский, если ты буддист, твой ум — буддистский. А реальность не принадлежит ни к христианству, ни к индуизму, ни к буддизму; реальность просто такая, как она есть. И тебе нужно отложить все эти умы в сторону: коммунистический ум, фашистский ум, католический ум, протестантский ум...

На Земле существует три тысячи религий — больших религий, небольших религий, очень маленьких сект и сект внутри сект — всего три тысячи. Поэтому есть три тысячи умов, типов ума — а реальность одна, божественность одна, истина одна!

Медитация означает: отложи ум в сторону и наблюдай. Первый шаг — *люби* себя — окажет тебе огромную помощь. Любя себя, ты разрушишь многое из того, что имплантировало в тебя общество. Ты станешь свободнее от общества и его обусловленности.

И второй шаг: наблюдай, просто наблюдай. Будда не говорит, что нужно наблюдать — все! Когда ты идешь, наблюдай то, что ты идешь. Когда ты ешь, наблюдай за тем, как ты ешь. Принимая душ, наблюдай воду, холодную

воду, падающую на тебя, прикосновение воды, прохладу, наблюдай, как дрожь пробегает по твоей спине — наблюдай все, *Сегодня, завтра, всегда.*

В конце концов приходит мгновение, когда ты можешь наблюдать даже свой сон. Это высшее в наблюдении. Тело засыпает, и все же наблюдатель не спит, молчаливо наблюдая, как тело крепко спит. Это высшая форма наблюдения. Сейчас происходит прямо противоположное: твое тело бодрствует, а ты спишь. Тогда ты будешь бодрствовать, а тело будет спать. Телу нужен отдых, но сознанию не нужен сон. Твое сознание *есть* сознание; это бдительность, это сама ее природа.

Тело устает, потому что тело подчиняется закону гравитации; именно гравитация утомляет тебя. Вот почему, если ты быстро бежишь, ты устанешь, если ты поднимаешься вверх по лестнице, ты быстро устанешь — гравитация тянет тебя вниз. Фактически, стоять утомительно, сидеть утомительно. Лишь когда ты лежишь плашмя, в горизонтальном положении, тело может немного отдохнуть, потому что тогда ты сонастроен с законом гравитации. Когда ты стоишь вертикально, ты противостоишь закону; кровь течет к голове, вопреки закону гравитации, и сердце должно качать ее изо всех сил.

Поэтому, когда у тебя сердечный приступ, врачи советуют долгий период отдыха: просто лежать горизонтально — в стиле Снупи! Это приведет тебя в гармонию с гравитацией, иначе гравитация утомляет. Но сознание не подчиняется закону гравитации; поэтому оно никогда не устает. Гравитация не имеет власти над сознанием; это не скала, у него нет веса. Оно действует по совершенно другому закону: закону грации, или, как он известен на востоке, закону левитации. Гравитация означает притяжение вниз; левитация означает притяжение вверх. Тело постоянно притягивается вниз. Вот почему в конце концов ему приходится лечь в могилу; это будет для него настоящим отдыхом — прах во прах. Тело вернулось обратно к своему источнику, возмущение прекратилось, и теперь конфликта

нет. Атомы твоего тела получают настоящий отдых только в могиле.

Душа парит все выше и выше. По мере того, как ты становишься более наблюдательным, у тебя появляются крылья — тогда все небо твое. Человек это встреча неба и земли, тела и души.

*Сначала утверди себя в пути,
Затем учи
И так побеждай отчаяние.*

Каждая из сутр чревата великим значением. Сначала Будда говорит: *Люби себя и наблюдай...* И тут же он напоминает своим ученикам: *Сначала утверди себя в пути...*

Он говорит: Имей в виду, не начинай учить тому, что я тебе говорю. Ум играет во множество игр, а последняя из игр это учительство. Трудно, тяжело трансформировать себя; гораздо легче учить других. Трудно быть учеником, очень легко быть учителем — потому что ученик должен сдаться, а учитель может сохранить все свое эго. Фактически, у него может быть даже большее эго, потому что так много людей сдается ему. Пока он не утвердится в пути — а это значит пока он не достигнет любви и наблюдательности, — пока он не придет к той чистоте сознания, которая делает человека буддой, он не должен учить.

Сначала утверди себя в пути, затем учи, и так побеждай отчаяние. Иначе происходит вот что: слушая будду, его прекрасные учения, ты так наполняешься этими учениями, что в тебе возникает великое желание учить других. Ты совершенно забываешь о том, что прежде чем проповедовать, нужно практиковать. Вот что происходит во всем мире.

Однажды я оказался в христианском колледже, одном из самых больших в Индии, в котором обучают миссионеров,

пасторов, священников и так далее. Я был немного озадачен: как можно создавать миссионеров, пасторов и священников в колледже? Это невозможно. Директор очень заинтересовался мной; он пригласил меня. Он сказал:

— Приходите и посмотрите!

Это был шестилетний курс; я осмотрел колледж, большой кампус — семьсот человек готовилось стать священниками, проповедниками, учителями, — я огляделся, сходил во многие классы, и то, что я увидел, было очень забавно. Это было так смехотворно.

В одном из классов учитель говорил студентам:

— Когда вы произносите эту проповедь, вы должны стоять вот так, а когда вы доходите вот до этого места, нужно вот так поднять руку, сделать вот такие жесты, а вот так нужно закрыть глаза — как будто вы впадаете в глубокую медитацию...

Как будто — помните об этом «как будто». Они учатся, как актеры.

В Пуне есть кинематографический институт, в котором готовят актеров; это я могу понять — актерскому мастерству можно обучать. Даже там я никогда не слышал, чтобы кинематографический институт создавал великих актеров, но человек может понять, что актерскому мастерству можно учить, хотя великие актеры и не создаются театральными институтами. Они не могут даже этого.

Актерами рождают, как рождаются поэтами, это искусство; у тебя должен быть врожденный дух. Не каждый может быть актером, потому что человек должен так вовлекаться в игру, так глубоко, чтобы забыть о том, что он не это. В игре человек должен потерять тождественность, она должна стать его частью; он должен все забыть о себе. Это необыкновенный подвиг. Можно понять, что актерскому мастерству можно учить — но как учить людей быть мастерами?

Прощаясь с директором, я рассказал ему историю:

Я слышал — должно быть, это произошло в таком же колледже, как и ваш, — что учитель говорил своим ученикам:

— Когда вы говорите о рае, о небесах, улыбайтесь небесной улыбкой, с глазами, полными радости и света, и смотрите вверх на небеса. Замолчите на мгновение и просто позвольте людям почувствовать, как вы радостны, как вы полны света.

Студент поднял руку и спросил, что делать, когда он говорит об аде.

— Тогда просто стойте как вы есть. Не нужно ничего другого, просто будьте собой, вот и все, и это покажет им, что такое ад.

Учить людей быть мастерами так абсурдно. Иисус не учился в колледже. По счастью, таких колледжей в те дни не существовало; иначе они могли бы разрушить Иисуса. Будда никогда не ходил учиться ни в какое религиозное заведение. Религия должна быть прожита, потому что это единственный способ научиться ей.

Будда говорит: *И так побеждай отчаяние.*

Люби, наблюдай, стань просветленным — и тогда учить будет просто, тогда учение начнет течь из тебя. Ты будишь учить тем, как ты идешь, как ты сидишь, своим молчанием, своим разговором. Ты будешь постоянно учить всеми возможными способами.

Жить с мастером значит быть постоянно осыпaeмым его учением. Что бы он ни делал, его способ делать это имеет совершенно иной аромат: он в мире, но не от мира.

Чтобы выпрямит сгорбленного,

Сначала ты должен сделать более трудное —

Выпрямить себя.

Легко смотреть на человеческие недостатки. Человек любит смотреть на недостатки других, потому что это помогает ему укреплять свое эго: «Я гораздо выше». Очень трудно увидеть собственные недостатки; лишь человек, который любит себя, может их увидеть.

Не слушай других, не слушай, что они говорят о тебе. Видь себя, видь, кто ты, где ты, каковы твои недостатки. И происходит чудо: видение этих недостатков самим этим сознанием растворяет их. Тебе не нужно делать никаких усилий, чтобы растворить их; самой осознанности достаточно. Они начинают таять, как тает лед на солнце. Но увидеть собственные недостатки очень трудно, потому что ты никогда не смотришь на себя; ты постоянно обращен вовне, к другим.

Новая стройная стенографистка подала лист бумаги аудитору компании со словами:

— Вот отчет, который вы просили, мистер Берри.

— Меня зовут мистер Перри! — поправил он. — Должно быть, вы говорили с главным бухгалтером, который не выговаривает букву «п». Сказал ли он обо мне еще что-нибудь?

— Только то, что когда дело касается незначительных деталей, вы настоящий чурбан!

Это безусловно трудно, потому что ты должен обратить все свое сознание на себя. А мы стали настолько экстровертными, нас *сделали* настолько экстровертными, что обращение вовнутрь кажется почти невозможным. Мы парализованы; мы можем только смотреть на других. Даже если мы хотим смотреть на самих себя, мы должны смотреть в зеркало. Тогда образ в зеркале становится другим.

Человеку нужно научиться смотреть на самого себя с закрытыми глазами, молча наблюдать, и не вносить в это никаких априорных предрассудков. Многие говорили тебе: «Вот твои недостатки». Не носи с собой этих идей, иначе ты их найдешь — потому что мысль очень изобретательна. Отложи в сторону все, что тебе говорили. Помни лишь одно: пока ты не узнаешь этого, опираясь на собственный авторитет, в этом нет ценности, нет смысла. Поэтому иди без всяких предрассудков — за или против. Просто иди полностью открытым и видь. Если ты любишь и знаешь,

как наблюдать, ты столкнешься с самым таинственным явлением: видение недостатка растворяет его. Это великая тайна Будды: знания, что ты делаешь что-то не то, достаточно; ты больше не можешь этого делать.

Сократ говорит: Знание есть добродетель. Его можно понять только в свете Будды. Он был очень неправильно понимаем в Греции, потому что Греция рождала великих философов, но не великих будд. Есть лишь четыре греческих имени, которые можно поставить в один ряд с буддами: Сократ, Пифагор, Гераклит, Плотин — и тысячи имен великих философов. Трагедия Греции в том, что в ней было так много философов и так мало будд.

Сократ говорит нечто безмерно ценное, но его слова были вырваны из контекста. Атмосферы, в которой их можно было понять, не было. Он говорил истину: знание есть добродетель. Если ты *знаешь*, что нечто неправильно, оно исчезает; если ты *знаешь*, что нечто правильно, ты начинаешь вести себя соответственно.

Вот что имеет в виду Иисус, когда он говорит: Истина освобождает. Достаточно знать истину, и освобождение случается само собой. Дело не в том, что ты должен знать, а затем практиковать. Знания достаточно: оно трансформирует твою совесть, а когда совесть трансформирована, характер следует как тень.

Ты — твой единственный мастер.

Кто же еще?

Подчини себя

И найди своего мастера.

Будда говорит, что внешний мастер это не что иное, как отражение внутреннего. Быть с внешним мастером нужно по определенной причине — чтобы внутренний мастер начал приходить в синхронизацию с внешним. Внешний мастер это лишь провокация, вызов, но истинная функция мастера в том, чтобы помочь тебе открыть собственного мастера.

Настоящий мастер никогда не делает зависимыми своих последователей и учеников: он помогает им быть независимыми, быть свободными. Он никогда не дает им определенного жизненного образца; он дает им лишь намеки, как они могут сами по себе достичь света. Он помогает им быть самими собой; он не навязывает ученикам свою личность.

Это критерий, по которому можно судить, настоящий ли он мастер. Если кто-то пытается навязать тебе свою личность, свои идеи, свою мораль, свои принципы, остерегайся! Беги от этого человека как можно быстрее. Он опасен, он разрушителен. Он может казаться тебе очень любящим, но его любовь ядовита. Он может быть очень милым, но это не что иное как яд, покрытый сахарной глазурью.

Настоящий мастер это тот, кто помогает тебе быть самим собой, кто помогает тебе быть свободным — свободным даже от него.

Люди дзен говорят: Если ты встретишь на дороге Будду, убей его! Они поклоняются Будде, и все же они говорят: Если ты встретишь Будду на пути, убей его! Они просто говорят то, что говорил сам Будда. Будда всю жизнь настаивал: Не следуй — понимай. Впитывай мой дух, но не следуй моему характеру. У тебя будет свой собственный характер, который уникален, потому что никогда еще не было такой же индивидуальности, как ты, и никакая другая индивидуальность никогда не может быть такой же, как ты. Ты уникален.

Не становитесь подражателями. Но это происходит: люди становятся попугаями. Они повторяют то, что говорят их мастера, они подражают тому, как живут их мастера.

Рэйд очень любил своего попугая. Попугай впал в депрессию. После многочисленных бесплодных попыток вывести его из депрессии, Рэйд решил, что его пернатому другу нужно немного секса.

Он нашел красивую самку попугая в зоомагазине и заплатил пятьдесят долларов, чтобы его птица была обслужена. Попугайка была доставлена Рэиду на дом и помещена в клетку его попугая. Тотчас же тот издал ужасный крик и стал вырывать ее перья.

— Что ты делаешь? — завопила она.

— За пятьдесят баксов, детка, — крикнул он, — я хочу, чтобы ты была голой!

Наверное, он просто имитировал своего мастера³. Не будь попугаем, не подражай. Будь верен себе, будь подлинным.

Ты — твой единственный мастер. Кто же еще? Покори себя. Когда Будда говорит: *Покори себя*, он не говорит себя подавлять. Перевод не передает в точности, что он имеет в виду. Его трудно переводить, потому что Будда говорит «себя» имея в виду эго. Он не верит в «самость». Он говорит, что любой смысл «себя» это не более чем тонкая форма эго.

Когда он говорит, *Покори себя*, он просто имеет в виду: загляни глубоко в идею своего эго — и она уйдет, она исчезнет. Это ложное явление. Идея «я отделен от существования» это ложная идея, совершенно ложная. Для того, чтобы она растворилась, нужно лишь правильное восприятие. В то мгновение, когда эго исчезает, ты можешь открыть своего собственного мастера.

Когда нет эго, кто есть? — чистое сознание, чистая осознанность, без всякого центра, без всякого содержания. Нет мыслей, нет центра, лишь чистое сознание — сознание без всякого центра и без всякой периферии. Это сознание есть нирвана, просветление; ты пришел к собственному мастеру. С этого момента и дальше тебе не нужно никого ни о чем спрашивать. Ты не можешь спросить, даже если хочешь: все вопросы испарились, все проблемы испарились.

³ англ. master: хозяин; мастер

Это состояние без проблем, без вопросов есть состояние блаженства, мира, истины, свободы.

*Охотно ты кормил
Собственное заблуждение.
Вскоре оно раздавит тебя
Как алмаз крошит камень.*

И помни: что бы ты ни делал, никто другой за это не ответствен. *Охотно ты кормил собственное заблуждение.* Именно по своей воле, по своему собственному выбору ты делал вещи, который в конце концов для тебя разрушительны. Поначалу они могут так не выглядеть; в конце ты приходишь к знанию того, что ты убил себя, отравил себя, постепенно, мало-помалу. И из-за того, что этот процесс был таким медленным, ты не смог этого осознать. Чтобы осознать медленный процесс, нужна великая наблюдательность.

Я слышал об одном эксперименте:

Ученый бросил лягушку в кипящую воду. Естественно, лягушка тут же выпрыгнула из воды — тотчас же, не теряя ни мгновения; для нее это было вопросом жизни и смерти. Она прыгнула действительно высоко, как не прыгала никогда в жизни.

Затем ученый поместил лягушку в другое ведро, наполненное водой температуры ее тела. Лягушка была очень довольна, она отдыхала на дне. Тогда он стал нагревать ведро так медленно, что вода достигла температуры кипения лишь через двадцать четыре часа. Лягушка не выпрыгнула. Она не могла осознать — процесс был таким медленным, нагревание происходило так медленно, что ей требовалась осознанность будды. Нельзя ждать этого от лягушки — но можно от людей!

Лягушка погибла. Вода закипела, лягушка сварилась, но не выпрыгнула из ведра. Двадцати четырех часов оказалось достаточно; она привыкла к медленному повышению

температуры воды. Она нагревалась так медленно, что она не смогла определить, что вода нагревается.

Вот что происходит в твоей жизни: ты продолжаешь действовать из заблуждения, ты продолжаешь совершать неправильные поступки в надежде, что неправильные средства приведут тебя к правильной цели. Эта ложь так распространена, что никто не понимает, что это ложь.

Невозможно достичь правильного неправильными средствами. Неправильные средства обязательно приведут тебя к неправильной цели, но тогда уже поздно. К тому времени, как ты достигаешь, уже слишком поздно — процесс нельзя обратить вспять. Все время было потрачено впустую — а за это время ты, наверное, привык к неправильным средствам. Ты можешь продолжать пользоваться этими неправильными средствами всю свою жизнь. Другие могут говорить, что это неправильно, и ты можешь интеллектуально с этим соглашаться, но интеллектуальное согласие никогда не приносит никаких перемен. Пока ты не чувствуешь экзистенциально: «Это неправильно, и я управляю самого себя», ты не сможешь из этого выбраться.

И мы так хитры в объяснениях, что продолжаем делать то же самое, думая, что это не вредно, убеждая себя, что это не вредно. Мы так искусны в словах, в логике, в аргументах, чтобы мы можем доказать другим: «Это не вред, я делаю что-то великое».

Иосиф Сталин убил в России миллионы людей с совершенно чистой совестью; его никогда не беспокоило то, что он убил миллионы людей. Фактически, никто другой не убил столько людей. Но он работал на великую идею равенства, коммунизма, бесклассового общества. Это великие идеи, но это просто *идеи*, и только ради идей, абстрактных идей, абстракций, он убивал настоящих людей.

И люди, которых он убивал, не были богаты, они были бедны — бедные люди, слишком привязанные к своим небольшим кускам земли; они не хотели, чтобы их земля стала коллективной собственностью. Они были убиты.

И красота в том — или ирония, — что Сталин думал, что он их убивает для их собственного блага, потому что «пока земля не принадлежит государству, пока не насаждена диктатура пролетариата, бедным людям помочь нельзя». И именно бедные люди были слишком привязаны к своей небольшой собственности!

В России было немного богатых людей. Она была почти как Индия; очень немного богатых и девяносто восемь процентов бедных. Но у бедных есть свои привязанности — и даже более сильные, потому что у них мало что есть, — небольшой участок земли, старая корова, воловья упряжка, несколько кур. И они очень боятся, потому что это все, что у них есть.

Рассказывают историю:

Коммунист спрашивал крестьянина:

— Веришь ли ты в коммунизм?

— Да, я верю в коммунизм!

— Если бы у тебя было две машины, отдал бы ты одну тому, у кого нет ни одной?

— Да, разумеется!

— А если бы у тебя было два дома, захотел бы ты отдать один из них тому, у кого нет ни одного?

— Наверняка!

Тогда коммунистический лидер спросил:

— Если бы у тебя было две коровы, отдал бы ты одну из них тому, у кого нет ни одной?

— Конечно нет!

— Но это кажется абсурдом: до сих пор ты на все отвечал да. Почему нет?

— У меня нет двух машин. У меня нет двух домов — но у меня есть две коровы!

Когда у тебя чего-то нет, в чем проблема? Ты можешь раздать все, чего у тебя нет. Ты можешь отдать луну, ты можешь отдать солнце любому, кто хочет, но когда это касается настоящих проблем, это трудно.

Бедных людей убивали, а Иосиф Сталин спал спокойно. Он никогда не беспокоился о том, что убил столько людей. В коммунистической идеологии для этого было хорошее объяснение, потому что коммунизм не верит в душу: сознание это лишь побочный продукт материи, вторичное явление. Поэтому, когда ты убиваешь человека, ты никого не убиваешь — внутри никого нет: человек это лишь материя.

Это было огромной помощью для убийцы, Иосифа Сталина. Если внутри никого нет, ты не совершаешь никакого преступления, и когда умрешь *ты*, *ты* умрешь: больше не будет никакой жизни, не будет никакого Судного дня.

Люди могут создавать философии, рационализации, объяснения, аргументы для того, чтобы причинять вред. И люди готовы верить во что угодно, что позволит им продолжать делать то же самое.

Держа в руке бабочку, Бэзил вошел в бар.

— Видите эту бабочку? — крикнул он. — Кто скажет мне, сколько она весит, тому я отдам свою любовь!

— Заткнись, бездельник, — сказал человек в баре. — Она весит сто килограмм.

— Ах, милашка, ты угадал!

Если ты хочешь что-то сделать, тогда можно принять все, что отвечает твоим желаниям, твоим устремлениям.

Ларс однажды днем пришел домой рано и обнаружил, что его жена лежит в постели голая и тяжело дышит.

— Что случилось, Джун? — спросил он.

— Я думаю, у меня сердечный приступ, — прошептала она.

Когда Ларс опрометью бросился вверх по лестнице, чтобы позвонить врачу, к нему подбежал сын, крича:

— Папа! В большом шкафу голый мужчина!

Ларс открыл дверь большого шкафа и увидел, что там прячется его лучший друг.

— Боже мой, Эмил! — простонал он. — У Джун сердечный приступ, а ты прокрадываешься в шкаф и пугаешь детей!

Если ты хочешь во что-то верить, ты можешь изобрести все возможные идеи. Наблюдай, как ты зависишь от своих заблуждений, как ты зависишь от своих проступков, недостатков.

*Собственная глупость
Заставит тебя пасть ниже
Чем тебе пожелал бы тебе худший из врагов.
Так лиана пригибает дерево к земле.*

Когда лиана начинает ползти по дереву, дерево чувствует себя очень хорошо; то, что лиане требуется дерево, очень укрепляет эго. Когда ты кому-то нужен, ты чувствуешь себя хорошо. Дерево знает:

— Я сильное, и лиана должна от меня зависеть.

Дерево хочет, чтобы вокруг него обвивалось как можно больше лиан, ища в нем поддержки. Оно может считать, что оно совершает великую службу обществу, оно может считать себя великим влюбленным, а лиан — влюбленными. Лианы это женщины, а деревья — мужские шовинисты! Но рано или поздно лианы задушат дерево, раздавят дерево — но тогда уже слишком поздно.

Остерегайся, будь наблюдателен на каждом шагу: *Сегодня, завтра, всегда.* Не теряй ни единого мгновения в неосознанности, потому что в неосознанности ты обязательно причиняешь вред — а весь вред вернется к тебе рано или поздно.

Морган, восьмидесяти шести лет, разговаривал со своим врачом.

— Около пяти недель назад, — сказал он, — я встретил семнадцатилетнюю девушку, привел ее в мотель, и мы за-

нимались любовью всю ночь. Три недели назад я встретил двадцатилетнюю девушку, припарковал машину напротив ее дома, и мы делали это три часа. На прошлой неделе, я схватил шестнадцатилетнюю девушку, привел ее в парк, и мы занимались любовью шесть дней.

— Боже правый! — вскричал врач. — Надеюсь, что с этими незнакомыми девушками вы принимаете меры предосторожности?

— Да, конечно! — сказал старик. — Я даю им фальшивый адрес и номер телефона.

Восемьдесят шесть лет, не забывай! И какие меры предосторожности он принимает? Он дает фальшивое имя и адрес.

Если ты продолжал заниматься глупостями всю жизнь, даже умирая, ты будешь полон глупостей. Поэтому не откладывай на завтра — никто не знает, придет ли завтра. Начни быть наблюдательным с этого самого мгновения.

*Как трудно служить самому себе,
Как легко потеряться
В заблуждении и глупости.*

Как трудно служить самому себе... Что Будда имеет в виду? Он говорит, как тяжело быть осознанным — потому что это единственная истинная служба себе. Если ты любишь себя безмерно, ты не можешь отправиться в это тяжелое путешествие наблюдения. Ты можешь быть наблюдательным, лишь если ты любишь себя так безмерно, что не хочешь совершать никаких глупостей, никакого вреда, что не хочешь причинять себе страдание.

Думай о себе — потому что если ты думаешь о себе, ты сможешь быть альтруистом. Сначала укоренись в собственном существе, и лишь тогда ты сможешь быть полезным другим. Но тебе говорили, что думать о себе плохо.

— Думай о других, будь альтруистом! Помогай другим, служи другим, забудь себя!

Мать говорила маленькому мальчику:

— Наш долг служить другим. Бог создал тебя, чтобы служить другим.

Мальчик на мгновение задумался и сказал:

— Я могу это понять: Бог создал меня, чтобы служить другим, но зачем он тогда создал других? Чтобы служить мне? Это кажется смехотворным! Он создает меня, чтобы служить другим, а других, чтобы служить мне? Почему я не могу служить самому себе, а другие — самим себе? Это будет проще, легче.

Тебе говорили служить другим — и ты можешь им служить, но на какую службу ты способен? Во имя службы ты причиняешь людям всевозможный вред. Ты обречен причинять вред, потому что ты недостаточно бдителен...

*Тросник каттхака умирает,
Когда созревает его плод.*

В Индии есть такой тросник, каттхака, который умирает, когда созревает его плод.

*Так дурак,
Презирающий учение пробужденного,
Смеющийся над теми, кто следует закону,
Погибает, когда цветет его глупость.*

Для того, чтобы семя выросло и стало побегом, а побег вырос и стал деревом, нужно некоторое время. И дереву также требуется некоторое время, нужное время года, чтобы распустились цветы и появились плоды. Нужно время. Сажая семена, ты не видишь цветов и плодов.

Будь наблюдателен, сея семена, потому что, посеяв семена, тебе предстоит страдать от последствий. Тебе

предстоит пожать все, что ты посеял. Лишь временной промежуток создает в умах людей иллюзии: Они думают, что смогут убежать, что они могут посеять неправильные семена и пожать правильный урожай. Это невозможно — это противоречит вечному закону.

Но таковы люди — Будда называет их «дураками», — которые презирают учение пробужденных, которые смеются и высмеивают будд, потому что будды кажутся им врагами. Они знают, что если будды правы, неправа вся их жизнь, а это больше, чем они могут принять. Они знают, что если будды правы, то они совершенно глупы, идиотичны, и это больше, чем могут принять их эго: слишком унижительно. Поэтому лучше распять Иисуса, отравить Сократа, побить камнями Будду, чем прислушиваться к ним.

...Презирающий учение пробужденного, презирающий тех, кто следует закону... А те, кто слушает будд и следует закону, вечному закону жизни — закону любви и закону медитации, — над теми, кто следует ему, смеются. Люди высмеивают их. Люди думают, что они сумасшедшие, помешанные. Люди всеми возможными способами стараются стащить их с правильного пути, потому что само их присутствие ранит их.

Когда один человек начинает медитировать, все не медитирующие обращаются против него. Он делает нечто такое, что ставит под вопрос их жизненный стиль, и если в медитации он становится более мирным и блаженным, тогда, конечно, у них появляются сомнения в собственном стиле жизни, все больше и больше сомнений — а никто не хочет жить, сомневаясь. Легче убить человека, уничтожить человека, чем уничтожить свои сомнения. Легче устранить будду, убить будду, чем стать сознательным.

Христиане так и не смогли объяснить, почему был распят Иисус, и они нашли множество неверных толкований. Они считают, что он был распят за грехи человечества. Какая глупость! Если ты совершаешь грех, страдать будешь *ты*. Почему Иисус Христос? При чем тут

этот бедняга? Что он сделал? Христиане говорят, что евреи распяли Иисуса за то, что Адам и Ева совершили первородный грех. Почему бы не распять Адама и Еву? Что сделал этот бедный сын плотника? Он совершенно невинен, он не совершил никакого греха.

И они говорят — они находят все больше новых объяснений, потому что ни одно объяснение не удовлетворительно, — что он сам выбрал распятие как жертву, чтобы спасти человечество. Но человечество так и не спасено, а прошло уже две тысячи лет. Поэтому определенно одно: его жертва была бесполезной.

Но все эти объяснения ошибочны. Правда заключается в том, что просветленный человек неизбежно будет распят, убит, замучен теми, кто слишком многое вложил в бессознательность.

Будда напоминает, что ты можешь презирать учение просветленных, презирать тех, кто следует закону, но помни: *Тростник каттхака умирает, когда созревает его плод. Так дурак... погибает, когда расцветает его глупость.* Это не займет долгого времени. Вскоре ты увидишь плоды собственных действий, и будешь плакать и рыдать, но будет слишком поздно.

Остерегайся! Делай две простые вещи — простые по сути, они выглядят трудными, потому что тебя воспитали в совершенно неправильной обусловленности. Первая: *Люби себя.* И вторая: *Наблюдай — сегодня, завтра, всегда.*

На сегодня достаточно.

Христос: Последний Христианин

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я смотрю Тебе в глаза, и там никого нет. Где Ты?*

Ананд Бхаво,
Капля исчезла в океане... теперь забудь о капле и смотри на океан. Если ты будешь продолжать искать каплю, ты упустишь океан; если ты останешься увлеченным каплей, ты не сможешь увидеть случившуюся безграничность. Капли, исчезнувшей в океане, к каком-то смысле больше нет, но в другом смысле она впервые есть — теперь она стала океаном.

Глядя мне в глаза, не пытайся искать личность; ты не найдешь в них никакой личности. Личность исчезла; теперь есть только присутствие. Присутствие бесконечно; у личности есть определение — граница, определенное имя, форма, ярлык. Присутствие это только присутствие. Цветка больше нет, он стал ароматом. Ты можешь держать в руке цветок, но не можешь держать в руке аромат. Чтобы испытать переживание аромата, вообще не нужны руки. Именно так ты должен приблизиться ко мне: ты должен быть более чувствительным к присутствию, прийти в синхронизацию с присутствием.

А единственный способ для тебя прийти в синхронизацию с моим присутствием это также растворить свою личность и стать присутствием. Лишь только два присутствия могут встретиться, смешаться и слиться. Если ты — личность, нет никакой возможности сплавиться и слиться со мной. Ты остаешься скалой, а я — рекой; как тебе сплавиться и слиться со мной?

Стань присутствием и ты — вот все мое учение, все мое послание. Позволь личности умереть, позволь цветку исчезнуть, потому что личность это не более чем маска. Присутствие есть твое существо. Присутствие это и есть то, что подразумевается под божественностью. Нет никакого Бога: лишь божественность; но поскольку мы — личности, мы представляем личностью и Бога.

Наш подход к самим себе неизбежно отражается и других наших подходах; наш подход к существованию это безусловно часть нашего подхода к самим себе.

Ты все еще ищешь личность в моих глазах — ее, конечно, нет. Поэтому ты можешь испугаться, тебе может стать страшно, потому что ты увидишь пустоту, ничто.

Со мной ты проходишь три стадии. Первая стадия — студент, который думает обо мне как о личности. Он никогда не смотрит мне в глаза, он никогда не пытается проникнуть в мое существо, он остается озабоченным поверхностным, формальным, моим телом, моими словами. Он остается посторонним, любопытным, желающим узнать обо мне больше, стремящимся к большему знанию, информации. Но между мною и им бесконечное расстояние. Он соберет немного информации о таинствах жизни и уедет. Он станет более знающим, более эгоистичным; фактически, он уедет более больным, чем приехал, более обремененным, чем приехал — обремененным знанием.

Он никогда не испытает вкуса моей мудрости. Он не может понять мудрость; он понимает лишь знание, он понимает лишь то, что может быть выражено в словах, теории, логике. Он не сможет смотреть за пределы. Его можно пожалеть. Он приходит и уходит с пустыми руками. Он приходит к реке и возвращается домой, не утолив жажды. Он думает, что многое приобрел, но все, что он собрал, это лишь крошки со стола, тогда как он мог бы быть моим гостем — а остался нищим бродягой.

Вторая стадия это стадия ученика — который подходит немного ближе, начинает осознавать нечто таинственное, начинает чувствовать, движется из мира мышления

в мир чувств, выскальзывает из головы в сердце. Он сможет услышать не только слова, но и скрытую за ними поэзию. Он сможет услышать не только слова, но и содержащееся в них молчание.

Конечно, он будет видеть и поверхностное, но понимать, что это не все — есть нечто большее. Возможно, он не осознает этого, но обязательно есть неосознанное интуитивное чувство. Если он задержится здесь ненадолго, это чувство станет более плотным, осязаемым. Сначала оно будет лишь тенью, проблеском, видением, которое иногда случается и снова пропадает, как исчезают облака и на мгновение ты видишь солнце, но облака появляются снова, и солнца больше нет.

Студент никогда не видит солнца, он видит лишь облака. Ученика — изредка — касается запредельное, трогает запредельное. Студент живет в голове, ученик живет в сердце. Но и оставаться просто учеником недостаточно: это лучше, чем быть студентом, гораздо лучше, выше, но недостаточно. Еще один шаг — и этот шаг: быть преданным.

Преданный не думает о мастере, не чувствует мастера, но начинает приходить в синхронизацию с его существом; не из головы, не из сердца, но из самого центрального ядра своего существования. Он начинает пульсировать, он начинает жить в том же ритме, он дышит в такт дыханию мастера. Его сердце танцует в ритме биения сердца мастера. Он теряет себя, он больше не посторонний.

Студент — абсолютно посторонний, преданный — абсолютно сопричастный, ученик — между ними. Ученик посередине, в пути. Если он смел, он станет преданным, если он труслив, он попятится и станет студентом. Студент расслаблен, потому что он не осознает реального; преданный расслаблен, потому что созвучен с реальным. Очень трудно быть учеником; он в промежутке, его тянет в противоположные стороны. Рано или поздно ему придется решиться либо быть студентом, либо быть преданным;

человек не может долго продолжать быть учеником, потому что это состояние боли, состояние напряжения.

Студент расслаблен, потому что несознательен, преданный расслаблен, потому что он сознательен, но ученик в неопределенности — смутно сознательный, смутно несознательный, ученик живет в сумеречном мире, ни в дне, ни в ночи, ни здесь, ни там, в своего рода преддверии.

Ананд Бхаво, ты находишься в состоянии ученика. Да, на тебя начинают изливаться проблески — теперь будь смел, приблизься еще немного. Не смотри мне в глаза, но будь моими глазами. Не будь зрителем, стань участником, вовлеченным, влюбленным. Не смотри на меня как на кого-то отдельного от тебя. Время пришло: стань неотделимым, настолько созвучным, что у тебя больше нет собственной тождественности. У меня нет никакой собственной тождественности. И когда ты также утратишь свою, мы — два нуля, подходящие друг к другу все ближе, и во внезапной вспышке молнии два нуля больше не два, они становятся одним.

Этот оргазмический опыт единства — первое переживание божественности. Первый опыт божественности случается в единстве с мастером.

Мастер это лишь средство, помни, он — лишь окно в божественное. Подходи ближе и ближе к окну, и окно исчезнет, оконная рама исчезнет, и все небо раскрывается со всеми своими звездами.

И тогда ты сможешь увидеть меня в глазах моих саньясинов, в песнях птиц, в зелени, багрянце и золоте деревьев, в звездах и реках — ты сможешь увидеть меня везде.

Рамакришна, один величайших современных мастеров, умирал. Он страдал от рака горла. Он не мог ничего есть, он не мог даже пить воду. В последние три дня своей жизни он не мог ни есть, ни пить.

Вивекананда упал к его ногам и сказал:

— Если ты попросишь Бога, просто из-за этого обязательно случится чудо. Почему ты не попросишь его взять у тебя этот рак? По крайней мере, ты можешь сказать: «Позволь мне есть и пить».

— Если ты говоришь, я сделаю это. Я никогда не думал об этом. Это хорошая мысль. Я попробую.

Он закрыл глаза. Слезы покатались у него из глаз, и его лицо наполнилось светом. Вся мука рака, вся боль — нестерпимая боль, — внезапно исчезла. Он открыл глаза. Вивекананда был очень счастлив, другие ученики были счастливы: что случилось, что-то чудесное. Но они не осознавали, что именно, они думали, что Бог забрал рак, или, по крайней мере, позволил Рамакришне есть и пить. Но в действительности чудо было другим.

Рамакришна открыл глаза, он был в экстазе; несколько мгновений он не мог произнести ни слова. Затем он сказал:

— Вивекананда, ты дурак! Ты предлагаешь мне делать глупости, а я простой человек, крестьянин, и все принимаю. Я сказал Богу: «Я не могу есть, я не могу пить — почему ты не позволишь мне хотя бы есть и пить?»

И он ответил: «Рамакришна, должно быть, ты сошел с ума! Теперь ты можешь есть ртами своих учеников, ты можешь пить горлами других — зачем ты цепляешься к собственному горлу?» И это освободило меня из тела. Вот почему я заплакал от радости. Да, это правда — все горла мои. Я могу есть, я могу пить из горл других.

Когда он умирал, его жена Шарда спросила его:

— Что мне делать, когда ты умрешь? — потому что его смерть была близка и несомненна. В Индии, когда умирает муж, жена должна выбросить все свои украшения. В частности, в Бенгале, жена никогда не должна носить цветной одежды и всегда ходить в белом, без всяких украшений. Шарда спросила:

— Что мне делать? Должна ли я ходить в белом и не носить украшений, когда тебя не станет?

— Но я никуда не уйду! — ответил Рамакришна. — Я буду здесь! Ты сможешь увидеть меня в глазах тех, кто любит

меня. Ты сможешь почувствовать меня в ветре, в дожде, в солнце. Взлетит птица, и внезапно ты вспомнишь меня, и я буду здесь! Прекрасный закат... и ты вспомнишь меня, и я буду здесь! Ты не будешь вдовой; ты останешься моей женой навсегда. Этот брак не принадлежит времени, он принадлежит вечности.

Он говорит о браке между преданным и мастером. Шарда была преданным, не только его женой — это вторично. И так и случилось. Рамакришна умер, и Шарда никогда не плакала; она продолжала жить так, как будто Рамакришна был жив.

Каждый вечер она стелила ему постель, как и всегда. Она вешала сетку от комаров и говорила Рамакришне:

— Иди спать, уже поздно.

Она готовила пищу, которую он любил, она приносила *тали*, садилась рядом и говорила Рамакришне:

— Смотри, что я тебе приготовила.

Люди думали, что она сошла с ума. Нет, она не была сумасшедшей. Это люди были сумасшедшими. Она поняла суть. Когда она умирала, ее последние слова были... она сказала ученикам, которые полюбили ее как своего мастера в отсутствие Рамакришны — они плакали и рыдали, — она сказала:

— Подождите, что вы делаете? Не забыли ли вы, что сказал мне Рамакришна? Что он никуда не уходит? Никуда не уйду и я. Будьте блаженны, будьте счастливы, что и я освобождаюсь от тела. Радуйтесь, потому что я могу раствориться в Рамакришне, в его вселенской природе.

Это состояние преданного. Но ученичество это ни в каком смысле не достижение. Это необходимый шаг на пути к бытию преданного.

Ананд Бхаво, еще один шаг — и тогда ты не будешь говорить: «Я смотрю тебе в глаза», ты скажешь: «Я смотрю твоими глазами». Тогда ты станешь моими глазами, тогда ты не будешь стоять снаружи, ты будешь находиться у меня внутри и начнешь смотреть на существова-

ние, как смотрю я. И тогда — великая трансформация, великая трансценденция, великое откровение...

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Ты так часто говоришь об удивлении и о любви. Как состояние благоговения и детской невинности связано с состоянием любви?

Ананд Нур,
Удивление и благоговение это величайшие духовные качества. Удивление означает, что ты действуешь из состояния незнания. Знающий человек никогда не чувствует удивления; он неспособен чувствовать удивление, потому что он думает, что уже знает. Он знает все глупые ответы, он может знать всю Британскую Энциклопедию; поэтому на каждый вопрос в его уме уже есть ответ. Когда вопрос таков, что на него нет ответа, что он неразрешим; не только сегодня, но всегда; это не только неизвестное, но и непознаваемое — когда человек сталкивается с непознаваемым, неразрешимым, он испытывает переживание удивления. Он находится в состоянии благоговения, как будто останавливается сердце, как будто ты на мгновение перестаешь дышать.

Переживание удивление таково, что останавливается все. Останавливается весь мир; останавливается время, останавливается ум, останавливается эго. На мгновение ты снова становишься ребенком, удивляющимся бабочкам, цветам, деревьям, камешкам на берегу, раковинам — тебя удивляет все и вся, ты снова ребенок.

И когда ты удивляешься, ты можешь почувствовать безмерную красоту существования, которая может быть почувствована лишь в благоговении, когда ты внезапно захвачен существованием, ошеломлен, ты мо-

жешь танцевать, ты можешь праздновать это мгновение, ты можешь сказать: «Ага!», тебе больше нечего сказать, у тебя нет слов, лишь восклицательный знак!..

Знающий человек живет с вопросительным знаком, а человек благоговения и удивления живет с восклицательным знаком. Все так безгранично глубоко, что невозможно познать его. Знание невозможно. Испытав это переживание, вся твоя энергия совершает прыжок, квантовый скачок из головы в сердце, из знания в чувство. Когда больше нет возможности знания, твоя энергия больше не движется в этом направлении.

Осознав, что знание невозможно, что тайна останется тайной, что она не может быть разоблачена, твоя энергия начинает двигаться в новом направлении — в направлении сердца. Вот почему я говорю, что любовь связана с удивлением и благоговением, с детской невинностью. Когда ты не одержим знанием, ты становишься любящим. Знающие люди не бывают любящими, люди, живущие из головы, не бывают любящими; даже если они любят, они лишь думают, что любят. Из головы исходит и их любовь. Проходя через голову, любовь теряет всю свою красоту, она становится уродливой. Люди, живущие из головы, расчетливы; их орудие — арифметика.

Любовь это прыжок в опасно живое существование без всякого расчета. Голова говорит: «Подумай прежде чем прыгать», а сердце говорит: «Прыгай прежде чем думать». Их пути диаметрально противоположны.

Знающий человек становится менее и менее любящим. Он может говорить о любви, он может писать трактаты о любви, он может иметь научные степени за свои диссертации о любви, но он не знает о любви ничего. Он не пережил ее! Это предмет, который он изучал, это не роман, в котором он живет.

Ты спрашиваешь меня, Ананд Нур: «Возлюбленный Мастер, Ты так часто говоришь об удивлении и о любви...»

Да, я говорю об удивлении и любви вместе, потому что это две стороны одной монеты. И тебе придется научиться начинать с удивления, потому что общество уже сделало тебя знающим. Школа, колледж, университет — общество создало великий механизм, чтобы сделать тебя знающим. И чем более ты набит знанием, тем меньше и меньше течет энергии любви. Знанием создано столько преград, столько камней на пути любви, и в мире нет ни одного учреждения, которое помогало бы тебе быть любящим, где твоя любовь получала бы питание.

Именно таково мое представление о настоящем университете, именно это я хочу создать здесь. Конечно, он останется непризнанным ни правительством, ни другими университетами. И я могу это понять — если они признают его, это будет для меня неожиданностью. Их непризнание это в действительности признание — признание того, что это учреждение совершенно иного рода, в котором людей делают не знающими, а любящими.

Человечество веками жило в знании, и эта жизнь была очень уродливой. Д.Х. Лоренс однажды предположил, что если бы все университеты, колледжи и школы были закрыты на сто лет, это принесло бы человечеству огромную пользу.

Я полностью с ним согласен. Эти двое, Фридрих Ницше и Д.Х. Лоренс, очень красивы. К несчастью, они родились на западе; поэтому они не знали о Лао-цзы, о Чжуан-цзы, о Будде, о Боддхидхарме, о Ринзае, о Басе, о Кабире, о Мире. К несчастью, они знали лишь еврейскую и христианскую традиции. И они были очень возмущены еврейским и христианским подходом к жизни. Он очень поверхностен.

Фридрих Ницше обычно подписывался: «Антихрист Фридрих Ницше». Сначала он писал «Антихрист». В действительности он не был Анти-Христом — но, несомненно, анти-христианином, потому что в одно из своих самых здоровых мгновений он сказал, что первый и пос-

ледний христианин был распят — Иисус Христос был первым и последним христианином.

Но под его именем существует нечто абсолютно лживое, и в тот день, когда евреи отвергли Иисуса, они стали лживыми. С того уродливого дня они не жили правдиво. Как вы можете жить правдиво, если вы отвергаете собственные кульминации? То прекрасное явление, которое начал Моисей, достигло кульминации в Иисусе Христе, а евреи отвергли Иисуса Христа. В тот день они отвергли свое собственное цветение, свой собственный аромат. С того дня они не жили правильно.

А люди, которые следовали Иисусу, создали нечто, совершенно противоречащее Иисусу. Если он вернется, его стошнит, ему станет плохо, когда он увидит Ватикан, Папу и все то, что продолжается во имя Христа. У меня такое чувство... кто-то спросил меня: «Иисус обещал вернуться — вернется ли он?»

Я сказал ему: «Если он вернется, на этот раз тебе не придется его распинать — он сам покончит с собой! Просто посмотреть на христиан достаточно — достаточно, чтобы покончить с собой. Поэтому у меня такое чувство, что он не вернется. Одного раза достаточно, два раза будет уже слишком».

Но эти люди, Ницше и Лоуренс, были очень неправильно понимаемы на западе. И для этого непонимания также были причины; они были беспомощны, они брели наощупь во тьме. Несомненно, их направление было правильным; живи они на востоке, они стали бы буддами. У них был потенциал — великий потенциал, великое прозрение. Я во многом согласен с ними.

Д.Х. Лоуренс был категорически против вашего так называемого образования — это не образование, это недообразование. Настоящее образование может быть основано лишь на любви, не на знании. Настоящее образование не может быть утилитарным, не может быть от мира. Дело не в том, что настоящее образование не даст тебе знаний; сначала настоящее образование подготовит твою

сердце, твою любовь, и затем даст тебе все то знание, необходимое для того, чтобы пройти через жизнь, но оно будет вторичным. И оно никогда не будет диктаторским; оно никогда не будет более ценным, чем любовь.

Когда бы ни возник конфликт между любовью и знанием, настоящее образование поможет тебе быть готовым отбросить знание и двигаться со своей любовью; оно даст тебе смелость, оно даст тебе приключение. Оно даст тебе пространство, чтобы жить, рискуя и принимая все опасности; оно поможет тебе быть готовым пожертвовать собой, если этого требует любовь. Оно поставит любовь не только выше знания, но даже выше самой жизни, потому что жизнь бессмысленна без любви. Любовь без жизни все же имеет смысл; даже если умирает твоё тело, это не имеет значения для энергии твоей любви. Она продолжается, она вечна, это не временное явление.

Чтобы иметь любящее сердце, тебе нужна немного менее расчетливая голова. Чтобы быть способным любить, ты должен быть способен удивляться. Вот почему, Нур, я говорю, что благоговение и детская невинность глубоко связаны с энергией по имени любовь. Фактически, это разные имена для одного и того же.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Сегодня Ты говорил о том, чтобы не делать неправильно-го. Что правильно, а что неправильно?

Прем Мурти,

До сих пор правильное и неправильное было определяемо всеми религиями, как будто это жесткие понятия; делай это, не делай то, это грех, то добродетель. Это не правильный подход к реальности, потому что то, что правильно

сегодня, может быть неправильным завтра, а то, что было неправильно вчера, может быть правильным сегодня.

Жизнь это поток, это постоянное движение, это перемены. Ничто не меняется, кроме перемен. Поэтому я не могу дать тебе жестких идей о том, что правильно, а что неправильно. Я не могу причинить тебе такой вред. Это делали все старые религии; может быть, это было нужно, потому что человечество было в очень незрелом состоянии. Но сейчас человек достиг совершеннолетия. Маленьким детям нужно говорить: этого делать нельзя...

Учитель спросил маленького мальчика — это был его первый день в школе, — как его зовут.

— Нельзя Джонни, — ответил он.

Учитель был озадачен:

— Нельзя Джонни? Никогда не слышал такого имени.

— Меня так зовут, потому что, что бы я ни сделал, моя мама говорит: «Нельзя Джонни!» Должно быть, это мое имя.

Ему так часто говорили: «Нельзя, Джонни! Нельзя, Джонни!», что он решил, что его так зовут.

Но что касается детей, это простительно, потому что ты не можешь вдаваться в глубокие объяснения; ты не можешь объяснить им причин, мотивов. Тебе нужно дать им простые и ясные инструкции, иначе они не смогут им следовать.

В таком состоянии веками было и человечество, но сейчас все эти заповеди выглядят очень глупо. Однажды они были хороши, но они больше не уместны; это трупы, которые мы на себе несем. Они больше не работают, они никому не помогают — они только преграждают путь. Поэтому не спрашивай меня, Прем Мурти, что правильно, а что неправильно — это не однозначно. Вот все, что я могу тебе сказать, вот все, что я хочу, чтобы ты осознавал: любое действие, совершенное в осознанности, правильно, а любое действие в неосознанности неправильно. Насколько

это касается меня, моего подхода, моей философии жизни, действие не имеет значения; действие не имеет значения, имеет значение твое сознание. Действуешь ли ты сознательно или несознательно?

Настоящий вопрос в чем-то у тебя внутри, не в том, что ты делаешь, но в том, кто ты. Я переношу все ударение от объективного к субъективному, от внешнего к внутреннему. Если ты делаешь это сознательно, ты прав — и таким всегда был подход просветленных.

Великого мастера, Нагарджуну, спросил великий вор... Этот вор был известен по всему королевству и был так хитер, так разумен, что его никогда не могли поймать. Все его знали — несколько раз он крал даже из королевской сокровищницы, — но никто не мог его поймать. Он был очень обманчивым, он был виртуозным художником.

Он спросил Нагарджуну:

— Не можешь ли ты мне помочь? Не могу ли я избавиться от своего воровства? Не могу ли и я стать таким же молчаливым и блаженным, как ты? — Это случилось в определенном контексте.

Нагарджуна был величайшим алхимиком, которого только рождал восток. Он жил обнаженным, имея лишь чашу для подаяния, деревянную чашу, но ему поклонялись короли, ему поклонялись королевы. Он пришел в столицу, и королева коснулась его ног и сказала:

— Меня очень возмущает твоя деревянная чаша. Ты — мастер мастеров; среди твоих последователей сотни королей и королев. Я приготовила тебе золотую чашу, инкрустированную бриллиантами и изумрудами. Пожалуйста, не отвергай ее — это очень ранит меня, это очень обидит меня. Над ней три года работали великие художники, и теперь она готова.

Она боялась, что Нагарджуна скажет:

— Я не могу касаться золота, я отрекся от мира.

Но Нагарджуна не сказал ничего подобного. Он сказал:

— Хорошо! Оставь себе мою деревянную чашу, а мне дай золотую.

Даже королева была немного шокирована. Она думала, что Нагарджуна скажет, что не может ее принять. Она хотела, чтобы он ее принял, но все же глубоко в бессознательном была старая индийская традиция о том, что пробужденный должен жить в бедности, в неудобствах, как будто в неудобстве и бедности есть что-то духовное. В них нет ничего духовного.

Нагарджуна согласился. Он даже не взглянул на золотую чашу. Он ушел. Этот вор увидел, как Нагарджуна уходит из столицы, потому что он находился в разрушенном храме на берегу реки. Вор сказал:

— Я никогда не видел такой драгоценной вещи — столько бриллиантов, столько изумрудов, столько золота. В своей жизни я видел много красивых вещей, но никогда не видел ничего подобного. Как она попала к этому голому человеку, и как он собирает ее уберечь? Ее сможет у него отнять кто угодно, так почему бы этого не сделать мне?

Вор последовал за Нагарджуной. Нагарджуна услышал его шаги, он знал, что за ним кто-то идет. Он вошел в храм. Храм был полностью разрушен, не было ни крыши, ни дверей, осталось лишь несколько стен. Он вошел в комнату без крыши, без дверей, без окон.

Вор сказал:

— Как он будет охранять такую драгоценную вещь? Это лишь вопрос нескольких часов.

Он сел снаружи у окна, скрываясь за стеной.

Нагарджуна выбросил чашу в окно. Вор был очень озадачен. Чаша упала прямо у его ног. Он был озадачен:

— Что сделал этот человек?

Он не мог поверить своим глазам, так он был потрясен. Он встал — хотя он и был вором, он был виртуозным вором и имел чувство собственного достоинства. Он поблагодарил Нагарджуну. Он сказал:

— Господин, я должен выразить благодарность. Но ты — редкий человек, который выбрасывает в окно такую дра-

гоценность, как будто это ничто. Нельзя ли мне войти и коснуться твоих ног?

— Входи! — сказал Нагарджуна. — На самом деле я выбросил чашу, чтобы ты мог войти.

Вор не мог понять его слов; он вошел и посмотрел на Нагарджуну — его молчание, его мир, его блаженство, — он был ошеломлен. Он сказал:

— Я завидую тебе. Я никогда не встречал такого человека как ты. В сравнении с тобой, все остальные не люди. Какой ты цельный! Насколько ты за пределами мира! Возможно ли для меня однажды достичь такой цельности, такой индивидуальности, такого сострадания, такой неприязненности к вещам?

— Это возможно. Это потенциал каждого.

— Подожди, — сказал вор. — Позволь мне сказать еще одно. Я много раз бывал у разных святых, и все они знали меня и говорили: «Сначала ты должен перестать воровать, и тогда возможно все. Не перестав воровать, ты не можешь духовно расти». Поэтому, пожалуйста, не ставь такого условия, потому что это выше моих сил. Это невозможно. Я много раз пытался, и ничего не получалось. Это кажется моей природой — я должен продолжать воровать, поэтому не говори об этом. Я хочу сказать тебе сразу, чтобы не ставил этого условия.

— Это просто показывает, что ты никогда раньше не видел святого, — ответил Нагарджуна. — Должно быть, это были бывшие воры; иначе зачем им беспокоиться о том, что ты ворует? Продолжай воровать и делай это как можно более искусно. Хорошо быть мастером любого искусства.

Вор был еще более шокирован: «Что это за человек?» Он сказал:

— Что ты тогда предлагаешь? Что правильно, а что неправильно?

— Я не говорю, что что-то правильно, а что-то неправильно. Сделай одно: если ты хочешь воровать, воруй — но воруй сознательно. Пойди сегодня вечером, войди в дом

очень бдительно, открой двери, отопри замки, но очень сознательно. И тогда, если ты сможешь красть, кради, но оставайся сознательным. И приходи ко мне снова через семь дней.

Через семь дней вор вернулся, поклонился, коснулся ног Нагарджуны и сказал:

— Посвяти меня в саньясины.

— Почему? Что случилось с твоим воровством?

— Ты коварный парень! Я старался изо всех сил: если я сознательный, я не могу воровать; если я ворую, я несознательный. Когда я сознательный, все это кажется таким глупым, бессмысленным. Что я делаю? Зачем? Завтра я могу умереть. Зачем я продолжаю накапливать богатство? У меня есть больше, чем мне нужно; этого хватит даже на несколько поколений. Это кажется таким бессмысленным, что я тут же прекратил. Семь дней я входил в дома и уходил с пустыми руками. Быть сознательным так прекрасно. Я испытал этот вкус в первый раз в жизни, и это лишь небольшой проблеск — теперь я могу понять, как, должно быть, ты наслаждаешься, как ты празднуешь. Теперь я знаю, что ты настоящий король — ты ходишь голый, но ты настоящий король. Теперь я знаю, что у тебя есть настоящее золото, а мы играем с поддельным золотом.

Этот вор стал учеником Нагарджуны и достиг состояния будды.

Я не могу сказать, что правильно, а что неправильно. Я могу сказать лишь одно: будь сознательный — это правильно. Не будь несознательным, потому что это неправильно. И тогда, что бы ты ни делал сознательно, это правильно.

Но люди живут в несознательности. Позволь мне сказать: в несознательности ты можешь думать, что ты делаешь что-то правильное, но ты не можешь поступать правильно. В несознательности не может расцвести добродетель; что-то может казаться добродетельным, но это не так. Глубоко внутри это по-прежнему будет чем-то непра-

вильным. Если ты несознательный, и ты даешь бедному деньги, наблюдай: твое эго усиливается. Это грех.

Ты несознательный, и ты продолжаешь служить людям, больным людям; ты открываешь больницу или школу — но что бы ты ни делал, это даст тебе тонкое эго, благочестивое эго. Благочестивое эго означает благочестивый яд — но яд есть яд! И чистый благочестивый яд гораздо опаснее, потому что он ничем не загрязнен; это чистый яд. Поэтому обычные люди страдают от очень грубых, загрязненных эго.

Я слышал:

Мулла Насреддин решил покончить с собой.

Он пришел в аптеку, купил большое количество яда, выпил его и стал ждать, лежа в постели:

— Сейчас я умру, сейчас я умру.

Он открывал глаза и смотрел на часы: «Двенадцать... два... четыре... шесть... Дети собираются в школу, жена готовит завтрак — а я еще не умер? или я умер и превратился в привидение? В чем дело?» Он ущипнул себя и почувствовал боль; он сказал:

— Нет, я по-прежнему в теле.

Он прибежал к аптекарю и сказал:

— Что это за яд ты мне дал? Такого количества должно было быть достаточно, чтобы убить десять человек, а я выпил все и до сих пор жив.

— Что я могу сделать? — сказал аптекарь. — В Индии нельзя найти ничего чистого. Все так загрязнено, от молока до яда. Что я могу сделать?

Обычное эго загрязнено многими вещами. Но религиозное эго, эго святого, махатмы, мудреца, ничем не загрязнено — это чистый яд. Достаточно лишь капли.

Если ты делаешь какие-то вещи несознательно, они создадут в тебе еще большее эго. И лишь на поверхности они кажутся хорошими; они будут вредны для людей, которым ты делаешь добро. Никогда не будь добродеем, из-

бегай этого. Твои слуги общества, миссионеры, социальные реформаторы причиняют больше вреда, чем кто-либо другой.

Самая фундаментальная вещь: будь сознательным, и тогда действуй, и что бы ты ни делал, это будет правильным. Но люди несознательны.

— Нет, я не пойду с тобой в кино! — сказал Джеки. — Я знаю, что ты за птица! Как только мы сядем, ты начнешь расстегивать пуговицы на моей блузке одной рукой, а другой будешь лезть мне под юбку!

— Нет, не буду, — протестовал Патрик. — Люди, которые сидят сзади, могут увидеть, что я делаю.

— Да, это правда, — сказала Джеки. — Поэтому лучше прийти пораньше и попытаться сесть в последнем ряду.

То, что ты хочешь сделать, то, что ты говоришь, и то, что ты делаешь, это совершенно разные вещи. Ты можешь делать что-то такое, что никогда не хотел делать, и не делать того, чего всегда хотел. Ты живешь шизофренической жизнью, разделенный на сознательное и бессознательное. И все, что порождается этой шизофренией, будет неправильно.

Бифф относился к сильному, молчаливому типу. Он зашел в школьный кафетерий, заказал кофе и подмигнул официантке, красивой голубоглазой старшекласснице.

— Хочешь покататься?

— Конечно, я буду готова через несколько минут.

Они забрались в машину и выехали на хайвэй. Он свернул на небольшую дорогу, которая окончилась тупиком, остановил машину и выключил мотор. Повернувшись к ней, он произнес свои первые слова:

— А как насчет этого?

— Ладно, — сказала она. — Ты меня уговорил.

Просто понаблюдай, что ты делаешь, почему ты это делаешь, почему ты это говоришь. Просто наблюдай свои действия, свои мысли, и мало-помалу в тебе возникнет великое сознание. И тогда ты увидишь все игры, в которые ты играл с другими, и не только с другими, но и с собой.

Пациентка, историю болезни которой заполнял доктор, сказала, что она девственница. Поэтому, когда нужно было написать количество детей, врач автоматически написал: «Нет».

— Но доктор, — сказала она. — У меня есть девятилетняя дочь!

— Я думал, что вы сказали мне, что вы старая дева?

— Да, — ответила она. — Но я не упрямая старая дева.

Чем бы ни продолжало притворяться сознательное, бессознательное это настоящий источник твоих поступков, и пока бессознательное не исчезнет полностью из твоего существа, ты не можешь поступать правильно. Сознательна лишь одна десятая твоего существа, девять десятых несознательны. Бессознательное это целый континент под тонким слоем воды, которую ты называешь сознательным. Бессознательное продолжает мотивировать твои поступки. Сознательное лишь находит поводы, чтобы делать то, чего хочет бессознательное. Сознательное находится на службе у бессознательного; это неправильная ситуация. Пусть бессознательное будет на службе у сознательного, и тогда ты — саньясин.

В этом заключается вся саньяса: делать сознательное все более и более центром твоего существа, превращать все больше и больше фрагментов бессознательного в сознательное, приносить все больше и больше света во внутреннюю тьму.

Приходит день, когда ты полон света; все твое существо сознательно. Темноты нет ни в одном уголке — все познано и пережито насквозь. Ты хорошо знаком с собой,

полностью знаком с собой; тогда, что бы ты ни делал, Прем Мурти, это правильно. Правильное это цветение сознания, а неправильное это цветение бессознательного.

Четвертый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему индийцы не способны увидеть, что происходит здесь?*

Сандеш,
У них было долгое прошлое, очень долгое прошлое, более долгое, чем у любой другой страны, любой другой расы. И чем дольше прошлое, тем более ты предубежден. Американцы — самые непредубежденные люди в мире, потому что у них нет долгого прошлого, всего триста лет. Это ничто в сравнении с Индией.

Десять тысяч лет исторически вне сомнений, но Индия существовала и раньше. Фактически, те, кто глубоко исследовал это, говорят, что индийская культура существовала по меньшей мере девятью тысяч лет, или даже больше. Такое долгое прошлое делает страну очень старой, совершенно состарившейся. Ее ум становится устоявшимся и застойным, он не может принять ничего нового — с большим трудом.

То, что легко для американца, очень трудно для индийца. Индиец думает, что он уже знает; он так хорошо информирован, по крайней мере, обо всем, что касается духовного, что он не чувствует, что он должен ко мне прийти. Он никогда сюда не приходит, но продолжает выражать свои мнения обо мне. Это естественно для древней, старой, мертвой культуры. Индия прошла через очень репрессивное прошлое; оно не допускало свободы.

Целью индийской культуры никогда не была свобода, целью было послушание: послушание обществу, по-

слушание религии, послушание писаниям. И у Индии есть идея о том, что все, что красиво, уже случилось, золотой век уже произошел. Теперь человек не развивается, не прогрессирует — он деградирует. Об этом нужно кое-что понять.

Западная идея состоит в том, что человек становится все более и более высокоразвитым, происходит эволюция, происходит великий прогресс. Для запада золотой век находится в будущем.

Для востока, в особенности для Индии, золотой век уже кончился тысячи лет назад; мы приходим в упадок. Мы не движемся к вершине, мы движемся по направлению к долине. Нас будет окружать все больше тьмы, все больше смерти; человек будет становиться все более и более уродливым.

Поэтому, когда я говорю о новом человеке, запад может меня понять; индийский ум просто приходит в замешательство — о чем я говорю? «Новое человечество, золотой век в будущем? Он уже кончился, это история. В будущем мы не достигнем никакого золотого века; есть лишь смерть, человек обречен».

Индия приняла идею о том, что будущее это не более чем смерть, что в будущем нет надежды. А я приношу вам новую надежду. Я даю вам новое обещание, я провозглашаю новое человечество. Поэтому они к этому глухи: это настолько противоречит их обусловленности, они не могут перебросить мост через эту пропасть, и эта обусловленность очень, очень репрессивна.

Индия подавила все, что естественно; оно ушло в бессознательное и кипит изнутри. Я говорю о выражении, а Индия верит в подавление. Индия верит в подавление — подавление секса, любви, тела, всего, что естественно. А я верю в выражение, творчество. Я говорю на не-индийском языке.

Отсюда эта странность: я живу в Индии, но совсем не являюсь частью Индии. Это маленькое сообщество моих саньясинов это всемирное сообщество — это не индий-

ский ашрам, это всемирная коммуна. Эта маленькая коммуна представляет все человечество, не человечество прошлого, но человечество будущего.

Поэтому я обречен на непонимание, неправильные истолкования, осуждение и все возможные препятствия. В судах рассматривается двадцать пять дел против меня. Правительство продолжает всевозможные обвинения против меня — человека, который никогда не выходит из комнаты... Какое преступление я могу совершить? Двадцать пять судебных разбирательств против человека, который никогда не выходит из комнаты! Подумать только — если бы я ходил по улице, они бы изобрели тысячу обвинений.

Им это простительно по той простой причине, что они не могут понять; их умам кажется, что они делают что-то совершенно правильное. Они считают меня разрушительной силой, и в каком-то смысле они правы: я здесь для того, чтобы разрушить всю обусловленность, индийская ли она, немецкая или еврейская, христианская ли она, мусульманская или буддистская.

Моя работа здесь состоит в том, чтобы разрушать обусловленность и делать человека свободным от всей обусловленности. Это происходит каждый день — не только с индийцами, но и со всеми остальными.

Один новый саньясин, Джакоб, написал мне письмо. Он еврей и очень обижается на еврейские анекдоты. Ты не понимаешь даже юмора, ты становишься серьезным даже в этом, что же говорить о серьезных материях? Он стал саньясином, но глубоко внутри по-прежнему сидит еврей, готовый обидеться. Я собираюсь обижать *всех*.

Я обижаю немцев, как только могу, я обижаю евреев, я обижаю индийцев, я обижаю мусульман... Я обижаю всех, потому что в этом вся моя работа — очистить вас от всего дерьма, которое вы так долго с собой носили. И это больно, потому что вы думаете, что несете что-то ценное.

Индийский ум — самый сексуальный в мире, самый сексуальный, потому что самый подавленный. Инди-

ец продолжает видеть вещи, которых нет; он проецирует, изобретает и изо всех старается что-нибудь найти.

Женщина позвонила менеджеру гостиницы.

— Я звоню из комнаты 5110, — закричала она раздраженно, — И я хочу, чтобы вы знали, что в доме через дорогу по комнате ходит мужчина в чем мать родила, и его шторы подняты.

— Я немедленно пошлю детектива, мадам, — сказал менеджер.

Детектив вошел в ее комнату, выглянул из окна и сказал:

— Вы правы, Мадам, на этом мужчине действительно нет одежды, но все же его окно закрывает его ниже пояса, в каком бы месте комнаты он ни находился.

— Неужели? — взвизгнула женщина. — Встаньте на кровать! Встаньте на кровать!

Должно быть, эта женщина была индианкой. Но индийцы есть повсюду: не только в Индии, они не ограничены Индией, помни. Он встречаются в Англии, они встречаются в Италии, они встречаются в Испании, они встречаются везде. Индийский ум представляет подавляющий ум.

Женщина заказала коллект-звонок.

— Не повторите ли вы еще раз, как вас зовут?

— Да, Элис. Э-л-и-с. Э как в «эротике», Л как в «любви», И как в «инцесте», С как в «совокуплении»...

Что сказать об этой женщине? Должно быть, она носит в себе чудовище.

Такая же ситуация в Индии: каждый так подавлен, в душе столько гноя, что когда они слышат или читают обо мне, они чувствуют обиду. Это болезненно, потому что они носят в себе раны. Хирургическое вмешательство всегда болезненно: хирург должен выжать гной из ваших ран, лишь тогда они могут исцелиться. Я — хирург, и сострадание не позволяет мне оставить вас такими, как вы

есть. Чего бы это мне ни стоило, чем бы ни пришлось рискнуть, я намерен показать вам ваши раны — потому что как только вы узнаете свои раны, как только ваши раны раскрыты, тотчас же они начинают исцеляться. Индия носит великие раны: сегодня она не только физически бедна, но и духовно. И когда я это говорю, это ранит сильнее всего, потому что это единственный приют для индийского эго: «Мы духовный народ». Мой собственный опыт таков, что в Индии не осталось никакой духовности.

Да, иногда будда случается в Индии — и это правда, в Индии случилось больше всего будд, — но индийские массы, толпа, не духовны, совершенно не духовны. Фактически, из-за этого явления будд индийские массы стали лицемерными. Они слышали великие учения — они не могут следовать этим учениям, потому что для того, чтобы им следовать, нужно совершить великое усилие. Они не могут следовать, но могут притвориться; это дешево и легко. Так индийцы стали лживыми.

Ларсон повез Шарлотту кататься по сельской местности и припарковал машину в безлюдном месте.

— Если ты попытаешься ко мне приставать, — сказала Шарлотта, — я закричу!

— Как это поможет? — спросил Ларсон. — Все равно вокруг никого нет!

— Я знаю, — сказал Шарлотта. — Но я хочу успокоить совесть прежде чем хорошо провести время.

Индийцы также хотят хорошо провести время, но сначала они хотят успокоить совесть, и поэтому они кричат на меня. Но мало-помалу чувствительные, разумные индийцы подходят ко мне близко. На это требуется время, но самые чувствительные люди обязательно станут частью моей коммуны.

Индийцы страдают комплексом неполноценности, потому что они были в рабстве тысячу лет.

Рабиндраната никогда не восхваляли в Индии — его осуждали, критиковали, как только возможно, потому что он был жизнеутверждающим человеком. Он даже имел смелость по-своему критиковать Будду. Он был против всей негативной традиции Индии.

В одном из своих стихотворений он говорит:

Через двенадцать лет Будда снова возвращается домой — став просветленным. У него тысячи последователей; естественно, он вспоминает свою жену, своего ребенка, своего старого отца и хочет им помочь. Он хочет поделиться тем, что он достиг и приходит обратно во дворец. Яшодхара, его жена, которую он бросил двенадцать лет назад, естественна, очень зла.

Двенадцать лет она копила гнев, но индийская жена, даже если она злится, не может показывать свой гнев перед своим мужем, по крайней мере, не могла в те дни. Но очень изощренным способом... она задает Будде один вопрос. Это не исторический факт, это стихотворение Рабиндраната Тагора, его собственное изобретение, но оно показывает его отношение и подход.

Яшодхара спрашивает Будду:

— Я должна задать тебе лишь один вопрос: я ждала этого момента двенадцать лет. Ты стал просветленным: возможно ли было стать просветленным, живя в миру, со мной? Я хочу задать тебе лишь один вопрос: было ли абсолютно необходимо бежать от мира, не было ли это возможно здесь, в этом доме? Неужели у меня больше власти над тобой, чем у твоего сознания? Было ли искушение сильнее, чем жажда истины?

И Рабиндранат говорит, что Будда склоняет голову и стоит молча, не говоря ни слова. Но это говорит все — Будда знает, что это могло произойти и в этом доме. Не было необходимости бросать жену и ребенка, старого отца, семью и родственников; не было необходимости. Теперь он знает! Теперь он знает, что просветление не имеет ничего общего с горами и лесами; оно может случиться где угодно.

В другом стихотворении Рабиндранат говорит:

— Я не хочу *не* рождаться снова. Я молю Бога: Дай мне этот мир снова, снова и снова! Он так красив, это такой дар — я благодарен!

Но это очень анти-индийский подход, весь поиск Индии устремлен на то, как избавиться от жизни; он был жизнеотрицающим. Рабиндранат очень жизнеутверждающий; он любит жизнь и любит ее безмерно. Его много осуждали.

Но когда он получил Нобелевскую Премию, вся страна стала его хвалить. Но он отказался ходить на собрания и встречи, организованные в его честь. Он сказал:

— Они не в мою честь, они в честь Нобелевской Премии. Вы можете взять удостоверение, медаль и гирлянду и делать с ними, что хотите — я не приду!

Он получил Нобелевскую Премию за книгу «Гитанджали» — песни в подарок, — которую он написал двадцать лет назад. В Индии никто не хвалил ее, потому что она была очень жизнеутверждающей, но как только «Гитанджали» присудили Нобелевскую Премию, она стала величайшим произведением Индии. Те же самые люди стали ее хвалить.

Индия страдает огромным комплексом неполноценности; тысячу лет она была в рабстве. Поэтому не волнуйся, я знаю, как все будет.

Сначала ко мне обязательно придут наиболее разумные, чувствительные, бдительные западные люди. Когда их здесь будет становиться все больше и больше, когда соберутся тысячи, прибегут индийцы — и все из-за исторической случайности тысячу лет назад.

Что бы ни делал запад, Индия тут же начинает подзревать, что это должно быть правильным. Сначала она реагирует: «Как это может быть правильным?», потому что это противоречит традиции. Затем мало-помалу ей приходится идти на компромисс. Поэтому я совершенно не беспокоюсь об этом. Пусть искатели из всех уголков Земли соберутся здесь, и ты увидишь, что и Индия подходит ко мне все ближе и ближе.

Но они всегда и во всем опаздывают. Они опаздывали на поезд пять тысяч лет — это стало привычкой. Они не могут быть первооткрывателями, они не умеют. Они могут быть только последователями.

А эта работа очень новаторская, здесь испытывается нечто совершенно новое. Индия *прислушается* к этому, по крайней мере, я на это надеюсь. Но тебе не нужно об этом беспокоиться.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Несколько лет я практиковал стойку на голове. Иногда хорошо увидеть мир вверх ногами! Однако сейчас один свами из Группы Центрирования сказал мне, что Ты говоришь, что стоять на голове нехорошо. Я не понимаю, почему. Что плохого в стойке на голове? Пожалуйста, объясни мне это.*

*Ананд Вибху,
В стойке на голове нет ничего плохого — ты просто станешь глупее и респектабельнее, неразумнее и святее. В этом есть преимущества и недостатки. Если ты хочешь быть разумным, пожалуйста, стой на ногах. Если бы божественное хотело, чтобы человек стоял на голове, оно создало бы тебя по-другому.*

В детстве я тоже это пробовал, но я выглядел так глупо стоя на голове — и, к тому же, я заснул и из-за этого упал, и у меня две недели болела шея, — поэтому я пришел к выводу, что это не то, чего от меня хочет божественное.

Но, Вибху, если ты делал это достаточно долго, теперь ты больше не можешь навредить себе сильнее. И иногда это может пригодиться кстати.

Я слышал:

Зигмунд Фрейд умер и попал в ад — куда же еще? Когда он прибыл на место, его приветствовал дьявол — естественно. — Добро пожаловать, — сказал Дьявол. — У тебя есть три возможности, где тебе провести вечность. Иди за мной!

В первой комнате было много людей, которые вносили на крутую гору тяжелые камни и смотрели, как они снова скатываются вниз — и они снова начинали все сначала.

Тогда Фрейду показали вторую комнату. В ней было много пишущих машинок. Тысячи людей били по клавишам как сумасшедшие, а за спиной каждого стоял помощник Дьявола. Когда человек делал ошибку, его били по спине.

У Фрейда появились крайней дурные предчувствия.

Последняя комната была наполнена дерьмом, доходящими людям до шеи. Каждый пил кофе из чашки, которую держал в руках, как раз на уровне дерьма.

— Ну как, — сказал Дьявол, — Что ты выбираешь?

Фрейд на мгновение задумался и решил, что в третьей комнате, по крайней мере, нет физической работы; к тому же он любил кофе.

— Я выбираю третью комнату.

Он вошел в дерьмо и стал ждать, пока ему принесут его чашку. Не успел он услышать лязг железной двери, хлопнувшей за ним, как помощник закричал:

— Всем внимание! Перерыв на кофе окончен! Всем вернуться к стойке на голове!

На сегодня достаточно.

Глава 7
Шы — Источник

*Тебе принадлежит заблуждение.
Тебе принадлежит отчаяние.
Но и добродетель.
Но и чистота.*

*Ты — источник
Всего чистого и нечистого.*

Никто не очищает другого.

*Никогда не пренебрегай своей работой
Ради работы другого,
Как бы ни была велика его нужда.*

*Твоя работа в том, чтобы открыть свою работу
И тогда со всем сердцем
Отдать ей себя.*

Человек может быть либо в аду, либо на небесах — это его выбор. Ад и небеса не относятся к географии; эти места не снаружи, а у тебя внутри — и обе возможности существуют в каждой индивидуальности. Человек похож на лестницу: можешь идти вверх, можешь идти вниз; лестница остается одной и той же. Лишь измени направление, и ты начнешь двигаться вверх. Одна и та же энергия становится адом или небесами. Нужно только глубокое понимание твоих энергий, твоих возможностей, твоего потенциала.

Небеса или рай не происходят, когда ты умираешь: это возможности прямо сейчас. В это самое мгновение человек может быть в аду или в небесах — и ты можешь быть в аду, а твой сосед в небесах. В одно мгновение ты будешь в аду, в другое мгновение ты будешь в небесах. Просто пристально наблюдай: климат вокруг тебя постоянно меняется. Иногда очень пасмурно, и все выглядит темным и мрачным, а иногда так солнечно, так красиво, так радостно.

Но ошибку, величайшую ошибку, которую только может совершить человек, он делает, когда думает, что этот климат создается внешними причинами. Он не создается внешними силами; это твое внутреннее решение, внутренняя воля. Это твой выбор. Это происходит снаружи, но возникает в глубочайшем ядре твоего существа. Чтобы увидеть это, нужна очень бдительная наблюдательность. Как только ты это увидел, тебе совершенно не нужно жить в аду. Почему ты должен выбирать ад, если ты понял, что это твой выбор?

Но веками человек пытался находить поводы, рационализации, псевдо-причины снаружи по определенной причине: очень неприятно чувствовать, что ты создаешь себе все это страдание. Во-первых, есть страдание, во-вторых, идея: «Я создал все это страдание», которая ранит еще сильнее, чем само страдание. Человек постоянно находил тысячу и один способ избежать этой боли, избежать этой раны, избежать этой ответственности.

В прошлом мы создали идею о боге: он располагает, все заранее известно, предопределено, и судьба родившегося ребенка абсолютно определена. Бог определяет, кем он станет; он не свободен, у него нет свободы. Если нет свободы, не может быть и ответственности; если есть свобода, есть и ответственность. Они идут рядом, они неразделимы. Человек был готов добиваться свободы, но очень боялся принять эту ответственность. Даже ценой потери свободы он хотел быть абсолютно освобожденным от ответственности. По крайней мере, он мог сказать: «Я страдаю не по своей воле. Что я могу сделать? Я беспомощен! Так задумал бог». Или судьба, *кismet*...

Религиям, которые не верят ни в бога, ни в судьбу, приходилось находить другие объяснения, но суть была та же. Они нашли теорию реинкарнации, теорию кармы: твои прошлые жизни определяют эту жизнь. Снова ты беспомощен! С прошлыми жизнями теперь уже ничего не сделаешь; нет возможности их изменить. Ты не можешь переделать их; поэтому человек должен просто принять то, что есть. Если ты страдаешь, ты страдаешь — прими это. Именно из-за этого принятия восток остался бедным, голодным, больным. Если ты принимаешь, что все происходит из-за прошлых карм, тогда это должно случиться; нет способа этого избежать. Это породило невероятно глупые идеи, хотя они и кажутся логичными, если принять исходное положение.

В Индии есть джайнская секта, Терапантх; ее возглавляет Ачарья Тулси. Эта джайнская секта говорит: если кто-то упал в колодец, не помогай ему выбраться. Удивительно — как можно такое говорить? Ты стоишь рядом, человек кричит и зовет на помощь, а эта секта говорит:

— Не помогай ему, потому что он страдает от своей прошлой кармы. Не вмешивайся. Если ты вмешаешься и вытащишь его, ему придется упасть снова, поэтому ты на самом деле не поможешь ему; напротив, ты отсрочишь процесс, который иначе был бы окончен сейчас, между тем как вмешиваясь в его жизнь и его карму, ты создаешь оп-

ределенную карму и для себя, потому что вмешаться в чью-то жизнь, побеспокоить его процесс, его рост — это грех.

Поэтому последователи этой секты никогда никому ни в чем не помогают. Помогать грешно, служить грешно. Это выглядит очень абсурдным, но если ты принимаешь их исходное предположение, это не абсурдно. С таким исходным положением это кажется логичным заключением.

Возникли абсурдные философии, и лишь по одной причине: как избежать ответственности? Переложить ее на плечи кого-то другого! Это может быть бог, судьба, теория кармы, или, если ты не религиозен, если ты материалист, тогда ты можешь переложить ответственность на историю, как это сделал Гегель — во всем виновата история. Это снова та же самая игра — меняется лишь название, меняется лишь ярлык. Прошлого больше нет, теперь оно называется историей — решающее значение имеет не индивидуальная карма, но карма общества; индивидуальность беспомощна. Фактически, согласно Гегелю индивидуальность это вымысел; существует лишь общество, и история является его определяющим фактором.

Прошли миллионы и миллионы лет! Как ты можешь с этим бороться? Что ты можешь с этим сделать? Ты совершенно беспомощен! Вот все, что можно сделать: прими это, будь его частью. Что бы то ни было — страдание или блаженство, — ты за это не отвечаешь. Как ты можешь отвечать за всю историю — с самого начала, если вообще было какое-либо начало?

Карл Маркс говорит, что виновата не история, а экономическая структура общества. Зигмунд Фрейд говорит, что это не экономическая структура общества, а бессознательная структура твоей психики — бессознательное! Ты ничего не можешь с этим сделать, это за пределами твоих сил. Ты сознатель, а это — бессознательное; между ними нет моста. Ты совершенно ничего не осознаешь. Враг продолжает действовать из таких темных углов у тебя внутри, в которые нельзя принести никакого света. Самое

большее, мы можем анализировать, понимать ситуацию и подстраиваться под нее.

Все эти философии, психологии, социологии это изобретение человека, позволяющее ему избежать единственного явления: явления ответственности.

Действительно религиозный человек рождается в то мгновение, когда ты принимаешь ответственность за себя, в то мгновение, когда ты говоришь:

— Что бы ни было со мной, это мой выбор — не прошлый, но настоящий. Это мой выбор в это мгновение, и если я хочу это изменить, я абсолютно свободен это изменить. Никто не может мне помешать — ни социальные силы, ни государство, ни история, ни экономика, ни бессознательное, — ничто не может мне помешать. Если я намерен это изменить, я могу это изменить.

Да, поначалу ответственность выглядит как тяжелая, тяжелая ноша; легче переложить ответственность на кого-то другого. По крайней мере, ты можешь наслаждаться тем, что ты ни за что не отвечаешь. Ты можешь наслаждаться тем, что ты всего лишь беспомощная жертва. Поначалу тяжело принять на себя ответственность — тотально, безусловно. Это создает отчаяние, тоску, тревогу, но лишь поначалу. Как только она принята, мало-помалу ты начинаешь осознавать великий потенциал и великую свободу, которую она приносит.

Если я отвечаю за свое страдание, это также автоматически означает, что я отвечаю и за свое блаженство. Если я отвечаю за свое страдание, я могу тотчас же прекратить его. Позвольте мне повторить: «тотчас же» — не придется ждать ни мгновения. Вопрос не в том, чтобы изменить свои прошлые жизни, вопрос не в том, чтобы изменить все общество, вопрос не в том, чтобы установить диктатуру пролетариата, вопрос не в том, чтобы год за годом проходить психоанализ. Вопрос просто в том, чтобы принять эту ответственность: «Кто бы я ни был, я создаю свой климат, свое существо».

Человек рождается лишь как потенциальная возможность. Он может стать колочкой для себя и для других, он может стать цветком для себя и для других. И помни, кем бы ты ни был для других, ты то же самое и для себя, и кем бы ты ни был для себя, ты то же самое и для других. Если ты цветок для себя, твой аромат обязательно распространится; он достигнет других. Если ты для себя колочка, как ты можешь быть цветком для других?

Это величайший вклад, который Будда внес в мир: он делает индивидуальность абсолютно, категорически, непререкаемо ответственной. Очень храбрые люди приняли это, очень редкие люди приняли это. Трусы всегда хотят убежать от ответственности.

Люди, последовавшие за Буддой, стали учениками и преданными. Люди, для которых Будда стал мастером, были редкими людьми: действительно храбрыми, готовыми рискнуть всем, готовыми принять боль рождения заново... потому что это рождение заново! Отбросить все эти философии, которые делают кого-то другого, АБВ, ответственным за твое существование — значит родиться заново. Принять всю ответственность за свое существование, кем бы ты ни был — хорошим, плохим, грешником, святым, — значит совершить квантовый скачок. Но вскоре ответственность превращается в свободу. С ней приходит такое великое освобождение!

Люди такого же типа снова собираются вокруг меня. Я не для трусов. Трусы могут найти в мире много мест и людей, которые им помогут — помогут остаться трусами навсегда. Я существую лишь для храбрецов, для авантюристов: для людей, готовых рискнуть и рискнуть всем, для людей, готовых вовлечься, посвятить этому себя, для людей, готовых поставить на карту все ради освобождения, ради трансформации, ради достижения высшей истины.

Эти сегодняшние сутры — очень насыщенные короткие высказывания. Именно это в точности означает сутра. Сутра означает существенное утверждение, без рассуждения, без объяснения, без украшений — лишь простая

обнаженная суть. Это было необходимым в те дни, потому что люди должны были помнить эти сутры. Они должны были быть сжатыми, как телеграмма, чтобы люди могли помнить их веками, потому что они переходят от одного поколения к другому как память людей. Книг не существовало, книгопечатание еще не возникло. Люди должны были помнить; средством для этого была сутра. Сутра значит максима, само существенное ядро, но если ты ее помнишь, ты всегда можешь ее расшифровать.

И именно это я делаю здесь: расшифровываю для вас эти сутры.

У одного человека было три дочери. Однажды у него в гостях был друг, и он спросил, как зовут его дочерей. Отец ответил, что старшую зовут ГКЧП, среднюю РВС, а младшую ЦК КПСС.

— Что это значит? — спросил друг.

— Старшая родилась вскоре после того, как мы пошли Гулять К Чистым Прудам, средняя — в Результате Взаимного Соглашения, а младшая — Целиком Как Конечный Продукт Случайного Совпадения¹.

Просто наблюдай свою жизнь — более или менее все происходит целиком как конечный продукт случайного совпадения — ЦК КПСС! Кем бы ты ни был, ты случаен, как бревно, плывущее по реке. Ты не выбрал быть тем, кто ты есть; ты не принял сознательного решения, это не было твоей волей. Ты просто был предоставлен на милость вет-

¹ A man had three daughters. One day a friend came to see him and during the conversation asked what the daughters' names were.

The father said that the eldest was called S.C., the middle one, M.C., and the youngest, D.C.

"What does all that mean?" the friend asked.

The father replied, "The eldest, S.C., was born out of 'sheer curiosity'; the middle one, M.C., by 'mutual consent'; and the youngest, D.C., by 'damn carelessness'."

ров. Просто посмотри на всю свою жизнь, на то, как с тобой все происходило. Просто несчастный случай!

Тебе встречается женщина, и ты влюбляешься, потому что у нее красивый нос. Теперь этот нос определяет всю твою жизнь! Или она была блондинкой, или у нее была хорошая фигура. Просто наблюдай, что определяет твоё поведение, твоё будущее! Цвет ее волос, или ее походка, или то, как она поет, или цвет ее глаз — не это ли определяет твою любовь? — потому что любовь изменит всю твою жизнь! Вот как все происходит.

Многое изменилось с изобретением автомобиля, потому что расширилось поле несчастных случаев. До этого люди вынуждены были влюбляться в кого-то по соседству; теперь их диапазон шире. Теперь у молодых людей есть собственные машины: за считанные часы они могут перемещаться на сотни миль. В прошлом люди обычно влюблялись в своих соседей — живущих в том же доме или через дорогу. Машины изменили весь образец человеческих жизней, любовных историй!

Что же это за человечество, которое управляемо такими поверхностными вещами? Но это именно так, и лучше видеть это так, как есть.

Люди стали более разумными — если не более разумными, то по крайней мере, более интеллектуальными, более образованными, более культурными, более искушенными, — но в своей основе их образ жизни все еще остается прежним: бессознательным, случайным. Люди не живут из своей сути, они просто зависят от случайных обстоятельств. И не только маленькие люди, но и те, кого ты считаешь гениями — и они ведут себя очень глупо.

Физик двадцатого века, Нильс Бор, внес в науку огромный вклад своим детальным описанием структуры и функций атомов и фундаментальным трудом по теории квантовой механики.

Однажды его навещил в родной Дании американский коллега. Американец обнаружил над столом амулет, прино-

сящий удачу и перевернутую подкову, висящую над дверью.

— Конечно же, вы не верите в то, что подкова принесет вам удачу, не правда ли, Профессор Бор? — спросил потрясенный гость. — В конце концов, мы с вами крупные ученые!

— Я ни капли не верю в такие вещи, мой друг. Для меня невозможно верить в такие дурацкие выдумки, — заверил его скандинавский коллега. — Как бы то ни было, мне сказали, что подкова приносит удачу независимо от того, верю я в нее или нет.

Такой человек как Нильс Бор, один из гениев двадцатого столетия, все же ведет себя как прежде, так же бессознательно, как всегда вели себя обыкновенные люди! Кажется, образование ни на что не влияет, наука ни на что не влияет, цивилизация ни на что не влияет. Человек продолжает жить и повторяет старые образцы.

А это величайший и старейший из образцов: не принимать ответственность на себя. Избегать ответственности значит избегать рождения своей души. Ты всегда можешь найти поводы, чтобы избежать этого рождения... потому что каждое рождение болезненно, и чем значительнее рождение, тем сильнее боль.

Люди увиливают от ответственности, уклоняются от ответственности. Когда им приходится отвечать спонтанно, они в растерянности. Они ищут правильную реакцию в своих воспоминаниях, в прошлом. и помни: реакция это не ответ. Реакция означает, что ты повторяешь старый образец. Ты не осознаешь настоящей ситуации, ты не отвечаешь на нее. Ты отвечаешь на какую-то другую ситуацию, которой больше нет.

Жизнь постоянно меняется, а твои образцы становятся застывшими, потому что ум это машина. Ум не может изменить сам себя. Пока ты не становишься очень сознательным и не начнешь использовать ум сознательно, ум продолжает давать тебе заготовленные формулы. Они мо-

гут быть эффективны в определенных ситуациях, но они не уместны всегда — потому что жизнь никогда не остается прежней даже в два следующих друг за другом мгновения.

Ответственный человек это тот, кто бдителен, наблюдателен и никогда не действует из прошлого, но действует из своей осознанности в настоящем. Иначе ты будешь всегда отставать от жизни. Именно так живут люди — всегда отставая от жизни. Они продолжают давать ответы на вопросы, которых никто не задает. Они делают вещи, которые являются чистой тратой времени и энергии — потому что ситуация этого не требует.

Сейчас человек получил большие научные возможности, но психологически он еще не зрел. А технология и все эти силы в руках незрелых людей очень опасны. Хиросима и Нагасаки будут повторяться снова и снова. Это все равно что позволить ребенку играть с обнаженным мечом: либо он поранит себя, либо кого-то другого. Это обязательно случится; вред практически неизбежен.

И это произошло с современным миром. У нас есть великие научные технологии, которые могли бы изменить все лицо Земли, а в конце концов — все лицо вселенной, но психологически мы незрелы. Психологически мы отстаем на сотни лет — между нашей наукой и нашими умами промежуток в сотни лет!

Обдумай снова реакцию Нильса Бора. Он говорит:

— Мне сказали, что она приносит удачу независимо от того, веришь ты в нее или нет.

Он живет суеверной жизнью!

Да, это нормально для первобытного человека, но не для Нильса Бора, одного из самых искушенных умов, который многое внес в современное знание, который относится к той же категории, что и Альберт Эйнштейн, Эддингтон, Эдисон и другие... человек великого интеллекта, действующий как маленький ребенок, как дикарь, так инфантильно!

Позволь мне снова напомнить: между детским и инфантильным поведением есть такая же разница, что и

между реакцией и ответом. Не будь инфантильным. Да, детская невинность прекрасна, но инфантильные суеверия уродливы.

И наблюдай, какие оправдания ты продолжаешь находить в своей жизни, потому что, если ты продолжаешь находить оправдания для того, как ты живешь, ты останешься таким же, какой ты сейчас. Ничто никогда не изменится, потому что никто другой не может сделать этого для тебя.

Уличная красотка пыталась очаровать мужчину на Парк Авеню.

— Я этого не буду делать по трем причинам, — ответил он. — Я обещал своей жене, я обещал своей матери, что не буду заниматься глупостями с незнакомыми женщинами.

— А третья причина? — спросила проститутка.

— Я только что это сделал!

Только посмотри на свои иррациональные оправдания — это так глупо, если ты немного более наблюдателен; иначе это кажется обычным.

Будда говорит:

Тебе принадлежит заблуждение.

Первое, на что нужно обратить внимание: Будда не называет это грехом, он называет это заблуждением — ошибкой, промахом, но не грехом. Фактически, в видении Будды нет такой вещи как грех. Назвать что-либо грехом значит осудить это, и осудить не только действие, но и человека. Слово «грех» очень тяжеловесно. Будда использует слово «заблуждение» — и это огромная перемена. Если ты назовешь это грехом, тогда ты должен будешь быть за это наказан. Тогда ты — грешник, тогда тебе предстоит страдать когда-то в будущем.

Будущее создается священниками по определенной причине. В жизни мы видим, что многие грешники процве-

тают: они знамениты, они богаты, у них есть власть. Фактически, чтобы быть президентом или премьер-министром страны, ты должен быть очень безнравственным. Ты должен совершить все возможные безнравственные вещи, лишь тогда ты можешь достичь высшего поста. Достичь его нелегко: тебе придется соревноваться, правильными или неправильными средствами.

В политике нет ничего правильного или неправильного: правильно все, что приносит результаты. Используй все возможные лестницы, чтобы добраться до высшего поста, и когда ты достигнешь, никто не будет помнить, что ты делал на пути к нему. Как только у тебя появится власть, люди просто забудут, что ты с ними делал. И мало того — ты можешь переписать всю историю! Это сделал Иосиф Сталин, это сделал Адольф Гитлер.

Иосиф Сталин переписал заново всю историю Русской Революции: все те, против кого он был, были из нее выброшены. Троцкий, который был гораздо более значительной фигурой в революции, чем Сталин, был полностью выброшен; он был даже удален с фотографий. Сталин оставался у власти долгое время: он изменил всю историю, он создал новую историю — вымышленную!

Как только он умер, Хрущев сделал то же самое с ним — он снова изменил историю. Даже тело Сталина, которое сохранялось рядом с телом Ленина, было удалено из этого места, потому что его тело лежало рядом с телом Ленина. Он изменил лишь фотографии и слова! Хрущев убрал тело Сталина. Люди плевали на его мертвое тело. Оно было перенесено в дальний угол, туда, куда никто никогда не заходил.

Я слышал, что кто-то предложил отправить его в Израиль. Хрущев ответил:

— Я боюсь, потому что я слышал, что однажды человек там воскрес через три дня. Я могу послать это тело куда угодно, но только не в Израиль. Кто знает — а если он вернется?.. Только представить себе...

Потому что тридцать лет Хрущев вилял хвостом перед Сталиным. Тридцать лет он был точно как собака, даже хуже! После смерти Сталина, когда он пришел к власти, он отомстил.

На конференции кто-то крикнул из заднего ряда:

— Если вы до такой степени против Сталина, почему вы не сказали этого, когда он был жив? Тридцать лет вы были с ним — и не записано ни единого случая, когда бы вы с ним спорили, или ему возражали, или даже что-то обсуждали. Вы всегда поддакивали. Как вы объясните то, что вы тридцать лет были помощником Сталина? Если он был неправ, тогда неправы и вы! Хрущев немного помолчал и ответил:

— Пожалуйста встаньте и скажите, кто вы!

Никто не встал, и он продолжал:

— Теперь вы понимаете? Это мой ответ! Вы не можете встать передо мной и назвать свое имя; так было и в то время. Я могу вас убить — он мог убить меня!

И то же самое сделали с Хрущевым.

Именно так это происходит. В силовой политике ты не думаешь о правильных и неправильных средствах. В политике нет ничего правильного и неправильного; то, что приносит успех, правильно, то, что приносит поражение, неправильно. И так же в миру. Если ты добиваешься успеха в накапливании денег, ты прав.

Священники обратили внимание на эту проблему. Вот в чем проблема: грешники преуспевают в жизни — как это объяснить? Если грешники должны быть наказаны, что это за наказание? Фактически, кажется, что наказываются святые, а награждаются грешники. Как это объяснить? Будущая жизнь была единственным способом избежать этой проблемы.

Священники изобрели идею об аде и небесах после смерти. В этой жизни грешник может преуспевать, но в следующей ему предстоит страдать, после смерти ему предстоит страдать. А любой святой может страдать в этой

жизни, но после смерти он будет награжден: его возьмут в рай. Никто ничего не знает о следующей жизни: есть ли она или нет? Никто никогда оттуда не возвращался; никто никогда не рассказывал о том, что это такое и что там происходит. Но это было хорошим средством; оно помогало священникам утешать людей.

Будда никогда не использовал слова «грех», потому что оно осудительно. Его уважение к человечеству так глупо! Никакой другой мастер не проявил такого уважения к человечеству, как Будда. Оказывать уважение человечеству трудно, очень трудно, потому что человечество ведет себя так глупо. Только просветленный мастер может оказывать уважение человечеству вопреки тому, что человечество продолжает делать.

Будда использует слово «зablуждение»; он не осуждает тебя. Он просто говорит, что ты выбрал неправильную дорогу. Он говорит: *Тебе принадлежит заблуждение*. Оно не предопределено богом, судьбой, кем-то другим — он принадлежит тебе. И отчаяние, которое следует за заблуждением — или, точнее, отчаяние, которое случается одновременно с заблуждением, — также принадлежит тебе. Нет бога, чтобы тебя наказывать, его и не нужно, потому что если есть бог, — снова изобретение священников, — если есть бог в качестве судьи... судей можно подкупить.

И священники говорили людям:

— Молитесь богу, славьте господу, и вы будете прощены.

Что такое это прославление? Это вид взятки!

Поэтому в такой стране как Индия, где люди веками славил бога, очень распространено взятничество. Никто не считает это неправильным — это нечто религиозное! Если можно подкупить даже бога, что сказать о бедном полицейском? И если бог не неправ, почему должен быть неправ мэр?

На востоке взятничество не считается неправильным в отличие от западной концепции. На востоке это очень просто, это делалось всегда. Священник это не кто

другой как агент между тобой и богом: он берет у тебя взятку и договаривается с богом от твоего имени. Конечно в таких вещах как взятки нужны были агенты, потому что ты побоишься дать взятку прямо. Может быть, человеку это не понравится; возможно, он может оскорбиться, его чувство собственного достоинства может быть оскорблено. Он может почувствовать себя задетым: «Что ты обо мне думаешь? Что ты можешь меня купить?» Или, даже если он хочет ее принять, он может сказать нет, он может отказаться. Он может сказать: «Я никогда не беру взятки». Чувство добродетельного эго может возобладать над его существом. Нужен посредник, который знает обе стороны, и тогда ты не должен сталкиваться с человеком непосредственно. Всюду нужны агенты.

Священники были посредниками между человеком и богом.

— Ты совершил грех? Не беспокойся, — говорили священники. — Лишь определенная взятка, и ты будешь прощен. Бог очень сострадательн.

Если ты не даешь взятку, тогда, конечно, тебе придется страдать.

Будда совершенно удалил бога. Он удалил бога, потому что он хотел удалить священника. Пока не удален бог, не может быть удален и священник; это лишь тень бога, побочный продукт бога. Бог является его изобретением! Поэтому все священничество Индии было против Будды, потому что он разрушал само их ремесло, он раскрывал саму их коммерческую тайну, он обрубал сами их корни.

Индийское священничество было старейшим в мире: брамины. Десять тысяч лет они эксплуатировали людей. Они существовали за счет эксплуатации, они не делали ничего другого. Они не трудились, они не работали. Вся их функция заключалась в том, чтобы быть посредниками.

Будда действительно обрубал самые корни священничества, всего учреждения, которое с ним связано, и всей эксплуатации во имя религии. Он говорит:

Тебе принадлежит заблуждение.

Тебе принадлежит отчаяние.

Нет бога, который накладывал бы на тебя наказание, каждому акту заблуждения свойственно приносить тебе отчаяние. Если ты засунешь руку в огонь, ты обожжешься. Никакой судья не объявляет, что сейчас ты будешь наказан указом судьи или указом бога; ты должен быть наказан за то, что ты засунул руку в огонь. Никому не нужно выносить никаких приговоров. В то мгновение, когда ты засовываешь руку в огонь, ты обжигаясь — немедленно, тотчас же! В видении Будды действие приносит немедленный результат; не нужно никакого судьи.

— Как произошел несчастный случай? — спросил врач.

— Знаете ли, — объяснил пациент, — Когда я занимался любовью со своей девушкой на ковре в гостиной, на нас неожиданно упала люстра.

— К счастью, вы получили только небольшие раны на ягодицах, — сказал врач. — Я считаю, что вам повезло.

— Не говорите, доктор, — воскликнул посетитель. — Минутой раньше, и она проломила бы мне голову!

Все зависит от тебя! *Тебе принадлежит заблуждение. Тебе принадлежит отчаяние.*

Но и добродетель.

Но и чистота.

Поэтому не грусти. Радуйся. Будда предоставляет тебе полную свободу... ты можешь выбирать. Если тылюбишь отчаяние, это твой выбор. Тогда не жалуйся. Ты выбрал это сам; наслаждайся этим, если ты хочешь наслаждаться. Все зависит от тебя.

Вернувшись после медового месяца, невеста делилась своими переживаниями с подругой.

— Как тебе первая ночь? — спросила подруга в предвкушении.

— О, это было ужасно! — ответила невеста. — Всю ночь — вверх-вниз, туда-сюда, вверх-вниз, туда-сюда. Никогда не бери комнату рядом с лифтом.

Вся твоя жизнь это твой выбор: ты можешь быть в аду, ты можешь быть в небесах. Небеса и ад недалеко друг от друга. Фактически, между ними нет даже перегородки, нет разделения; они сливаются и сплавляются друг с другом. Ты можешь легко переходить из одного состояния в другое.

Люди испробовали все возможные средства, но ничто не помогает. Люди испробовали алкоголь, наркотики, люди испробовали молитвы, религиозные ритуалы — ничто не работает. Возможно, на мгновение, на несколько часов мескалин или ЛСД могут вытащить тебя из твоего страдания, но на самом деле они тебя не вытаскивают — они просто заставляют тебя перестать его осознавать.

Лишь одно достигало цели — стать более сознательным, принять то, что это твоя ответственность; если ты в страдании, смотреть на него и обнаружить, как ты его выбрал и почему ты его выбрал. Видеть, что это твой выбор, достаточно: если ты все еще хочешь тех преимуществ, которые оно приносит...

Да, есть некоторые преимущества; вот почему люди выбирают страдание. Люди хотят не страдания, а нескольких преимуществ, которые приносит страдание. Каждый хочет блаженства, но в нем есть и недостатки — по крайней мере, с твоей точки зрения они выглядят как недостатки. Вот почему люди хотят блаженства, но не выбирают его, вот почему люди не хотят страдания, но выбирают его.

Страдание дает тебе чувство эго. Страдание отделяет тебя от существования, определяет тебя. Быть блаженным значит слиться, расплавиться. Твое определение исчезает, твоего эго больше нет. Поэтому тем, кто хочет

чувствовать: «Я есть», приходится выбирать страдание, другого способа нет. «Я» питается страданием; возможно, тебе нравится не страдание, а твое эго, и это тонкий мотив для того, чтобы выбрать страдание. Тебе нравится блаженство, но ты не хочешь расплавиться.

Так было много раз: люди приходили ко мне и говорили... И то же самое происходило с Буддой: много раз ему задавали один и тот же вопрос — возможно, те же люди, которые задавали его Будде, сейчас задают его и мне! Его много раз спрашивали:

— Ты говоришь, что когда мы исчезаем, это будет блаженством. Но если нас нет, какой смысл достигать блаженства? Если нет меня, чтобы наслаждаться им, какой смысл?

Те же самые люди приходят ко мне и спрашивают:

— Если исчезаю я, я не вижу смысла. Даже если это блаженство, если меня нет, кто будет его испытывать?

И с логической точки зрения кажется, что их аргументы правильны — но лишь логически, не экзистенциально.

Блаженство это не переживание. Не бывает так, что приходит блаженство, и ты испытываешь его. Когда ты исчезаешь, *ты* есть блаженство; не нужно никого, чтобы его испытывать — ты становишься им. Ты освобождаешь место... и блаженство начинает возникать в тебе. Ты блокируешь его, ты это единственная преграда.

Тебе нужно глубоко заглянуть в это; лишь тогда тебе станут ясны сутры Будды.

Тебе принадлежит заблуждение. Тебе принадлежит отчаяние. Но и добродетель. Но и чистота. Что он подразумевает под чистотой? Не добродетельная ли это чистота? Нет; поэтому он должен употреблять их раздельно. Чистота означает состояние, которое за пределами хорошего и плохого, страдания и блаженства — за пределами всего.

Это трансцендентное состояние; это мир. Будда называет его нирваной: прекращением всех состояний, как

хороших, так и плохих, как дня, так и ночи. Человек просто *есть*: это чистота. Нет переживания, ничто не происходит, нет содержания, чистая субъективность, вечное молчание: это чистота.

Тебе принадлежит заблуждение. Тебе принадлежит отчаяние. Тебе принадлежит добродетель, тебе принадлежит блаженство, и за пределами этого всего — чистота, природа будды, пробуждение, трансценденция. Тебе принадлежит и это.

Ты — источник

Всего чистого и нечистого.

Он постоянно настаивает на этом: *Ты — источник...* Он хочет напомнить тебе снова и снова: *Ты — источник...* Ты приходишь в мир как чистая потенциальная возможность, как многомерный потенциал. Ты можешь стать чем угодно. Ты можешь быть грешником, можешь быть святым. Ты можешь быть Адольфом Гитлером, Иосифом Сталиным, ты можешь быть Буддой или Иисусом. Ты можешь нести в себе все потенциальные возможности; ты можешь выбирать, кем тебе быть. Ты не рождаешься как заготовка; ты появляешься просто как бесконечная вероятность, возможность.

Повод расти, вот что такое жизнь — пространство для роста. Но ты можешь расти в любую сторону, в диаметрально противоположные стороны. Адольф Гитлер мог бы стать Гаутамой Буддой; Гаутама Сиддхартха мог бы стать Адольфом Гитлером. Адольф Гитлер не рождается Адольфом Гитлером.

Мы рождаемся как *табула раша*, чистая грифельная доска; на ней ничего не написано. Лишь позднее мы начинаем писать. Тогда один человек становится Бхагавад-Гитой, Библией, Талмудом, Упанишадами, а другой порнографическим журналом. Порнография и Бхагавад-Гита печатаются на одной и той же чистой бумаге, теми же чернилами, тем же печатным станком. Но какая безгра-

ничная разница! Как велика разница между Адольфом Гитлером и Гаутамой Буддой! Оба они возникли с одними и теми же возможностями, но они выбрали разное.

Напоминай себе снова и снова: *Ты — источник всего чистого и нечистого*. Когда это принято, в тебе возникает великая подлинность.

Фридрих II Прусский, также известный как Фридрих Великий, провел социальные реформы и усовершенствования по всей стране. Однажды он неожиданно посетил тюрьму, чтобы проверить условия. Главный тюремщик пришел в ужас, когда король попросил его сопровождать его в саму тюрьму, чтобы он мог лично увидеть условия.

Когда Фридрих шел по тюрьме, осужденные подбегали к нему, уверяя в своей невинности и моля о помиловании. Король слушал их всех и шел дальше. Его окружили люди, заявляющие, что они невиновны.

Один человек, однако, остался стоять в своем углу. Король был удивлен.

— Эй, ты! — окликнул он его. — За что ты здесь?

— За ограбление, Ваше Величество, — ответил заключенный.

— И что же, ты виновен? — спросил Фредерик.

— Целиком и полностью, Ваше Величество. Я полностью заслуживаю наказания.

Король раздвинул толпу тростью и указал на тюремщика.

— Стража, — сказал он. — Немедленно отпустите этого несчастного виновного. Я не хочу, чтобы он оставался в этой тюрьме и своим примером развращал всех этих чудесных невинных людей.

В то мгновение, когда ты принимаешь ответственность полностью, это великое избавление, это свобода. Внезапно ты больше не в тюрьме — просто приняв ответственность. Очень трудно принять ответственность, очень трудно, тяжело сказать: «Я ответствен»; это болезненно для эго. Но другого пути нет.

Никто не очищает другого.

Таким образом Будда отбрасывает все духовенство. Если никто не может тебя очистить, если никто не может очистить другого, исчезает вся функция духовенства.

Сейчас величайшее духовенство в мире — католическое духовенство. Знаете почему? — Потому что двадцать столетий они претендовали на то, что спасение — в Иисусе. Это главный корень католического духовенства; оно им живет. Если каким-то образом может быть доказано, что Иисус не может быть спасением ни для кого другого, вся католическая церковь утратит смысл.

Церковь значительна, Папа значителен лишь благодаря тому, что он заявляет от имени Иисуса: «Иисус очищает», «Иисус спасает». А Папа представляет Иисуса: он — представитель Иисуса на Земле, бог на Земле. Бог невидим; Иисус больше не на Земле, но он оставил своего представителя и между ними есть прямая связь — они могут позвонить друг другу в любой момент. Они могут замолвить за вас словечко или внести в черный список.

Будда говорит: *Никто не очищает другого*. Ты причинил себе какой-то вред — теперь лишь ты можешь это исправить. Зачем вовлекать в это кого-то другого? Если Иисус не был причиной этого вреда, как он может быть причиной твоего спасения от этого вреда?

Будда говорит: будды могут лишь указать путь — но идти тебе. Они не могут идти за тебя; никто не может отнести тебя в рай. Вы — люди, а не овцы! Но христиане считают Иисуса пастухом, а вас — овцами. И христианская идея в том, что чем более ты в растерянности, тем больше вероятность того, что Иисус отнесет тебя на плечах в твой высший дом.

Все это выдумки! Иисус может спасти только самого себя, а спасая себя, он может указать тебе путь к спасению, но он не может спасти тебя.

Вот в чем Будда отличается от всех остальных религий. Он был действительно очень осознанным в том, чтобы не дать ни малейшего шанса возникновению духовенства за его спиной — потому что священники это величайшие враги религии. Священники это не мосты между вами и Богом; наоборот, это стены.

Пожилой еврейский джентльмен вскарабкался в вагон поезда и вскоре завел разговор со своим соседом по купе, который оказался деревенским католическим священником.

- Кем вы станете после деревенского священника?
- Возможно, меня переведут в городской приход.
- А после этого?
- О нет, нет! Меня никогда не поместят выше этого.
- Но если вы очень хорошо делаете свою работу, кем вы станете?
- Я мог бы стать помощником епископа.
- А после этого?
- Если бы мне очень, очень повезло, я стал бы епископом.
- А потом?
- Архиепископом.
- А потом?
- Кардиналом в Риме.
- Так, а потом?
- Из кардиналов избирается Папа.
- Так, Папа. Что после него?
- Что! Нет ничего выше. Он представитель Бога на Земле!
- А как насчет Иисуса Христа?
- Нет-нет, это святотатство! Никто не может стать Христом!
- Да? — сказал еврей. — Одному из наших это удалось.

Это не святотатство — каждый может стать христом, потому что христос это состояние сознания; оно не имеет ничего общего с Иисусом. Христос это то же самое, что и будда. Будда не имеет ничего общего с Гаутамай Сиддхартхой — каждый может стать буддой. Каждый, кто

проснулся, будда, каждый, кто проснулся и увенчал себя славой пробуждения, христос. Христос значит «увенчанный короной». Человек, который пришел домой и увенчал себя славой, став единым с божественным, — христос.

Ты можешь быть христом.

До Иисуса Христа было много христов, и будет еще больше. Фактически, в конце концов каждой индивидуальности предстоит достичь состояния природы христа. Это не святотатство — но священнику приходится называть это святотатством. Он не может позволить тебе стать христом, потому что, если ты станешь христом, священник больше не нужен. Даже идея о том, что ты можешь стать христом, означает, что ты вырвался из когтей духовенства на безопасное расстояние. Сама эта идея опасна для духовенства; вот почему это святотатство.

Но Будда говорит: *Никто не очищает никого другого.*

Никогда не пренебрегай своей работой...

Поэтому никогда не полагайся на то, что тебя спасет кто-то другой — на это способна только твоя работа над собой.

Никогда не пренебрегай своей работой...

*...Ради работы другого,
Как бы велика ни была его нужда.*

Будда говорит: Повсюду вокруг нуждающиеся люди: больные, бедные, парализованные, слепые, глухие, хромы. Если ты начнешь служить всем этим людям, ты забудешь свою работу. Вот что происходит с христианским миссионером. Он открывает школу, больницу, служит бедным и, конечно, он очень уважаем за это, но он пренебрегает настоящей работой.

Будда не говорит никому служить; он говорит: Не надо служить за счет своей работы. Если ты можешь служить людям, и это не мешает твоей настоящей работе над собой, хорошо; ты можешь делать это по пути. Но фактически это невозможно — у тебя нет такого количества энергии. Сначала ты должен влить всю свою энергию, тотальную энергию в собственный рост.

Когда ты становишься взрослым, бдительным, осознающим, тогда и только тогда ты можешь служить людям — потому что тогда у тебя будет чем поделиться: любовь, сострадание. Тогда у тебя будет нечто, чтобы действительно им помочь: понимание, мудрость. Что ты можешь сделать прямо сейчас? Прямо сейчас ты сам в таком расстройстве, что если ты кому-то служишь, ты только приведешь его в еще большее расстройство.

А именно это делали с миром миссионеры — они создают еще больше заблуждений, еще больше расстройства. Они думают, что делают великую работу, святую работу — это невозможно! Пока ты не свят, не может быть святой и твоя работа. Действия определяются не самими действиями, а источником, в котором они возникают.

Будда говорит: *Никогда не пренебрегай своей работой...* Будда говорит в точности то, что я говорю вам. Я говорю вам: Сначала думайте о себе, только о себе. Это один из пунктов критики моей работы: люди критикуют меня за то, что я делаю людей эгоистичными. Я говорю им медитировать, расти и забыть все о мире. Мир в беде: в нем есть бедные и несчастные, ему нужны великие слуги общества. А я учу людей просто сидеть в молчании и медитировать или танцевать и наслаждаться.

Вот что говорит Будда. Вот что всегда говорили миру пробужденные. Сначала стань просветленным, наполнись светом, а тогда делай все, что произойдет в этом свете. Если служение будет для тебя легко, хорошо. Если ты хочешь учить людей, хорошо. Если ты хочешь помогать больным и старым, хорошо. Но прямо сейчас ты сам слеп, ты сам в темной ночи души. Что можешь сделать

своим служением? Что ты собираешься дать людям? У тебя ничего нет — ты полый, пустой.

Никогда не пренебрегай своей работой ради другого, как бы велика ни была его нужда. Слушай слова Будды: Как бы велика ни была его нужда, никогда не пренебрегай своей работой. В этом есть нечто очень фундаментальное: ты можешь помогать другим, только если ты уже помог самому себе.

Однажды я сидел на берегу реки, и один человек стал тонуть. Он звал на помощь. Я побежал, но к тому времени, как я подбежал к реке и собрался прыгнуть, другой человек, который был ближе, уже прыгнул в воду. Я остановился; не было необходимости прыгать. Но тогда и второй человек стал тонуть — мне пришлось спасти их обоих!

Я спросил второго человека:

— Зачем ты прыгнул в воду, если ты не умеешь плавать?

— Я совершенно забыл! — ответил он. — В то мгновение, когда я услышал, что он зовет на помощь, я совершенно забыл, что я не умею плавать. Я просто прыгнул, это было механическим ответом.

Это не лучший способ помочь! Я сказал:

— Если бы меня не было, вы бы утонули оба! Было очень вероятно, что тот человек доберется до берега один, без тебя... Но поскольку ты не умеешь плавать, ты ухватился бы за другого, а он за тебя, и вы стали бы зависимы друг от друга — очень возможно, что вы утонули бы оба. Кроме того, ты создал для меня ненужную проблему — сначала мне пришлось спасти тебя, потому что ты был ближе к берегу, и этому человеку пришлось ждать немного дольше.

Но это случается в жизни каждый день: ты начинаешь помогать другим, не осознавая, что тебе самому нужна помощь.

Будь альтруистичным, лишь когда ты осуществлен сам. Забота о себе и забота о других не противоположны

друг другу. Человек, который действительно заботится о себе, однажды начнет заботиться о других, но действительно заботящийся о себе человек это тот, кто открывает свою внутреннюю природу. Действительно заботящийся о себе человек не может быть заинтересован в деньгах, во власти, в престиже. Если он действительно о себе заботится, его первым интересом будет: «Кто я?» Люди, которые заинтересованы в деньгах, власти и престиже, не знают, что такое настоящая забота о себе.

Я также учу настоящей, подлинной заботе о себе, потому что таково мое собственное наблюдение: из нее возникает альтруистичная любовь. Они не противоположны. Когда человек осуществлен, он начинает переполняться состраданием.

Твоя работа в том, чтобы открыть свою работу...

Первое — первый шаг твоей работы, — это открыть свою работу.

*И тогда всем сердцем
Отдать ей себя.*

Что имеет в виду Будда, когда говорит: *Твоя работа в том, чтобы открыть свою работу?*.. Очень таинственные слова, но лишь по видимости; иначе они просты, логичны.

В мире есть два типа людей. В точности как биологически есть мужчины и женщины, есть мужчины и женщины и духовно. Биологический мужчина может не быть мужчиной духовно, помни. Совпадение не обязательно; иногда это совпадает, иногда нет. Биологическая женщина не обязательно женщина духовно.

Мужчина может найти, что глубоко внутри он скорее женствен, чем мужествен: более мягкий, более уязвимый, более восприимчивый, более подобен матке: менее

агрессивный, менее активный. Женщина может найти у себя в глубине, что она не восприимчива, а агрессивна.

Так же, как есть женщины и мужчины биологически и духовно, духовный путь разделен надвое: мужской путь и женский путь, инь и янь. Это основное разделение. Вся природа разделена надвое: положительное и отрицательное, материя и ум, земля и небо. Вся природа основана на этой диалектике, на этой двойственности — и прямо сейчас мы являемся ее частями. Когда ты становишься просветленным, ты выходишь за ее пределы — тогда диалектики не будет, тогда не будет двойственности, тогда ты достигнешь единства — но прежде чем достичь единства, тебе нужно понять, какая работа подойдет тебе.

Я называю это двумя типами работы: любовь и медитация. Любовь это женственный путь, медитация — мужественный путь. Медитация означает способность быть абсолютно одному, любовь означает способность быть абсолютно вместе. Любовь означает наслаждение единением; медитация означает наслаждение уединением, одиночеством. Оба они делают одну и ту же работу, потому что в обоих путях исчезает эго. Если ты действительно влюблен, тебе приходится отбросить эго; иначе любовь невозможна. Если ты хочешь глубоко идти в медитацию, тебе придется оставить эго; иначе ты не будешь один. Эго останется с тобой, и с ним останется двойственность: существо и эго, сознание и ум.

Тебе придется отбросить ум, если ты хочешь идти в медитацию, тебе придется отбросить ум, если ты хочешь идти в любовь.

Поэтому основной механизм один и тот же, но направления разные. Медитирующий идет вовнутрь; он интровертен, он ищет внутреннего. Влюбленный идет вовне; он экстрове́ртен, он хочет быть с другим. В любви другой становится зеркалом, в котором ты находишь свое лицо, свое оригинальное лицо. В медитации тебе не нужно никакого зеркала; ты просто идешь в себя и находишь себя, отражения не нужно. Это два основных типа работы.

Будда говорит: *Твоя работа в том, чтобы открыть свою работу.* В первую очередь ты должен открыть в точности, к какому типу ты относишься. Махавира, Будда, Лао-цзы — медитативный тип, медитативные люди. Иисус, Чайтанья, Кабир — тип любви; им нужен диалог с существованием. В медитации нет молитвы, потому что нет другого; в молитве есть диалог между «мной» и «тобой».

Существует ли бог, неважно. Патанджали сказал, что бог это лишь средство для человека любви, для того, кто не может найти себя без зеркала; тогда бог это величайшее зеркало, которые ты можешь создать. Существует ли бог, это совершенно неважно. Патанджали говорит, что это средство: средство для молитвы. Главное это молитва, не бог, помни это: главное это не бог, а молитва. Главное это любовь, не возлюбленный.

Если ты можешь любить, если ты можешь молиться, неважно, существует ли бог, неважно, услышана ли твоя молитва. Сама молитва трансформирует; услышана ли она, не имеет значения. В глубокой молитве ты растворяешь свое эго. Но для молитвы тебе нужен повод: кому молиться? Тебе нужен повод; отсюда возник бог, гипотетический бог. Это гипотеза, помни; в действительности его нет.

Нет такой личности, как бог, сидящей высоко в небе и слушающей молитвы каждого. Если бы был такой человек, он бы давно сошел с ума — так много людей, миллионы людей на земле... И сейчас ученые говорят, что во вселенной есть по меньшей мере пятьдесят тысяч населенных планет. Миллионы и миллионы молитв возникают каждый день, а бог один на всех. Бедный бог! Столько поклоняющихся!

Когда я путешествовал по этой стране — пятнадцать лет я ездил и ездил, двадцать один день в месяц, — я был в затруднении. Величайшей проблемой было индийское отношение к святым. Люди приходят, чтобы массировать тебе ноги, и я так уставал от этих массажей!

Однажды случилось так, что я ехал из Удайпура. Поезд останавливался на какой-то станции; должно быть, было около полуночи. После семидневного лагеря я чувствовал себя очень усталым. В мое купе вошел человек и стал массировать мне ноги. Я сказал:

— Ты сделаешь мне огромное одолжение, если прекратишь эту чепуху. Просто уйди из комнаты!

— Спи, не мешай мне! — ответил он. — Я ждал целый год, когда на мою станцию приедет поезд, и ты будешь возвращаться из Удайпура, чтобы я мог массировать твои ноги и служить тебе.

— Сколько времени здесь стоит этот поезд? — спросил я.

— Не беспокойся, — ответил он. — Он стоит два часа, потому что здесь заменяют мотор и переводят поезд на другие рельсы, так что ты можешь уснуть.

— Как я могу уснуть?

И он действительно делал такую работу — почти как рольфинг! Я спросил его, где он научился рольфингу.

— Я ждал целый год, — ответил он.

— Это заметно, — ответил я.

Он мне мстил!

В конце концов я устал, настолько устал, что позвал полицию, чтобы она увела этого человека. Он очень разозлился. Он сказал:

— Ни один святой никогда этого не делал!

— Я не святой! — сказал я.

Но это неважно: сначала он проецирует святого, затем он может ему служить. Он действительно хочет служить святому человеку; святой ли он в самом деле, неважно.

Я сказал:

— Я готов быть даже грешником, если ты оставишь меня в покое!

Только подумай о боге! В тот день я начал думать о боге, о том, что ему приходится терпеть. Молитвы... миллионы людей молятся. И миллионы людей уже на небесах

— должно быть, они применяют к нему рольфинг! Должно быть, он все время убегает и прячется.

Я слышал:

Сначала Бог жил на улице Махатмы Ганди в Пуне, но потом люди стали слишком досаждают ему. Днем и ночью они стучались к нему в двери и жаловались. Кто-то говорил:

— Сделай это, сделай то. Завтра нам нужен дождь.

Потом приходил кто-то другой и говорил:

— Завтра никаких дождей, потому что у меня стирка.

Он начал чувствовать, что сходит с ума! Он спросил своих советников, что ему делать.

Они сказали:

— Ты можешь переехать в Гималаи.

— Это не очень поможет, потому что я могу предвидеть будущее: вскоре... — потому что в мире Бога время идет быстро. Для нас это века, для Бога — мгновения.

Вчера я прочитал историю. Динозавр был очень влюблен в динозавриху. Он ждал десять тысяч лет, чтобы сказать ей:

— Я тебя люблю.

Потом он десять тысяч лет ухаживал за ней. Затем он десять тысяч лет говорил все те милые вещи, которые влюбленные говорят своим возлюбленным. Таким образом прошло тридцать тысяч лет. Затем однажды он сказал:

— Дорогая, пришло время: не заняться ли нам любовью?

Знаете, что ответила динозавриха?

— Я меня десятилетние!

Бог сказал:

— Вы не знаете — вскоре человек по имени Хиллари и его помощник по имени Тензинг взберутся на Эверест. А когда туда доберется один человек, все кончено! Тогда вскоре появятся автобусы, вертолеты и самолеты, откроются гостиницы и рестораны, и я снова окажусь на улице Махатмы Ганди! Это не поможет.

— Почему бы тебе не отправиться на Луну? — предложил кто-то.

— Не поможет и это. Лишь несколько лет — то есть несколько мгновений, — и другой человек будет ходить по Луне. И если они обнаружат где-либо мои следы, на меня набросится весь мир.

Тогда к нему подошел другой советник, прошептал что-то ему на ухо, и Бог просиял и сказал:

— Это правильно!

Этот человек прошептал:

— Почему бы тебе не спрятаться в самом человеке?

— Правильно! — сказал Бог. — Туда люди смотрят очень редко. Изредка очень немногие — Будда, Иисус, — смотрят вовнутрь. Обычно никто не смотрит. А люди, которые смотрят вовнутрь, не опасны. Чем глубже они движутся вовнутрь, тем более мирными они становятся. К тому мгновению, когда они достигают центра, они теряют весь язык, поэтому они не могут жаловаться и молиться! К тому мгновению, когда они достигнут меня, они сольются со мной, и я сольюсь с ними.

С тех пор Бог обитает в человеке. Это секрет, который я не должен был вам рассказывать. По крайней мере, сделайте мне одолжение — не говорите больше никому!

Твоя работа в том, чтобы открыть свою работу.
Первое, что нужно решить, это чувствуешь ли ты радость, когда ты один. Например, здесь сидит Четана. Вивек все время говорит мне:

— Четана остается одна, и она выглядит такой счастливой. В чем секрет?

Она относится к медитативному типу! Вивек неспособна понять, что человек может жить совершенно один. Сейчас вся работа Четаны это моя стирка; это ее медитация. Она никогда никуда не ходит, даже не ест в столовой. Она приносит еду... как будто она вообще ни в ком не заинтересована.

Если ты можешь наслаждаться этим одиночеством, тогда твой путь — медитация. Но если ты чувствуешь, что когда ты общаешься с людьми, когда ты с людьми, ты чувствуешь, что ты прыгаешь от радости и веселья, чувствуешь себя более живым, тогда, конечно, твой путь — любовь.

Наблюдай, и ты найдешь, что очень трудно решить, каков твой путь. Как только ты нашел свою работу, Будда говорит: *...всем сердцем отдать ей себя*. Тогда не жди ни мгновения и не удерживай энергию. Вовлекись тотально, абсолютно — потому что трансформация возможна, лишь когда ты кипишь при температуре сто градусов, но не когда ты чуть-теплый. Быть теплым не поможет; тебе придется закипеть при температуре сто градусов. Ты должен быть тотально в своей работе. Сначала найди ее, не торопись.

Функция мастера в том, чтобы помочь тебе найти, в чем твоя настоящая работа, каков твой тип. Если ты не можешь этого определить, прими помощь от мастера. Прими помощь мастера, чтобы узнать, что такое в точности медитация и любовь. Он покажет тебе путь, и тогда ты должен следовать ему и следовать тотально. Ты не можешь следовать ему частично, кусками; ты должен войти в это полностью. Тогда трансформация возможна тотчас же. В одно-единственное мгновение человек может стать буддой или христом.

И помни, лишь ты можешь совершить это чудо, никто другой не сделает этого за тебя.

На сегодня достаточно.

Вкус Природы Будды

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Пока я был здесь, я испытал аромат и нектар поля будды. Как нам удержат это с нами, когда мы не здесь, особенно когда мы окружены силами, враждебными полю будды?*

Д жагдиш Бхарти,
Испытать присутствие божественного значит быть трансформированным настолько, что даже если ты хочешь этого лишиться, ты не сможешь. Это становится частью твоего существа, и даже в большей степени, если ты окружен силами, враждебными полю будды. Там оно кристаллизуется. Контраст всегда полезен. Контраст не может этого уничтожить; он станет вызовом, возможностью. Никогда не думай об этом как о беде.

Я посылаю своих саньясинов в самые отдаленные уголки мира; это средство, потому что когда они далеко, очень далеко от меня, они начинают более полагаться на собственную осознанность — им приходится. Они становятся более ответственными, и в каждое мгновение они должны быть бдительными, наблюдательными, потому что есть столько вещей, которые могут разрушить их сокровище. Само существование враждебных сил создает для них постоянный вызов. Он помогает интеграции.

Поэтому тебе не нужно беспокоиться; аромат останется с тобой. Этот нектар уже стал частью твоего существа. И пока ты будешь в Чикаго, ты обнаружишь, что ты ближе ко мне, чем это возможно здесь, потому что здесь столько саньясинов, и теряешься среди многих других. Там

ты будешь один, и ты сможешь общаться со мной более непосредственно, более интимно. Физическое расстояние не имеет совершенно никакого значения. Любовь не знает расстояний. Тогда Чикаго становится пригородом Пуны. И когда ты закрываешь глаза, ты найдешь меня там. Правильный способ видеть меня — с закрытыми глазами. С открытыми глазами ты видишь лишь физическую часть, с закрытыми глазами ты видишь меня по-настоящему.

Великий индийский мистик, Палту, сказал нечто очень странное; никто другой не мог этого сказать. Он сказал: Лишь те, кто слеп, смогут меня понять, лишь те, кто слеп, смогут увидеть меня — кто я. Очень странное утверждение, если сравнить его с высказываниями других мистиков. Например, Иисус говорит: Имеющие уши да услышат! Имеющие глаза да увидят!

Палту говорит: Только слепые могут увидеть меня. Он имеет в виду: «Меня можно увидеть только с закрытыми глазами». Когда твои глаза открыты, твоя энергия движется экстровертно. Тогда меня нет. Ты можешь меня найти, лишь если твои глаза закрыты; тогда в глубочайшем ядре своего существа, в святая святых ты найдешь меня. Именно так ученик всегда находит мастера.

И именно так ученик в одном смысле становится абсолютно преданным мастеру, в другом смысле становится абсолютно свободным от мастера. Когда ты находишь мастера у себя внутри, ты больше не зависишь от внешнего мастера; тогда внешний мастер это лишь отражение внутреннего. Поэтому люди продолжают видеть во мне то, что они хотят видеть, они продолжают проецировать.

В мире есть три вида медитирующих. Первый вид медитирует с открытыми глазами. Есть методы медитации, которые возможны лишь с открытыми глазами. С открытыми глазами ты общаешься с природой, с физическим проявлением божественного, со всеми его красотами, со всеми его наслаждениями, с поющими птицами, цветущими деревьями и звездами. С открытыми глазами ты видишь божественное в проявленной форме; поэтому есть не-

сколько техник медитации, которые выполняются с открытыми глазами.

И есть несколько техник, которые делаются с закрытыми глазами. Тогда ты видишь божественное в непроявленной форме, что гораздо более важно, потому что проявленное мгновенно, а непроявленное вечно. Я здесь в теле; это мгновенное явление. Завтра, возможно, я не буду в физическом теле.

Мои саньясины должны этому научиться — в Пуне они или в Чикаго, они должны научиться приходить в связь, в контакт со мной с закрытыми глазами. Тогда я вечен; каждый раз, когда они закрывают глаза, они окружены мною. Это не будет формой, это не будет лицом, это будет просто ароматом. Ты можешь взять в руку цветок, но ты не можешь поймать аромат. Ты можешь испытать его как опыт, но нет способа удержать его в кулаке. Ты не можешь коснуться его, но ты можешь быть им тронут, безмерно тронут, трансформирован, превращен.

И есть несколько медитаций, которые выполняются с полузакрытыми, полуоткрытыми глазами; Будда в особенно настаивал на том, чтобы делать медитацию с полузакрытыми глазами. Почему? Его путь — срединный путь во всем. Он очень последовательный человек. Он говорит: Будь точно посередине, потому что если ты снаружи с открытыми глазами, ты можешь стать слишком привязанным к проявленному миру; если твои глаза закрыты, ты можешь стать слишком привязанным к непроявленному миру. Но с полузакрытыми, полуоткрытыми глазами ты останешься отстраненным от их обоих. Ты будешь просто наблюдателем посередине. С одной стороны существование природы, с другой стороны существование божественного, а ты просто стоишь посередине — и это также способ медитировать.

А вот мое собственное предложение: во-первых, медитируй с открытыми глазами, во-вторых, с полуоткрытыми глазами; в третьих, с закрытыми глазами. Постепенно двигайся в неизвестное и непознаваемое.

Джагдиш Бхарти, ты говоришь: «Пока я здесь, я испытал аромат и нектар поля будды».

Мое усилие в том, чтобы сделать полем будды всю эту Землю, поэтому где бы ни были мои саньясины, там существует миниатюрное поле будды. И теперь, когда ты один из моих саньясинов, ты будешь моим проводником. Позволь мне действовать через тебя, и будет создано миниатюрное поле будды. Постепенно каждый из моих саньясинов должен стать полем будды, должен распространять вокруг себя аромат просветления, любви, молитвы. Он должен создать мини-климат, который будет следовать за ним, куда бы он ни пришел. Он должен оставаться в этой маленькой собственной атмосфере; куда бы он ни шел, она следует за ним как тень.

Вскоре мы наполним всю землю многими, многими саньясинами, и где бы ни был саньясин, там будет оазис. Один саньясин может запустить процесс, и многие души могут быть воспламенены, зажжены. Это случится с тобой.

Я увидел в тебе огромный потенциал, ты можешь стать для мен настоящим проводником, ты можешь быть полым бамбуком, на котором я могу играть мелодию. Теперь распространяй аромат и нектар, который ты ощутил — что еще мы можем дать нашим друзьям? Что еще мы можем дать нашим любовникам, возлюбленным, нашим женам, мужьям, детям, родителям? Что может быть больше и драгоценнее, чем немного вкуса природы будды?

Делись всем тем, что ты испытал здесь, и когда ты делишься, это будет расти. Во внутреннем мире совершенно не такая экономика, как во внешнем. Во внешнем, если ты делишься, ты это теряешь; все, что ты отдал, потеряно для тебя. Во внутреннем мире, то, за что ты цепляешься, потеряно, а то, чем ты делишься, твое навсегда; и не только твое навсегда, но и гораздо больше. Отдавай больше, и ты будешь больше иметь.

Уезжай с огромной радостью, ты несешь с собой сокровище. Ты — посланец, ты несешь с собой послание, в котором сегодня безмерно нуждается человечество. Оно

было нужно всегда, но никогда до такой степени, как сегодня.

Человек никогда раньше не был в такой тоске, человек никогда раньше не был в таком отчаянии, человек никогда раньше не чувствовал себя таким бессмысленным. Ему нужно больше людей, присутствие которых позволит ему снова чувствовать себя хорошо, расслабленно, присутствие которых даст ему надежду на то, что смысл возможен, что жизнь можно жить по-другому, что есть новые способы жизни, новые подходы к жизни, что человеку не нужно оставаться пустым. Тогда он может получить нового вида наполненность, которую не приносят ни деньги, ни власть, ни престиж, но которая приходит в медитативной осознанности, в любящей осознанности.

Иди как мой посланник, передай все, что ты ощутил, как можно более многим людям, и ты увидишь: чем более ты распространяешь послание, тем более укорененным в нем ты становишься. Ты не потеряешь контакт; не беспокойся об этом. Я иду с тобой, я следую за тобой. Ты всегда найдешь меня рядом. Да, иногда ты можешь поболтать со мной, и если иногда тебе придет в голову немного поговорить со мной, не чувствуй себя сумасшедшим. Позволь случиться этому диалогу, и ты будешь удивлен, что на твои вопросы ты будешь получать такие же ответы, как и я даю здесь. Эти ответы придут из глубочайшего тайника твоего собственного существа. Они будут исходить из твоего собственного центра; вопросы исходят от периферии, а ответы — из центра. Поначалу это будет выглядеть так, как будто я отвечаю тебе, но рано или поздно ты обнаружишь, что на них отвечает твое настоящее «я».

Мастер представляет только твое настоящее «я»; он говорит лишь для того, чтобы вызвать к жизни спящий центр твоего существа. Как только центр разбужен, мастер становится молчаливым с учеником.

Эта история о Бахауддине, одном из великих суфийских мистиков.

Он жил в пустыне среди нескольких сотен своих учеников. Несколько путешественников проходили мимо, и просто из любопытства они захотели посмотреть, что там происходит; они пришли в монастырь и попросили разрешения войти. Они просто хотели посмотреть, что происходит, и не смогли поверить своим глазам: сотни людей выглядели как сумасшедшие. Кто-то танцевал, кто-то кричал, кто-то разговаривал с небом — царил полный хаос. Они сказали: — Этот человек, Бахауддин, кажется, сам сумасшедший и собрал здесь всех остальных сумасшедших. Что происходит?

Бахауддин сидел среди всего этого.

И они отправились своей дорогой. На обратном пути снова из любопытства они подумали:

— Что происходит сейчас? Нужно пойти и посмотреть.

Они пришли снова. Бахауддин сидел на прежнем месте, а все ученики, которые кричали и выглядели как сумасшедшие несколько месяцев назад, сидели в молчании, как будто там никого не было. Монастырь был таким тихим, совершенно тихим.

Тогда они были еще более озадачены:

— Что случилось? Куда делось все это безумие?

Ни одного слова не произнес Бахауддин, ни одного вопроса не задали ученики. Зрители оставались там несколько минут и затем ушли прочь.

Через несколько лет они снова проходили мимо.

— Интересно, что происходит сейчас.

Они пришли снова; Бахауддин по-прежнему сидел посредине, но вокруг не было ни одного ученика; весь монастырь был пуст. Теперь они больше не могли сдерживать любопытство, тем более что Бахауддин был один. Они решили: «Почему бы не спросить его?»

Они спросили:

— Когда мы в первый раз пришли сюда несколько лет назад, это был настоящий ад, и мы думали, что ты сумасшедший и твои последователи тоже сумасшедшие. Что происходило тогда?

— Катарсис, — сказал Бахауддин. — Они выбрасывали из себя безумие, которое собрали за многие, многие жизни, благодаря вам, вашему подавляющему обществу, благодаря этому безумному обществу. Я позволял им выбросить его наружу, избавиться от него.

— А что случилось потом? Когда мы вернулись снова, все они были в молчании!

— Они выбросили все, что было внутри, и ничего не осталось; они выздоровели. Поэтому они сидели в молчании.

— Мы понимаем это, — сказали люди. — Но что происходит сейчас? Куда они делись?

— Теперь они пошли распространять послание, — сказал Бахауддин. — Теперь им больше ничего не остается. Они вкусили нектар; теперь они ушли в разные концы земли, чтобы привести других сумасшедших людей. И когда вы придете в следующий раз, вы увидите то же самое: сумасшедших, выбрасывающих свое безумие.

Джагдиш — профессор психологии в Чикаго. Езжай туда и приведи столько сумасшедших, сколько сможешь. Помоги моей работе. Помогать моей работе значит быть со мной, помогать моей работе означает настоящую близость со мной. И я буду постоянно наблюдать за тобой.

Помни, где бы ты ни был, я с тобой. И вскоре это будет не просто идеей, это будет реальностью; это *действительно* реальность — тебе нужно только ее открыть. И враждебные полю будды силы безмерно помогут тебе. Благодаря этим враждебным силам ты станешь более кристаллизованным, более центрированным, более укорененным.

Это часть процесса роста — снова и снова посылая тебя в мир.

Второй вопрос:

*В*озлюбленный Мастер,
Ты так много говоришь о свидетеле, но что такое

свидетель и что такое судья? Как нам различить — где свидетель, а где судья?

Дэва Бхумика,
 Это очень просто; различие очень ясно. Невозможно в нем запутаться. Судья всегда судит, говорит: «Это хорошо, это нехорошо. Это — добродетель, это — грех. Это нравственно, это безнравственно. Это должно быть так, а так не должно быть». В ум приходит мысль, и тут же судья говорит: «Нехорошо так думать, это плохая, злая мысль». Или он говорит: «Это красивая мысль, лелей ее, питай ее, храни, как зеницу ока; она очень драгоценна».

Судья всегда судит: за или против. У него есть заготовленные заранее представления о том, что правильно, а что неправильно. Судья дан вам обществом; поэтому в вас разные судьи. У христианина не такой судья, как у индуиста.

Я слышал:

Женщина пошла плавать в море, заплыла слишком далеко и утонула. Спасатели вытащили ее и приложили все возможные усилия, чтобы вернуть ее к жизни, но было слишком поздно. Они оставили ее тело лежать на берегу и пошли к ближайшему телефону, чтобы сообщить о том, что женщина умерла. Это случилось где-то на французском побережье.

Когда они вернулись, их ждала неожиданность: француз занимался любовью с мертвой женщиной. Они сказали:

— Что ты делаешь! Ты что, с ума сошел? Она мертвая!

— Боже правый, — сказал француз, — Я думал, она католичка!

Католическая женщина не должна наслаждаться, двигаться, кричать от радости или говорить «Алилуйя!» Нет, совсем нет. Она должна лежать абсолютно мертвой. Только плохие женщины движутся, хорошие — никогда. Они просто лежат, они просто страдают.

У католика другая совесть, поэтому и другой судья. У индуиста другая совесть, поэтому и другой судья. У джайна другая совесть, поэтому и другой судья. А совесть создается обществом, судья служит этому обществу. С самого детства мы начинаем учить детей, что правильно, а что неправильно. И постепенно они впитывают это, они подражают, и это становится частью их обусловленности.

Судья находится на службе у общества, в котором тебя воспитывают; поэтому есть столько же судей, сколько культур, обществ, религий, идеологий.

Но свидетель один; в этом нет разницы между христианином, индуистом и буддистом. Свидетель один. Свидетель не дается тебе обществом; это пробуждение твоей души, это осознанность. Под тем, чтобы быть свидетелем, подразумевается, что ты не осуждаешь и не хвалишь. Ты не оцениваешь — не говоришь ничего, просто видишь.

Мысль проходит у тебя в уме; ты просто видишь ее, подобно зеркалу. Ты не говоришь, хорошо это или плохо; ты не вешаешь на нее ярлык. Ты просто видишь: она входит, она перед тобой, она уходит. Ты никак не комментируешь, что это такое. Свидетель это чистое подобное зеркало сознание; судьи различны, но свидетель один. Если христианин становится свидетелем, он будет таким же, как и индуист, когда он станет свидетелем.

Вот почему Будда, Иисус, Моисей и Мухаммед не разные; они — свидетели. Но мусульмане, христиане, буддисты, евреи разные. Они живут идеологией, данной им обществом, а у общества есть собственные интересы. Тебе могут дать очень глупые идеи, и ты будешь носить эти идеи всю жизнь. Не совершив огромного усилия, чтобы проснуться, ты останешься замкнутым в своих идеологиях; они будут управлять над тобой. Они не только поместили снаружи полицейского, мэра и правительство; они вторглись и в твое существо, общество вторглось и к тебе вовнутрь.

Судья просто показывает вмешательство общества. Если мы хотим создать лучшее человечество, мы должны

перестать создавать судей. Мы должны помочь людям быть сознательными. Не давайте людям совесть, дайте им сознание. И их осознание своих жизней должно определять все; тогда им придется действовать из своей собственной осознанности, не из данных заповедей, не из правил, данных другими. Это путь рабства. Вот как мы существовали до сих пор.

Мое усилие здесь в том, чтобы помочь тебе отбросить совесть; вот почему все религии против меня. Это естественно. В одном они соглашаются. В Индии христиане, индуисты, джайны, буддисты, мусульмане соглашаются в одном: я опасный человек, и людям нужно помешать приближаться ко мне, нужно создать великие препятствия, чтобы никто не мог попасть под мое влияние, потому что оно кажется плохим влиянием.

Только вчера я видел свою фотографию на обложке одного итальянского журнала — мне она очень понравилась, — мою фотографию с рогами. Именно так, должно быть, я представляюсь Папе в Ватикане, именно так я представляюсь *шанкарачарьям*, именно так я представляюсь им самым опасным человеком. В чем причина? — в том, что я пытаюсь разрушить все, что они создали, потому что для меня это лишь твои цепи. Они создали для тебя цепи, невидимые тюремные камеры. Совесть это самое тонкое рабство.

Живи сознанием, не совестью. Будь таким бдительным, чтобы ты мог принять ответственность за свою собственную жизнь. Быть свидетелем это совершенно не то, что быть судьей; свидетельствование просто. Тыходишь к зеркалу; зеркало не комментирует, красив ты или уродлив. Оно просто отражает тебя, вот и все, кто бы ты ни был, без всяких комментариев, без всяких суждений. Оно не говорит: «Ты уродливый — уйди!», или: «Ты красивый — останься еще немного. Ты мне нравишься, мне нравится твое общество». Свидетель становится зеркалом, он продолжает наблюдать.

И чудо в том, что если ты можешь наблюдать ум, не становясь судьей, ты выйдешь за пределы ума очень скоро. Именно твои суждения создают путаницу ума. Что-то одно тебе нравится, и ты цепляешься за это, что-то другое тебе не нравится, и ты хочешь это оттолкнуть. Ты запутываешься, ты вовлекаешься в ум, ты отождествляешься с умом. И ты не знаешь, что такое истина, ты не знаешь, что такое добро, что такое красота. Все, что ты знаешь, заимствовано, все, что ты знаешь, сказало тебе общество.

Общества повторяли одни и те же вещи веками и продолжают повторять до сих пор. Общество не просветленное; еще никогда не было просветленного общества, случалось только просветленные индивидуальности.

Ты можешь стать просветленным, становясь более сознательным, более свидетельствующим. Суди меньше, и ты будешь удивлен тем, что когда ты становишься свидетелем и перестаешь судить себя, ты перестаешь судить и других. И это делает тебя более человечным, более сострадательным, более понимающим. Человек, который постоянно судит себя, обязательно судит и других. Даже более того — он будет жестоким, он будет строгим к другим. Если он за что-то осуждает себя, он будет осуждать других еще больше; он всегда будет искать в людях недостатки. Он никогда не сможет увидеть славу твоего существа; он будет слишком озабочен мелочами, банальностями. Он будет слишком озабочен твоими небольшими действиями.

Если он увидит, что Будда пьет чай, он более заинтересуется чаем, чем самим буддой. Он скажет:

— Будда, и пьет чай?

Вы не поверите, какие есть люди, например, Махатма Ганди — он против чая...

— Это грех!

Это было грехом в его ашраме. Если кого-то заставляли пить чай, поднималось очень много шума. Однажды он совершил трехдневный пост, чтобы очистить себя, потому что один из его учеников пил чай. Он наказал себя — а это очень тонкий и коварный путь наказать другого.

Просто представь: если ты что-то делаешь, а я три дня не ем — это будет для тебя сплошным мучением; ты не сможешь спать эти три дня; это будешь для тебя тяжелой ношей. Ты снова и снова будешь думать:

— Зачем я это сделал? Мой мастер так страдает!

А он очищает себя. Почему? Потому что он сказал:

— Если бы я был действительно чист, ни один ученик не смог бы сделать ничего неправильного. Как может ученик сделать что-то неправильное, если мастер абсолютно чист?

Это была его арифметика. Он наказывал себя. Это наказание себя было мазохизмом, но оно работало; это работает лучше, чем наказывать других — потому что люди, которые собираются вокруг такого человека, любят его; вот почему они вокруг него собираются. Из-за такой мелочи... но он поднимал такой крик из-за чая и из-за курения.

В его ашраме никто не мог курить, никто не мог пить чай, что сказать о вине? Если бы он встретил Иисуса, он тут же осудил бы его; он постился бы, по крайней мере, три месяца, чтобы очистить себя и помочь Иисусу, потому что тот пил вино. Самое лучшее вино всегда создавалось христианскими монастырями; у них в погребах хранится самое старое, лучшее вино.

Это было бы невообразимо для Махатмы Ганди — такой человек как Иисус пьет вино? Но буддисты пили чай веками без всяких проблем. На самом деле, в Японии это сделали великой церемонией. Они пьют чай так медитативно, что в каждом дзенском монастыре есть специальный храм. Да, место, в котором они пьют чай, называется храмом.

В храм нельзя входить в обуви. Во время чаепития нельзя говорить. Это специальный процесс, и все происходит так медитативно, что гости молча входят и садятся в медитативную позу. Хозяин, обычно женщина, готовит чай, и аромат чая, самовар, звук и музыка... Все сидят в молчании и слушают звук самовара, все вдыхают прекрас-

ный аромат чая. Они готовятся; готовится чай и готовятся они — становятся более молчаливыми, более спокойными.

Тогда подают чай в очень красивых, эстетичных чашках и блюдах, сделанных специально для этого, вручную, чтобы они были уникальны. Затем люди начинают пить чай — не так, как на вокзале: человек делает глоток и смотрит на поезд, делает другой глоток и снова смотрит на поезд, ему приходится быстро проглотить его и бежать обратно в поезд, потому что поезд может уехать — не так. Они часами сидят в молчании и пьют чай медленными глотками. Некуда спешить. Это медитация.

Я бы сказал, что люди дзен действительно делают нечто более красивое, чем Махатма Ганди. Настоящее искусство в том, чтобы превратить повседневное в священное. Это прикосновение мастера. Он касается пыли, и она превращается в золото. Чай превращается в молитву. Это красота, это алхимия; чаепитие становится наблюдением, свидетельствованием.

Но если ты против чего-то предубежден... каждый предубежден; так или иначе предубежден весь мир. И я здесь для того, чтобы разрушить все твои предрассудки. Все, что было тебе привито, нужно удалить; тебя нужно снова сделать чистым подобно ребенку, невинным, не знающим, что неправильно, а что правильно, просто свидетельствующим.

Из этого свидетельствования возникает отклик — отклик, который тотален, потому что за ним стоит все твое сердце, отклик, который тотален, потому что это твой собственный отклик, не повторение учений кого-то другого; отклик, в котором ты никогда не расквешься, отклик, который не вызовет в тебе чувства вины: «Я сделал что-то не так». Отклик это просто отклик, он не вызывает в тебе ни чувства превосходства, ни чувства унижения. Это просто требование момента. Он приходит из твоего свидетельствования, и с ним покончено. Он не оставляет следа.

Свидетельствующая душа похожа на небо. Птицы летят в небе и не оставляют следов. Вот что говорит Будда:

человек, который пробужден, живет таким образом, что не оставляет следов. На нем нет ни ран, ни шрамов; он никогда не оглядывается — нет смысла. Он прожил это мгновение так тотально, какой смысл оглядываться назад снова и снова? Он никогда не заглядывает вперед, он не оглядывается назад, он живет в моменте.

Суждение приходит из прошлого, а свидетельствованье это сознание в настоящем. Свидетельствование здесь и сейчас, а суждение где-то еще, в прошлом. Когда ты что-то судишь, проведи небольшой эксперимент: постарайся найти, кто дал тебе эту идею. И если ты идешь в это глубоко, ты будешь удивлен: ты сможешь даже услышать, как это говорит твоя мать, твой отец, твой школьный учитель. Ты можешь услышать отзвуки этих голосов у себя в памяти, но они не твои. Все, что не твое, уродливо; все, что твое, красиво, в этом есть грация.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему Ты рассказываешь столько анекдотов про евреев?*

Санатано,
У евреев такое чувство юмора, которого нет больше ни у кого. Например, у индийцев нет никаких шуток, нет ни единой шутки, которую можно было бы называть индийской. Все шутки, которые индийцы рассказывают друг другу, западного происхождения. Индия потеряла чувство юмора; она стала слишком серьезной.

Евреи не могли стать слишком серьезными по той простой причине, что веками они жили в великом страдании. Именно чувство юмора помогало им выжить. Им пришлось создать огромное чувство юмора.

Индия не жила, а тлела. Ей не пришлось много страдать, никто ее не мучил, никто не хотел ее уничтожить. Ей никогда не нужно было чувство юмора, чтобы спастись от серьезности; поскольку жизнь была проста, без большого страдания и боли, люди стали слишком серьезными.

Еврейские анекдоты — лучшие в мире. Ты будешь удивлен, но это мое наблюдение: именно их чувство юмора их спасло, иначе они были бы давно уничтожены. Им пришлось создать огромное чувство юмора; они шутили шутки даже в концентрационных лагерях Адольфа Гитлера. Для них это было способом остаться в живых.

А я люблю шутки, поэтому я люблю и евреев.

Два еврея встречаются в первый раз.

— Ты откуда? — спрашивает один.

— Майами Бич, Флорида, — отвечает тот. — А ты?

— Линкольн, Небраска, — отвечает первый. — Сколько населения в Майами Бич?

— Около ста тысяч.

— А сколько там евреев?

— Около девяноста тысяч.

— И как они зарабатывают на жизнь?

— Они доктора, адвокаты, судьи, бухгалтеры, богатые пенсионеры, банкиры и так далее.

— А остальные десять тысяч человек? Что они делают?

— Они полицейские, плотники, рабочие и так далее. Лучше расскажи мне про Линкольн, Небраска. Какое там население?

— Около трехсот тысяч человек.

— И сколько из них наших?

— Я думаю, евреев всего около пяти тысяч.

— Ничего себе! — говорит второй еврей. — Зачем вам столько слуг?

Евреи разумный народ, и они урывают больше Нобелевских Премий, чем кто-либо другой. Эта разумность

также происходит оттого, что они долго страдали, и им всегда приходилось находить новые способы выжить.

Разумность возникает, когда для нее есть вызов; разумность возникает и обостряется, когда для нее есть применение. Если она не применяется, на ней собирается пыль. Когда она не используется, когда ее не нужно использовать, она умирает. Если ты не будешь использовать ноги многие годы, ты их потеряешь, ты больше не сможешь ходить. Если ты будешь держать глаза закрытыми три года, ты лишишься зрения.

У воров зрение гораздо лучше, чем у кого-то другого; это естественно, потому что им приходится заглядывать в чужие дома в темноте. Возможно, они зашли в дом в первый раз: они не знают, где дверь, где стены, и как стоит мебель — и все же они должны передвигаться бесшумно. Их зрение становится более острым, чем у кого-либо другого. Ты не найдешь вора в очках; по крайней мере, я еще не видел. Поэтому каждый раз, когда ты видишь человека без очков, остерегайся! Кто знает? Продолжай наблюдать.

Если человек в очках, тебе нечем беспокоиться. Он не может найти даже собственные вещи; как ему найти твои? — невозможно. Он не может найти вещи даже в собственном доме.

Евреи действительно жили долгой и тяжелой жизнью из-за христиан. Эта идея абсурдна, потому что если распяли Иисуса, это не значит, что теперь нужно вечно мучить евреев. Те евреи, которых вы мучите, не распинали Иисуса; тех людей уже нет. Но именно так продолжают дурацкие предрассудки, и в особенности христиане продолжают повторять одно и то же.

Грех, совершенный Адамом и Евой все еще лежит на них тяжелой ношей. Если его совершили Адам и Ева, они будут страдать за него. О чем беспокоиться тебе? Ты его не совершал. Но они думают, что это у тебя в крови; они думают, что он перешел к тебе, потому что ты находишься в той же цепи, в той же продолжительности. Это абсурд, полный абсурд.

У Будды был сын, у Махавиры была дочь; должно быть, его дочь тоже родила детей — где они? Махавиру не несут в себе его потомки. Где сыновья и дочери Заратустры? Заратустра не передался своим сыновьям и дочерям. Каждый проживает свою собственную жизнь и умирает своей собственной смертью. Каждый уникален.

Помни, от родителей приходит тело, но не душа. И так же с Адамом и Евой. Адам и Ева не переносятся в клетках крови. Ужасно глупо мучить евреев за то, что случилось две тысячи лет назад. Но это продолжается. В каком-то смысле это было скрытым благословением: это проклятие придало евреям остроту, блеск, разум, чувство юмора. Они могут смеяться даже перед лицом смерти.

Я слышал, что в концлагерях они выживали не благодаря пище, потому что пищи было недостаточно — они выживали благодаря шуткам. Даже отправляясь в печь, в газовую камеру, они продолжали рассказывать друг другу анекдоты и смеяться. Красивые люди!

Христиане не шутят шуток о своих епископах и Папах; индуисты никогда не шутят шуток о своих махатмах, это невозможно. Евреи шутят шулки даже о своих раввинах; о раввинах они шутят больше шуток, чем о ком-либо другом. Это показывает близость, это показывает любовь и уважение, помни. Это показывает, что раввин не посторонний, он участник.

В еврейском сообществе была служба. Она собирала деньги на синагогу — синагога была в плохом состоянии, — поэтому они продавали лотерейные билеты. Наконец наступил день, когда должны были быть выданы три первых приза.

Вызвали первого человека и объявили, что он получает Линкольн Континентал — это был третий приз. Прекрасная машина стояла на сцене. Это был третий приз.

Тогда вызвали второго человека, который получил второй приз — ему дали только большой торт. Он надеялся, что ему дадут как минимум самолет. Третьим призом был

Линкольн Континентал, а вторым — торт! Он спросил человека, который распределял призы, не сошел ли он с ума.

— Ты не понимаешь, — ответил человек. — Этот торт был приготовлен самой матерью раввина.

— ... его мать! — сказал человек в раздражении.

— Но это первый приз!

Только евреи могут шутить такие шутки; это показывает близость, это показывает уважение, любовь. Раввин является частью сообщества.

Трое пострадавших в авиакатастрофе в Африке лежали в марокканской больнице. В Марокко пастухам разрешается пригонять стада в город пастись — чтобы не подстригать газоны.

Три месяца они были прикованы к больничной постели, и однажды один из них, христианин, выглянул в окно. За окном стадо овец наслаждалось обедом.

Христианин показал на упитанную овцу и воскликнул:

— Я бы хотел, чтобы это была Элизабет Тэйлор!

---

¹ There was a function in a Jewish community. They were raising money for the synagogue—the synagogue was in bad condition—so they had sold tickets for a lottery. And now the day had come when the first three prizes were going to be distributed.

A man was called and it was declared that he had got the third prize—a Lincoln Continental. The beautiful car was there on the stage. That was the third prize.

Then the man was called who had got the second prize—he was given just a big cake. He was hoping that he might be given an aeroplane or something. The third prize was a Lincoln Continental and the second prize was a cake! He said to the man who was distributing the prizes, "Are you mad?"

But the man said, "You don't understand. The cake was prepared by the rabbi's wife herself."

The man was so angry he said, "Fuck the rabbi's wife!"

And the man said, "But that is the first prize."

Второй, который оказался мусульманином, сказал:

— Я хотел бы, чтобы это был Ракель Уэлш!

Третий, еврей, сказал:

— А я просто хочу, чтобы было темно.

Четвертый вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Ты сказал однажды, что профессия актера самая духовная, и теперь у нас есть театральная группа. Не скажешь ли Ты что-нибудь об игре?

Кришна Прем,
Профессия актера действительно самая духовная по той простой причине, что актеру приходится жить в парадоксе: он должен отождествиться с той ролью, которую он играет, и в то же время оставаться наблюдателем.

Если он играет Гамлета, он должен абсолютно вовлечься в то, чтобы быть Гамлетом, он должен совершенно забыть себя в своей игре и все же, в глубочайшем ядре своего существа он должен оставаться зрителем, наблюдателем. Если он действительно абсолютно отождествится с Гамлетом, проблемы неизбежны.

В Индии самое популярное писание индуистов — Рамаяна, история Рамы. Каждый год ее разыгрывают по всей стране; ее играли тысячи лет, и в каждой деревне есть маленький театр, в котором играют Рамалилу. В Рамалиле Рама, один из героев — воплощение Бога, а Равана, его противник — воплощение Дьявола. Происходит борьба между светом и тьмой; это притча.

Рама женится на Сите, одной из самых красивых женщин того времени. В то время о свадьбах не договаривались; они назывались *сваямварами*. Сваямвара значит, что женщина свободна выбирать, и женщины, в особенности из

королевских семей, ставили условия. Выбор падал на того, кто выполнит условие.

Сита поставила условие, что ее избранник должен сломать лук Шивы голыми руками. Этот лук Шивы был такой крепкий, сделанный из такой стали, что никто не мог даже согнуть его, не говоря уже о том, чтобы его сломать.

Собрались все принцы страны. Пришли Рама и Равана. Равана был королем Шри Ланки, и в лагере отца Ситы все очень боялись, что Равана победит в состязании. Это было очень вероятно, потому что он был самым сильным. К тому же он был преданным Шивы, и его преданность была такова, что однажды Шива явился ему и сказал, что он сделает для него все, что он попросит.

У Раваны было десять голов, прекрасная метафора, десять лиц, как и у каждого. У кого может быть только одно лицо? — только у будды, оригинальное лицо; у всех остальных много лиц. Тебе нужно одно лицо для своей жены, другое — для своей любовницы. Ты не можешь иметь дело с ними обеими с одним и тем же лицом. Тебе нужно одно лицо для своего слуги, другое — для начальника. Если рядом и начальник, и слуга, когда ты смотришь налево, на слугу, ты показываешь ему одно лицо, а когда ты смотришь направо, на начальника, ты показываешь ему другое лицо; ты начинаешь улыбаться и вилять хвостом.

Говорят, у Раваны было десять лиц. Он попросил Шиву:

— Благослови меня, чтобы если отрубили одну из моих голов, она тут же вырастала снова, и у меня всегда было десять голов, не меньше.

И Шива благословил его; такой преданный Шивы, такой сильный, что ему нельзя отрубить голову — она тут же снова отрастала. Его силы боялись, очень боялись. Он мог победить в состязании.

И Джанака, отец Ситы, был очень встревожен. Нужно было что-то предпринять, и был составлен заговор. Когда перед состязанием собрались все принцы, и принесли лук, к Раване подбежал подставной гонец и сказал:

— Что ты здесь делаешь? Вся твоя страна в огне. Шри Ланка горит!

И он тотчас же бросился в Шри Ланку. Тем временем Рама победил в состязании и женился на Сите. Вот и вся история.

В одной деревне случилось так, что когда играли эту пьесу, прибежал гонец и сказал Раване, что его страна в огне, он ответил:

— Ну и пусть! Мне все равно. На этот раз я женюсь на Сите. С меня довольно!

На самом деле этот человек был всегда влюблен в женщину, которая играла Ситу — в глубине своего сердца. Он совершенно забыл о пьесе; он совершенно отождествился. Она стала реальностью. Он встал... теперь это уже не был настоящий лук Шивы, это был лук, который сделал деревенский плотник. Прежде чем кто-то смог ему помешать, он разломал его на куски и выбросил. Тогда он сказал Джанаке:

— Где Сита?

Что ты будешь делать с таким человеком? Вся аудитория была просто потрясена. Он завершил всю историю, потому что теперь не могло быть никакого продолжения. Вся история держится на том, что Равана уезжает, Рама женится, и тогда начинается борьба, когда Равана похищает Ситу, начинается война и все остальное. Но если Равана женится на Сите, все кончено в две минуты — а это только начало, первый акт. Человек, который играл Равану, был самым сильным в деревне, естественно, а Рама был только мальчик. Он мог победить Раму одной рукой!

На мгновение воцарилась полная тишина. Но Джанака, отец Ситы, был старым и опытным человеком; он играл эту роль много раз. Он сказал:

— Кажется, мои слуги принесли не тот лук. Это не настоящий лук, спустите занавес и принесите настоящий лук!

Занавес опустился... вынести Равану смогли только десять человек, потому что он кричал, и в зале было слышно:

— Где Сита? В этот раз я не проиграю!

Как-то им удалось дать ему транквилизаторы, снотворное — иначе он пришел бы обратно и устроил разгром, — а его роль пришлось играть кому-то другому. Он слишком отождествился. Он забыл, что это только игра.

Настоящий актер должен жить в парадоксе: он должен играть так, будто бы он является тем, что он играет, и все же глубоко внутри знать: «Я не это». Вот почему я говорю, что профессия актера — самая духовная профессия.

Действительно духовный человек трансформирует всю свою жизнь в игру. Тогда вся эта земля это лишь сцена, а все эти люди это не кто другие, как актеры, и все они разыгрывают пьесу. Тогда, если ты нищий, играй свою роль так красиво, как только можешь, если ты король, играй свою роль так красиво, как ты только можешь. Но глубоко внутри нищий знает: «Я не это», король знает: «Я не это».

Если и король, и нищий знают: «То, что я делаю, это только игра; это не я, не моя реальность», они оба прибывают к самому центру своего существа, который я называю свидетельствованием. Тогда они и играют в представлении, и свидетельствуют.

Поэтому, Кришна Прем, профессия актера, несомненно, самая духовная из профессий, и все духовные люди это не кто другие, как актеры. Вся земля это их сцена, вся жизнь это не что иное, как драматическая постановка.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Кажется, никто не понимает меня, кроме Тебя. Я был у психологов, но кажется, они не понимают меня.*

Почему и как Тебе удастся понимать все типы людей?

Гатха,

Самый основной секрет в том, что я вообще никогда не пытаюсь их понять. Я просто смотрю на них, я люблю их, я принимаю их, как они есть. Само усилие понять другого человека означает низвести его до объекта исследования; это безнравственно. Он становится объектом. А низвести человека до объекта это самое уродливое, что ты можешь с кем-то сделать. Кто ты такой, чтобы понимать другого? Пойми себя, потому что здесь объект и субъект едины; наблюдатель и наблюдаемое едины. Здесь знающий и познаваемое едины.

Но как ты можешь узнать другого? Ты можешь любить, и через любовь случится это чудо. Если тылюбишь другого, само собой возникает великое понимание. Дело не в том, что ты пытаешься понять другого: ты просто любишь другого таким, какой он есть, без всяких суждений.

Психоаналитик не понять тебя, Гатха, потому что у него есть свои собственные суждения. Прежде чем ты успел что-то сказать, он уже составил суждение о тебе по тому, как ты вошел, по тому, как ты сел на стул. Он наблюдает за тобой, он научился всем этим стратегиям, языку тела; он уже низвел тебя до объекта. Он не позволит случиться любви; он уже далеко, он — исследователь, научный исследователь. Ты — морская свинка; он оскорбляет тебя, обижает тебя.

Говорят, что психоаналитик это человек, которых смотрит на других, когда в комнату входит красивая женщина. Он не смотрит на красивую женщину, он смотрит на других — что они чувствуют по поводу этой красивой женщины, что они думают об этой красивой женщине. Весь его интерес в том, чтобы проникнуть в тайну людей, почему и как... Он хочет низвести все до управляемого знания.

В то мгновение, когда ты ложишься на кушетку психоаналитика, он низводит тебя ниже человеческого

уровня. Фактически, когда ты лежишь на кушетке, ты многое теряешь. Это хорошая поза для сна, ты более уязвим для бессознательного; ты становишься беззащитным, уязвимым. А психоаналитик или психиатр стоит за шторой, чтобы его присутствие не заставляло тебя быть начеку. Он хочет, чтобы ты потерял бдительность, насколько это возможно, чтобы в этом состоянии ты мог выболтать многие вещи, которых бы ты иначе не сказал никому другому. Он хочет проникнуть в твоё бессознательное; он хочет отпереть тебя. Он обращается с тобой, как будто ты машина.

И затем немедленно он определяет одно как комплекс неполноценности, другое как шизофрению, это как невроз, то как психоз. Ты устранен; теперь он будет лечить ярлыки, которые он на тебя приклеил — он не общается с человеком, он общается с этими ярлыками. Он не может тебя понять. Фактически, он не понимает даже самого себя, а первое требование, чтобы понять кого-нибудь в этом мире, это понять себя.

Если ты понимаешь себя, ты никогда не попытаешься понять никого другого. Ты будешь любить, ты будешь принимать, и твоё принятие и любовь будут безусловны. Моя любовь к тебе безусловна, я не ставлю никаких условий. Я не заставляю тебя следовать никакой дисциплине; я хочу, чтобы ты был самим собой, полностью самим собой. Я даю тебе полную свободу быть самим собой. Я всеми способами поддерживаю тебя, чтобы ты мог быть независимым.

Психоаналитик в действительности не делает тебя независимым; он делает тебя все более и более зависимым, чтобы психоанализ продолжал растягиваться на годы и годы. И когда ты устаешь от одного психоаналитика, ты идешь к другому. Это становится твоим стилем жизни — ходить от одного психоаналитика к другому.

Эти психоаналитики живут в таком же страдании, как и ты; это не другие люди, они не могут быть другими, потому что отличие может быть только одно — любовь, и

ее нет. Лишь одна вещь может трансформировать человека — медитация, и ее нет.

Зигмунд Фрейд ничего не знал о медитации; все это было интеллектуальным анализом. Он действительно боялся медитации, боялся попасть в необозначенные на картах, в неизведанные моря.

Анализ у тебя в руках; это умственная вещь. Психоаналитик находится в той же лодке, что и ты.

Разочарованный человек в конце концов оказывается у психоаналитика. Когда его вызывают, он объясняет:

— Все игнорируют меня. Иногда мне кажется, что меня вообще нет, что я воздух, что меня просто не замечают...

Психиатр встает, открывает дверь и говорит:

— Следующий, пожалуйста!

Он ничем не отличается от тебя. Конечно, он знающий, но не мудрый. Он страдает теми же проблемами, что и ты: гнев, ревность, чувство собственности. Даже величайшие психоаналитики, такие как Райх, один из величайших в этом веке... Его жена в своих мемуарах о Райхе написала, что он так много говорил о том, как избавиться от ревности, он так много говорил о свободе в сексе. А что касалось его, он был со многими женщинами, но никогда не позволял никакой свободы своей жене. Он был так подозрителен и властен, что вскрывал письма своей жены. Он все время присматривал за ней; он говорил детям замечать, кто приходит домой, когда его нет дома.

И этот человек говорил о том, чтобы избавиться от ревности, собственничества, и он действительно был великим интеллектуалом, но что касалось его жены, он вел себя точно так же. И многие последователи Райха продолжают повторять за ним, не зная, каким он был на самом деле.

Однажды вечером жена одного очень известного психоаналитика принимала гостей.

В какой-то момент вечеринки в комнату вбежал ее десятилетний сын, облаченный в декольтированное вечернее платье, с накрашенными губами, в туфлях на высоком каблучке и шляпе с плюмажем.

Естественно, женщина была потрясена.

— Родни! — крикнула она. — Гадкий, гадкий ребенок! Сейчас же отправляйся наверх и сними одежду отца, пока он не пришел и не увидел тебя!

Они не могут тебя понять. Фактически, никто не может тебя понять, кроме просветленного, Будды, Иисуса, Лао-цзы — но не Фрейд, Юнг, Адлер, они не могут тебя понять. У них еще нет света в их существах; они не могут излить на тебя этот свет. Они в действительности не подлинны люди; они так же не подлинны, как и ты, так же глупы, как и ты.

Во время прекрасной прогулки по Гималаям отец, известный психоаналитик, внезапно слышит крик своего сына, падающего в трещину в леднике.

— Джонни! — кричит он в отчаянии. — Не двигайся, я принесу веревку и вытащу тебя!

Через несколько часов он возвращается с веревкой. Бросив ее вниз, он кричит:

— Джонни, хватай веревку.

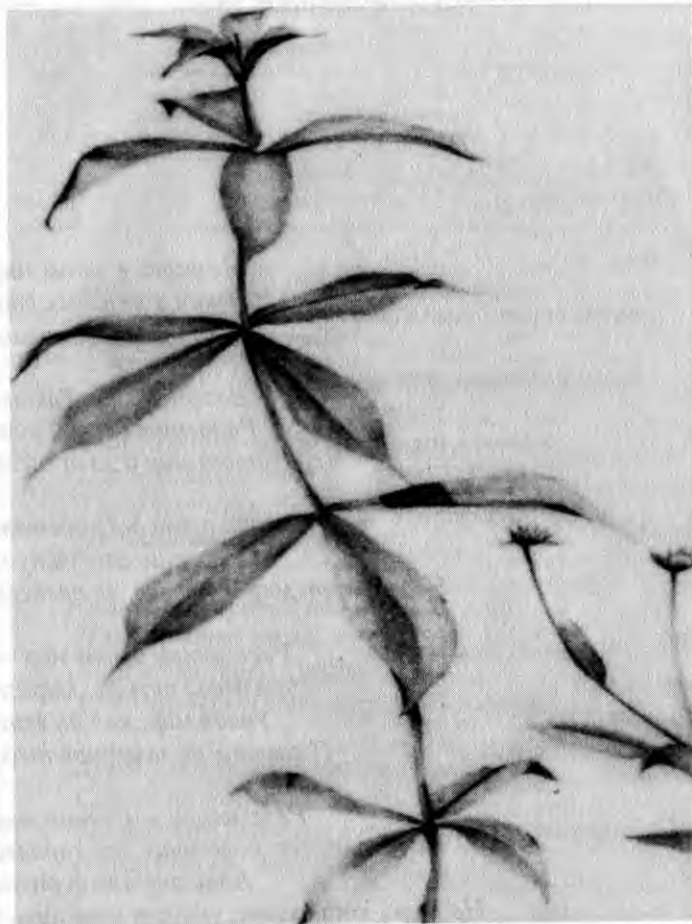
— Папа, у меня больше нет рук, — слышится далекий голос.

— У тебя есть зубы, вцепись в нее зубами, и я тебя вытащу. Мало-помалу, метр за метром, Джонни продвигается все выше. Когда остается совсем немного, отец спрашивает:

— Джонни, ты в порядке?

— Да-а-аааааааааааааааааа!

На сегодня достаточно.

Глава 9
Войти В Поток

Не живи в этом мире
Среди развлечений и ложных снов,
Вне закона.

Восстань и наблюдай.
Радостно следуй пути
Через этот мир и за пределы.

Следуй пути добродетели.
Радостно следуй пути
Через этот мир и дальше, за пределы!

Рассмотри этот мир —
Мыльный пузырь, мираж.
Увидь мир, как он есть,
И смерть не заметит тебя.

Рассмотри же этот мир,
Нарисованную колесницу для королей,
Ловушку для дураков.
Но тот, кто видит, уходит свободным.

Как луна выскальзывает из-за облака
И сияет,
Так мастер выходит из-за своего невежества
И сияет.

Этот мир — во тьме.
Как мало тех, у кого есть глаза, чтобы видеть!
Как мало птиц,
Которые ускользают из сети и летят в небо!

Лебеди поднимаются и летят к солнцу.
Какое волшебство!
Так и чистые побеждают армии иллюзий,
Поднимаются и летят.

Если ты смеешься над небом
И нарушаешь закон,
Если твои слова лживы,
Куда приведет тебя это заблуждение?

Дурак смеется над щедростью.
Скряге не войти в небеса.
Но радость мастера в том, чтобы отдавать,
И счастье ему наградой.

И более того —
Лучше всех радостей
Земли и небес,
Лучше даже владычества
Над всеми мирами
Радость соединения с потоком.

Первая сутра:

*Не живи в этом мире
Среди развлечений и ложных снов,
Вне закона.*

Это одна из самых неверно понимаемых сутр Будды. Веками буддисты считали, что Будда говорит: «Отрекись от мира», что Будда против мира, что он отрицает жизнь, что он хочет, чтобы все стали эскапистами. Но не в этом смысл этой сутры; смысл этой сутры совершенно другой.

Эта сутра говорит: *Не живи в мире среди развлечений и ложных снов, вне закона.* Они не говорят: Не живи в мире. Она говорит: живи в мире, но не живи в развлечениях и ложных снах. Живи в мире, но не живи вне закона жизни и существования. Живи в мире, но будь не от мира. Живи в мире, но не позволяй миру жить в тебе.

Если бы эту сутру поняли так, как я ее понимаю, вся история буддизма была бы совершенно другой, и не только история буддизма, но и все человечество было бы совершенно другим. Поскольку эту сутра была понята как отрицающая мир, буддисты стали жизнеотрицающими. Они стали более заинтересованы в смерти, чем в жизни. Они стали более заинтересованы в самоубийстве — медленном самоубийстве, постепенном самоубийстве. Самоубийство стало их целью. Это извращение — извращение великого мастера и его слов.

Его слова ясны: *Не живи в этом мире среди развлечений и ложных снов, вне закона.* Живи в мире без развлечений, без снов, в единении с законом. Его выражение немного отрицательно. Его выражения всегда немного отрицательны, и для этого есть определенная причина. Вместо того, чтобы говорить утвердительно, Будда всегда говорит то же самое способом отрицания. Причина в том, что когда ты что-то утверждаешь, это становится таким определенным, таким вещественным, что люди имеют тен-

денцию следовать этому слепо; поэтому Будда использует отрицательные выражения. Этот способ дает тебе свободу анализировать, медитировать, выяснять самому. Он никогда не говорит, что есть, он всегда говорит, чего нет; он определяет через отрицание. Это прекрасное средство для тех, кто понимает, но для тех, кто не понимает, это средство опасно, потому что они станут жертвами отрицания.

Будде пришлось выбрать отрицательный способ выражения, потому что до него веками религии выражали себя утвердительным способом, и это утверждение стало бременем на существе людей. Он изменил все выражение религии. Он не говорил: божественность есть; он лишь говорил: Стань абсолютно пустым, и ты увидишь то, что есть. Это просто очень туманное указание на путь, чтобы ты не мог уцепиться за него. Иначе люди всегда цепляются: они хватаются за что-то, чтобы это иметь.

Будда очень обманчив, ты не можешь его поймать. Он говорит: Будь пустым и видь. Он говорит: Пусть у тебя не будет ума, и тогда увидь. Он никогда не определяет в точности, что случится, когда у тебя не будет ума. Он знает, что если он скажет, что случится, когда у тебя не будет ума, ты начнешь желать этого. А желать значит никогда не достичь, потому что желание это процесс ума.

Например, если Будда скажет, как говорят Упанишады, что когда нет ума, это будет великим блаженством... когда ты это слышишь, в тебе обязательно возникает великое желание. Но желание есть ум, даже желание блаженства. Если, как Упанишады, Будда говорит: Если ты отбросишь ум, ты найдешь божественность, свободу, абсолютную свободу — немедленно через черный ход входит желание: «Как достичь этой вечности, этого бессмертия, этой радости, этого божественности? Как достичь этого рая?»

Теперь отбросить ум будет невозможно. Ум принял новую форму, новое желание, новые одежды, но это тот же старый ум. Сначала он хотел денег, власти, престижа; теперь он хочет божественного, самадхи, просветления, бла-

женства, истины, свободы. Объекты изменились — но ум не состоит в объектах; ум состоит в процессе желания.

Поэтому Будда никогда не дает тебе объекта желания; он отбирает все объекты. Это может быть сделано лишь через отрицание. И он оставляет тебя в пустоте... но эта пустота не настоящая пустота. Как раз наоборот: это наполненность, это изобилие, это переполнение блаженством, божественным, любовью. Но Будда никогда этого не скажет, в этом он очень сознателен — потому что веками утвердительное отвлекало людей.

Миллионы людей на востоке стали желать иного мира, другого берега — настолько, что само желание другого берега стало для них преградой. Чтобы разрушить эту преграду, чтобы удалить это препятствие, Будда использует отрицательный способ.

Но человек такой дурак! Мастера движутся очень осторожно, они предпринимают каждый шаг так осторожно, потому что человек такой дурак. Они принимают все меры предосторожности, чтобы не использовать ни единого слова, которое может быть неверно истолковано — но все слова могут быть неверно истолкованы! Человек так несознателен, что ожидать, что он поймет все правильно, значит ждать от него слишком много. Он обязательно поймет все неправильно; в несознательности непонимание это единственная возможность.

Упанишады были правы, но они были неправильно поняты из-за своего утвердительного подхода. Люди стали слишком распушенными: «Если жизнь божественна, тогда потакай божественному, как только можно!» Это логическое заключение: «Если существование божественно, тогда ешь, пей и веселись! Если быть значит быть божественным, наслаждайся жизнью, пусть твоя жизнь будет сплошным весельем. Все божественно. Упанишады говорят: *Сарвам Кхалвидам Брахма* — все божественно. Если все божественно, почему бы не собрать как можно больше денег? — потому что деньги божественны!»

Видите, как все продолжает искажать бессознательный ум: «Если все божественно, почему бы не добиться больше власти, больше престижа? Почему не продолжать великие путешествия эго? Если все божественно, тогда божественно и эго!» Упанишады говорят: Ахам Брахмасми — Я есть божественное. Услышав это в глубокой бессознательности, мы понимаем так, что Упанишады говорят, что эго божественно, потому что для нас «я» и «эго» это синонимы. Упанишады понимаемы неверно из-за своего утверждения, полного утверждения.

Будда неверно понимаем из-за своего отрицания, полного отрицания. Он перешел из одной крайности в другую. Он использовал только отрицательные выражения. *Не живи в этом мире среди развлечений и ложных снов, вне закона.* Он мог сказать это более утвердительно: *Живи в мире без развлечений, без снов. Живи в мире в соответствии с высшим законом. Эс дхаммо санантано* — живи в соответствии с вечным законом. Но он выбрал другое. Он увидел, что утвердительное становится тюрьмой, и необходимо разрушить это утвердительное. Ты можешь разрушить утвердительное, и некоторое время, пока мастер жив, люди будут понимать его отрицательный подход, потому что он может его объяснить. Но что, если его больше нет? Отрицательное становится твоим заключением.

Индуистские саньясины попались в ловушку утвердительного, а буддистские *бхиккху* — в ловушку отрицательного.

Мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь тебе понять то и другое, понять свою способность к непониманию. Будь бдителен; иначе каждое слово превратится во что-то другое, чего никто никогда не имел в виду.

Цирковой осминог умел играть на пианино, ситаре и флейте пикколо. Его дрессировщик захотел добавить к его навыкам еще один: игру на вольнке, поэтому он поместил этот шотландский инструмент в комнату осминога,

чтобы тот научился играть. Прошли часы, но никакой музыки так и не донеслось.

Дрессировщик был обеспокоен. На следующее утро он озабоченно спросил осминога:

— Ты научился играть¹ на этой штуке?

— Играть? Я всю ночь пытался с ней скреститься²!

Осминогу это простительно — это непростительно тебе. Но люди ведут себя так же, невероятно бессознательно. Даже если они иногда приходят в сознание, их сознание все равно смешано с бессознательностью. Даже если они бдительны, их бдительность не чиста. Даже если они наблюдательны, в их наблюдательности есть что-то не то.

Мак-Брайд и Кавану сидели в кафе под табличкой: «К оставляйте без присмотра свою шляпу и пальто». Мак-Брайд оглядывался каждую минуту, почти даваясь едой, чтобы посмотреть, на месте ли его пальто.

Кавану продолжал есть, ни обращая ни малейшего внимания на свое пальто на крючке. Но то, что Мак-Брайд постоянно вертелся по сторонам, стало его раздражать.

— Перестань все время смотреть на наши пальто, как придурок! — сказал он.

— Я смотрю только на свое, — ответил Мак-Брайд. — Твоего уже полчаса как нет!

Человек находится в состоянии беспорядка, хаоса! Великая работа нужна, чтобы привести тебя к настоящей бдительности. И первая сутра это начало настоящей работы: Не живи в мире среди развлечений и ложных снов...

Твой ум постоянно создает развлечения. Просто понаблюдай за умом, и ты поймешь, что говорит Будда. Он никогда не позволяет тебе сидеть в молчании и несколько секунд. Если ты сидишь в молчании, он скажет:

¹ англ. play

² англ. lay

«Почему бы не послушать радио? Должно быть, уже принесли газету, принесли почту. Почему бы не сходить в кино? Почему бы не посмотреть телевизор?» Когда ты в магазине, ум говорит: «Иди домой, ты устал». Если ты дома, твой ум говорит: «Что ты здесь делаешь, тратишь впустую время? Иди в магазин — ты мог бы что-то заработать!»

Ум никогда не позволяет тебе быть там, где ты есть, он никогда не позволяет тебе видеть вещи, как они есть. Он все время тянет тебя куда-то в другое место, или в прошлое, или в будущее; он никогда не позволит тебе быть в настоящем. Либо он тащит тебя в воспоминания — которые есть не что иное, как следы на песке времени, — либо в будущее: великие проекции, великие ожидания, желания, цели... И ты так увлекаешься ими — как будто они имеют какую-то реальность! А реальность ускользает у тебя из рук, пока ты занимаешься всеми этими путешествиями в прошлое и будущее.

Ум никогда не позволяет и не позволит тебе увидеть то, что есть; он всегда тянет тебя к тому, чего нет.

Эдит жаловалась своей подруге Роуз на то, что ее муж не проявляет никакого интереса к сексу. Каждый вечер он просто сидит и молча смотрит телевизор. Роуз сказала, что она должна сделать себя более привлекательной и как-нибудь взволновать его.

Поэтому следующим вечером Эдит надушилась самыми чарующими духами, не одев на себя ничего кроме туфель, шляпы, перчаток и сумочки. Она вошла в гостиную и небрежно прошлась по ней. Глаза ее мужа были по-прежнему прикованы к телевизору. Она кашлянула, и в конце концов он посмотрел на нее.

— Мм, ты куда-то идешь?

— Конечно! — ответила она саркастически.

— Отлично, — сказал он. — Я как раз подумал, не отправишь ли ты по дороге это письмо.

Он не здесь. Он не видит женщину, он не видит, что она голая. Он вообще не здесь! Никто не здесь — все где-то в другом месте.

Древние суфии говорили, что Бог хочет тебя встретить, и он приходит всюду, где он думает, что ты находишься, но он никогда не находит тебя там. Ты всегда где-то в другом месте. Он приходит в настоящем — а ты в прошлом, ты в будущем. Он знает лишь одно время: сейчас, и лишь одно место: здесь. Но ты никогда не здесь и никогда не сейчас; ты всегда там и всегда тогда. Встреча невозможна. Он не знает никакого времени, кроме настоящего, и никакого другого места, кроме этого самого места. Он живет в это-ности, так-овости. Слово Будды *tatkhata* — он живет в так-овости, в татхате.

Одно из имен Будды — Татхагата, тот, кто живет в так-овости, тот, кто становится свободным от всех развлечений ума. И чудо в том, что ум состоит только из развлечений, поэтому, когда ты свободен от всех развлечений, не остается никакого ума. В настоящем нет ума. В настоящем есть лишь сознание, осознанность, наблюдение.

Живи в мире, но не через ум. Не позволяй прошлому и будущему стоять между тобой и реальностью. И если у тебя получается состояние не-ума хотя бы на несколько мгновений, — в этом вся медитация, — ты будешь удивлен: внезапно ты попадаешь в ритм с существованием. Ты узнаешь, что Будда называет *эс дхаммо санантано* — вечным законом. Ты будешь пульсировать с ним, вибрировать с ним. Ты будешь просто волной в великом океане закона. Ты будешь в такой сонастроенности, в таком единстве, в такой глубокой гармонии и созвучии, что все небо начнет осыпать тебя цветами, все существование будет радоваться с тобой.

Это рай: рай это состояние не-ума. Будда называет это лотосовым раем, потому что твое сознание раскрывается как лотос в утреннем солнце, и распространяется великий аромат, великая красота, великая грация.

Но помни, это не значит отречься от мира, как говорили веками все комментаторы. Он говорит: Отрекись от ума — ум есть мир! Отрекись от развлечений, отречься от снов — потому что, если ты живешь в снах, ты не можешь видеть реальность. Твои глаза покрыты пылью снов в много слоев. Сны, сны и сны, тебя окружает столько снов, что ты не можешь увидеть, какова реальность. Твои священники помогают тебе создавать новые сны, твои психологи помогают тебе создавать новые сны. Если они отбирают у тебя один сон, они туту же заменяют его другим.

Это вся основа науки гипноза: человека можно убедить поверить во что-то абсолютно ложное. Гипноз показывает способность человека впадать в такие сны, в такие нереальные вещи, что на поверхности это кажется невероятным.

Видел ли ты представление гипнотизера? Если он говорит человеку: «Ты не человек, а собака», человек верит в это — если он правильно загипнотизирован, если он был гипнозом погружен в глубокий сон. Гипноз означает созданный сон, намеренно созданный сон. Если он правильно загипнотизирован, и ему сказали, что он собака, он начнет лаять как собака! Он мог никогда не делать этого раньше, но он сможет сделать это немедленно. Он верит в это, и в то мгновение, когда ты во что-то веришь, ты этим становишься. Конечно, твое верование ложно, твое становление ложно.

Психологи начинают понимать, что почти девяносто девять процентов болезней это только верования. Насколько понимаю я, если они пойдут в это глубже, они обнаружат, что почти девяносто девять процентов болезней это верования. Возможно, в первый раз это была настоящая болезнь, но потом ты начал в нее верить, ты начал ее проецировать, ты начал ее повторять, репетировать, практиковать. И мало-помалу она стала для тебя реальностью.

Сходи как-нибудь в сумасшедший дом и понаблюдай за людьми. Они такие же как ты, но только немного

опередили тебя — разница только в степени. Ты можешь быть ниже точки кипения, возможно, девяносто девять градусов, а они, возможно, перешли за черту — сто один градус, — разница только в один или два градуса.

Сумасшедшие продолжают жить в своих собственных мирах; они создают свои собственные миры и верят в свои собственные миры. Они верят в них настолько, что ты не можешь вытащить их из их снов. Их сны стали реальностью — в этом их безумие.

Я слышал об одном человеке, который сошел с ума и стал думать, что он умер. Весь психологический отдел института пытался вытащить его из этой идеи о том, что он мертв. Для них это было вызовом, это было что-то новое — они никогда не сталкивались с таким случаем.

Они испробовали все, но это было невозможно, потому что сумасшедшие могут быть сумасшедшими, но они так же логичны, как и ты. У них есть собственная логика, собственная рациональность; они обладают огромной способностью рационализировать все, что они делают.

В конце концов пришлось позвать на помощь великого психолога из другого места. Прибыл великий психолог; он поговорил с этим человеком, он задал ему единственный вопрос:

— Может ли из мертвого человека течь кровь?

— Нет, никогда! — сказал тот. — Как может течь кровь из мертвого человека? Как только он мертв... из трупа не может течь кровь.

Тогда психолог сказал:

— Пойдем со мной!

Он подвел его к зеркалу и проколол ему руку острым инструментом — потекла кровь. Он сказал:

— Смотри! Это доказывает, что ты еще жив!

Сумасшедший рассмеялся и сказал:

— Это только доказывает, что я ошибался — из мертвого течет кровь.

Невозможно их переубедить! И то же самое с вами. Насколько это касается будд, то же самое и с вами. Вытащить вас из ваших умов, помочь вам выкарабкаться из ваших снов — это действительно трудно.

Гипноз использует другой метод, но это не метод будд. Он дает тебе другой сон, возможно, немного лучший — немного более изощренный, немного менее опасный, менее вредный, более полезный — но это по-прежнему сон. Снится ли тебе яд или нектар, не имеет большого значения; по меньшей мере, это не имеет значения для человека, который стал пробужденным.

Обычно это имеет значение: человек, который верит в то, что он пьет яд, остается больным; человек, который думает, что он пьет нектар, всегда выглядит здоровым, радостным. Да, в обычном представлении разница есть. Поэтому гипноз имеет ограниченное применение: если тебя нельзя вытащить из твоих снов, по крайней мере, тебе можно помочь переместиться из кошмаров в сладкие сны. В этом функция гипноза.

Джин очень беспокоили хронические головные боли, для которых ее врач не мог найти причины. В конце концов Джин решила сходить на консультацию к гипнотизеру. Поразительно, но через два сеанса головные боли прошли. Ее муж, Бен, был заинтригован и спросил, как проходило лечение.

Джин ответила:

— Все, что мне пришлось сделать, это положить руку себе на лоб и повторять: «У меня не болит голова, у меня не болит голова».

Через несколько месяцев Бен обнаружил, что он стал терять интерес к физической стороне своего брака, и решил обратиться за помощью к тому же самому гипнотизеру. Он так и сделал, и результат был поразителен.

Джин пришла в восторг и спросила, как это получилось, но Бен отказался рассказать об этом. В конце концов од-

нажды вечером Джин обратила внимание, что прежде чем лечь в постель Бен остается в ванной очень долгое время.

Она подкралась к ванной на цыпочках и заглянула в замочную скважину. Одна его рука лежала на лбу, его губы двигались. Приложив ухо к замочной скважине, она услышала слова:

— Это не моя жена, это не моя жена...

Это создает новую обусловленность. Ты переходишь из одной тюрьмы в другую — может быть, в лучшую, с большими возможностями, но тюрьма есть тюрьма, в конце концов. А будды хотят, чтобы ты был свободен от всех тюрем.

Не живи в этом мире среди развлечений и ложных снов, вне закона.

Восстань и наблюдай.

Радостно следуй пути

Через этот мир и за пределы.

Можно увидеть, насколько Будда был непонят. Нельзя найти радостных буддистских бхиккху, их вообще нет. Они очень печальны, мрачны, они живут почти безнадежно, в отчаянии. Они не могут найти ничего, чему можно радоваться, потому что с самого начала они пошли по неправильному пути.

Будда говорит: *Восстань и наблюдай*. Но как выйти из ума с его развлечениями и снами? *Восстань и наблюдай*. Проснись и наблюдай! Наблюдай свой ум — что он продолжает с тобой делать, как он играет с тобой в игры, как он продолжает создавать для тебя новые и новые иллюзии, новые надежды. Будда не говорит предаваться безнадежности, он не говорит впадать в отчаяние — потому что снова это стратегия ума: отчаяние, тоска, тревога.

Бегство это снова игра ума. Ты принадлежишь миру; ум говорит:

— В мире ничего нет. Послушай будд. Убег от мира, иди в гималайские пещеры, и все будет в полном порядке. В этом мире ничего никогда не может быть в порядке.

Теперь ум дает тебе новую проекцию, новый проект.

Будда говорит: Не следуй уму — отсоедини себя от ума. Увидь, что ум отделен от тебя: играющий с тобой, создающий новые игры — заманчивые, чарующие игры, в которые ты снова можешь попасться.

Радостно следуй пути... И если ты действительно следуешь пробужденным, ты будешь следовать радостно, потому что человек без развлечений и снов естественно радостен. Дело не в том, что у него есть чему радоваться, дело не в том, что он накопил много денег, власти, престижа или способностей творить чудеса — способность ходить по воде, излечивать слепых, воскрешать мертвых. Нет, у него нет причин для радости. Но поскольку все отвращения ума исчезли, вся энергия, вовлеченная в эти отвращения, высвобождается — и эта энергия есть радость.

Уильям Блэйк прав. Он говорит: Энергия это наслаждение. У Уильяма Блэйка было много прекрасных озарений. Это один из величайших поэтов, рожденных западом. Лишь еще несколько шагов, и он стал бы просветленным. Эти два поэта — Уолт Уитмен и Уильям Блэйк, — они могли бы быть *риши*, мудрецами. Лишь несколько шагов, возможно, только один шаг, прыжок... но они подошли очень близко к границе реализации.

Уильям Блэйк говорит: Энергия есть наслаждение. Он прав — это великое откровение. Этого нельзя сказать без всякого опыта, как мал бы он ни был.

Твоя радость всегда имеет внешнюю причину. Ты выиграл в лотерею и радуешься; ты купил дом, который хотел купить много лет — и ты счастлив; ты нашел женщину, которую хотел, и ты счастлив. Но это мгновенное счастье. Через два или три дня дом станет старым, через несколько дней женщина будет казаться обыкновенной.

Сколько человек может оставаться заинтересованным в женщине или мужчине? Поскольку это внешняя привлекательность, рано или поздно реальность будет открыта.

Нацистский лидер, Геринг, на очень важном государственном обеде сидел рядом со светловолосой арийской фройляйн. Во время десерта он почувствовал ее ногу под столом. Его рука начала двигаться по ее ляжке вверх, и он услышал шепот:

— Не удивляйся, когда ты нащупаешь мои яйца — я секретный агент Икс-7.

То, чем вещи кажутся снаружи, это одно; то, что ты находишь внутри, это совершенно другое. Ты можешь влюбиться в секретного агента! Каждого ждет сюрприз.

Когда ты влюбляешься в женщину, это человек совершенно другого рода. Когда ты женишься на ней, ты к своему удивлению находишь, что это больше не такой человек. Иногда ты подозреваешь: что случилось? Не обманула ли она тебя? Но она тоже в такой же ситуации. Она обеспокоена: куда делся этот замечательный мужчина?

Есть старые истории о том, как лягушки становятся прекрасными принцами. Мой собственный опыт говорит о прямо противоположном: ты приводишь домой прекрасную принцессу и на следующее утро находишь лягушку! Принцесса исчезает и становится лягушкой — все принцессы, всегда. В этих историях есть доля правды. Если лягушки могут становиться принцессами, почему не наоборот? Никто никогда не видел, чтобы лягушка стала принцессой, но каждый видел, как множество принцесс превратилось в лягушек!

Восстань и наблюдай. Основное ядро послания Будды заключается в осознанности, наблюдательности. Посмотри на свой собственный ум. Не вовлекайся в него, оставайся не отождествленным. Вот что он имеет в виду, когда говорит: Наблюдай. И когда ты наблюдаешь, ты становишься более и более пробужденным, в твоей жизни

будет появляться новый вид радости, который не имеет ничего общего с внешним; он бьет ключом внутри твоего существа.

Радостно следуй пути... Если ты правильно следуешь пути пробужденных — Иисуса, Будды, Махавиры, Мухаммеда, это не имеет значения, — единственный верный признак в том, что ты будешь радостным совершенно без всякой причины. Ты просто будешь естественно радостным. Если этого нет, помни, ты все понял неправильно. Ты пошел по какому-то неверному пути, ты неправильно истолковал.

Радостно следуй пути через этот мир и за пределы. Посмотри на буддистских бхиккху — они несчастны! Я знал многих, я знал очень знаменитых — они несчастны! В их ногах нет танца, в их сердцах нет песни. Они как пустыня: ничто не растет в их существах, в их жизни нет ничего зеленого. Я никогда не видел буддистского монаха с цветами в сердце, с цветущими лотосами, с покоющими птицами — ничего подобного, лишь голая пустыня.

И причина в том, что отрицательный способ выражения Будды стал его образом жизни; он попался в ловушку отрицательного. Как он может радоваться? Радость не соответствует его интерпретации Будды. Эти слова так ясны — но ты читаешь лишь то, что хочешь, и видишь лишь то, что хочешь видеть. Ты не читаешь, ты не видишь того, что идет против твоих предубеждений. Такие ясные слова, и все же возникло великое непонимание.

Буддистские монахи это самые печальные в мире люди — с вытянутыми лицами. Это неизбежно происходит, потому что они стали эскапистами.

Будда говорит: *Радостно следуй пути через этот мир и за пределы.* Он не говорит забыть о мире. Он говорит: *Через этот мир...* Если он за то, чтобы отречься от мира, какой смысл говорить: *Через этот мир...?* Он не говорит отречься от мира: отречись от ума, и ты отречешься от мира. Ты живешь в мире и все же остаешься незатронутым им. В тебе возникает великая радость, вели-

кий смех, великая любовь. И ты сможешь принести эту любовь, эту радость, этот танец к другому берегу, потому что это нечто, происходящее у тебя внутри; оно не зависит от внешних причин, оно ничем не вызвано.

Помни, это один из фундаментальных законов жизни: то, что зависит от внешних причин, рано или поздно у тебя отнимут. Совершенно определенно по крайней мере одно: ты не сможешь взять это с собой в смерть. Но то, что не зависит от внешних причин, то, что рождено в глубочайшем ядре твоего существа, у тебя внутри не может отнять никто. Его нельзя отобрать, нельзя украсть — этого не может уничтожить даже смерть.

Тело будет разрушено, но не песня. Тело уйдет, но не танец. Песня, танец, радость перейдут в песню вселенной, в радость вселенной, во вселенский океан сознания, истины, божественности.

Следуй пути добродетели.

Радостно следуй пути...

Он повторяет снова, потому что он хочет это подчеркнуть. Должно быть, он понимал, что его способ выражать вещи через отрицание может создать огромное непонимание. Люди могут стать печальными, а в то мгновение, когда ты становишься печальным, ты выпадаешь из гармонии с существованием.

Следуй пути добродетели. Что такое добродетель для Будды? Он не дает никаких подробностей, он не дает тебе десяти заповедей. Он дает тебе одиннадцатую заповедь, и одиннадцатой заповеди достаточно. Если ты выполнишь ее, ты можешь забыть об остальных десяти, потому что в следовании этой одиннадцатой заповеди содержатся все десять.

Одиннадцатая заповедь это медитация. Медитируй. Вот чего не хватает в еврейско-христианских десяти заповедях: ничего не сказано о медитации. Все остальное включено; это следствия, не причины. Причин не хватает.

Добродетель без медитации это что-то навязанное, насильно навязанное. Добродетель без медитации репрессивна. Добродетель без медитации поддельна. Добродетель без медитации это только фасад: ты можешь обмануть других, но как тебе обмануть себя?

В медитации возникает совершенно другой вид добродетели: естественная добродетель, спонтанная добродетель. Когда Будда говорит: *Следуй пути добродетели*, он имеет в виду: медитируй: восстань, проснись, наблюдай. Этими словами он называет медитацию, потому что, если ты бдителен, ты не можешь сделать ничего неправильного. Дело не в том, что тебе придется не позволять себе этого; даже если ты хочешь это сделать, ты не сможешь. Грех становится невозможным, если ты бдителен. Тогда добродетель это единственная возможность. Тогда все, что ты делаешь, добродетельно.

В медитации возникают и распускаются цветы добродетели. Они отдают свой аромат ветрам, бесконечности существования. Будда дает тебе только одну заповедь: осознанность. Ты можешь назвать это медитацией, ты можешь назвать это наблюдением. Его собственное слово *саммасати* — правильная осознанность. Каждый раз, когда он говорит об осознанности, он настаивает, что это должна быть осознанность правильного рода, потому что он знает, что возможен и неправильный вид осознанности.

Что такое неправильная осознанность? Люди могут осознавать действия других, недостатки других: они могут осознавать это очень остро — на самом деле, так оно и есть. В этом мире так легко увидеть недостатки других. Это не правильная осознанность; это совершенно не твое дело. Кто ты такой, и почему это должно тебя волновать?

Правильная осознанность это осознанность собственного существа человека во всей его полноте: всего, что хорошо, и всего, что плохо. Но когда ты начинаешь осознавать, плохое начинает исчезать — в точности как если

ты внесешь в комнату свет, темнота исчезнет. Когда в комнате есть свет, темнота больше не может существовать. Грех это темнота, забывчивость, несознательность.

*Рассмотри этот мир —
Мыльный пузырь, мираж.
Увидь мир, как он есть,
И смерть не заметит тебя.*

В Будде уникально одно — он никогда не говорит: «Верь». Он никогда не говорит: «Тебе просто нужно следовать тому, что я говорю». Нет, это не его подход. Он очень против верования. Он предлагает тебе рассмотреть. Он говорит: *Рассмотри этот мир — мыльный пузырь, мираж.* Он говорит: Не потому что я говорю, что это мыльный пузырь, мираж, ты должен этому верить. Рассмотрю сам. Если это правда, твоё размышление покажет это тебе. Какой смысл, какая необходимость верить?

Религиозные священники продолжают говорить людям: Верьте в Бога. Верьте, что есть рай. Верьте в то, что ваши хорошие поступки будут вознаграждены, а плохие наказаны, что есть рай и ад — верьте! Но священник никогда не говорит: «Рассмотри». Ни один священник никогда не хотел, чтобы ты был независимым. Только будда, только пробужденный может сказать тебе: «Рассмотри» — потому что он уважает тебя. Он знает, что ты крепко спишь, но твой сон наполнен потенциалом пробуждения. Сегодня ты спишь, завтра ты можешь проснуться. Сегодня ты не будда, завтра ты можешь быть буддой. У тебя есть потенциал. Ты продолжаешь пренебрегать им жизни и жизни, но в тот или иной день это случится.

Уважение будды к людям огромно; поэтому он никогда не может сказать: «Верь». Верование значит, что у человека, который это говорит, нет к тебе никакого уважения, он недостаточно доверяет твоей разумности. Будда доверяет твоей разумности. Он провоцирует ее, он бросает ей вызов, он приглашает тебя. Это приглашение.

Рассмотри этот мир — мыльный пузырь, мираж. Он говорит: Я рассмотрел его и нашел, что это мыльный пузырь, мираж, обман, иллюзия. Я жил в этой иллюзии, веря в то, что это правда. Ты тоже живешь в иллюзии, веря в то, что это правда, но рассмотри его. Удели этому немного больше времени. Увидь его немного более интенсивно, концентрировано. Попытайся проникнуть в его секрет, и ты будешь удивлен: лишь булавочного укола достаточно, чтобы мыльного пузыря не стало, лишь немного больше осознанности, и миража больше нет... он исчезает.

Гурджиев, один из будд этого века, обычно давал своим ученикам определенную медитацию, которая была очень важна. Он обычно говорил своим ученикам:

— Если вы можете во сне помнить, что это сон, вы на пороге трансформации.

Но очень трудно во сне помнить, что это сон. Когда тебе снится сон, ты веришь, что это правда. Каждую ночь тебе снится сон, и каждое утро ты возвращаешься и видишь, и знаешь, что все это было ложным. И снова ты засыпаешь, тебе снится сон, и ты снова начинаешь верить в него, и ты никогда ничему не учишься. Но как об этом помнить?

Он создал небольшое средство. Он давал это средство некоторым продвинутым ученикам: днем... потому что ты не можешь ничего сделать, когда ты спишь, и тебе снятся сны. Приготовления нужно совершить днем; тогда у тебя есть немного осознанности. Он говорил им:

— Столько раз, сколько сможете — например, чистя зубы утром, — просто положите левую руку на голову и скажите: «Все это сон». Идя по улице, положите левую руку на голову и скажите: «Все это сон». Пусть левая рука, лежащая на голове начнет ассоциироваться с идеей о том, что все это сон.

Когда вы повторите это много раз, достаточно будет положить левую руку на голову, чтобы вспомнить: «Все это сон». Или, когда ты говоришь: «Все это сон», левая рука автоматически поднимается к голове. Это нужно практи-

ковать в дневное время, по меньшей мере, от трех до девяти месяцев.

И тогда, — говорил Гурджиев, — однажды вы увидите, как это происходит во сне: сон продолжается, и ты кладешь левую руку на голову и вдруг ты говоришь: «Все это сон». И в то мгновение, когда ты это говоришь, сон исчезает, ты полностью пробужден. Сон не может существовать, если ты знаешь, что это сон.

Когда это происходит, это великий опыт — ты можешь попробовать это. Когда действительно происходит так, что однажды ночью, когда ты спишь, когда тебе снятся сны, твоя рука поднимается к голове и вдруг приходит мысль: «Все это сон...» И тогда тотчас же ты полностью просыпаешься и обнаруживаешь, что держишь левую руку на голове. Это стало связано; это условный рефлекс. Но стало ясно одно: если ты можешь вспомнить, что все это сон, сон исчезает. Сон может исчезнуть лишь тогда, когда ты вспоминаешь, что это сон; реальность не может исчезнуть. Ты продолжаешь вспоминать: «Все это сон», но ты все время знаешь, что это не так. Философски ты можешь повторять: «Все это сон», и в этой философии ты можешь быть очень хитрым.

Это случилось однажды:

Великий философ пришел ко двору короля. Он сказал:

— Весь этот мир это сон.

Этот король принадлежал к сумасшедшему виду людей; он сказал:

— Тогда подожди.

У него был сумасшедший слон. Он приказал всему своему двору смотреть. Сумасшедшего слона привели во двор дворца и бедного философа оставили с ним один на один.

Слон начал гоняться за ним, и философ стал кричать:

— Спасите! Он убьет меня — спасите!

Он кричал и плакал. Сумасшедший слон поймал его и подбросил по меньшей мере, на тридцать футов. Он упал на землю — столько переломов, — крича и плача.

Тогда его привели обратно во дворец, и король сказал: — Что же? Что ты скажешь о слоне? Это тоже сон, *майа*, иллюзия?

Но философы хитрый народ. Он сказал:

— Да, это был сон — плохой, кошмарный сон.

— А как насчет переломов? — спросил король.

— И это тоже сон.

— Тогда почему ты плакал?

— Я плакал во сне, — сказал он, — Я плакал и кричал — я прекрасно помню — «Спасите!» Но все это было сном.

Это хитрость — но человек может найти хитрые оправдания для всего. Философ знает, что это не сон: слон был слишком реален, и он был потрясен, испуган, смерть была так близко, что он забыл всю свою философию. Но как только он снова в безопасности дворца, вдали от сумасшедшего слона, хотя и весь в болезненных переломах, его философия снова вернулась, его эго снова вернулось.

Реальность есть реальность — ты не можешь заставить ее исчезнуть, вспомнив, что это сон. Но если что-то это сон, просто в воспоминании, что это сон, оно исчезает.

Будда говорит: *Рассмотри этот мир...* Какой мир? Имеет ли он в виду скалы, горы, реки и звезды? Нет, совсем нет. Он имеет в виду мир, который ты продолжаешь создавать у себя в уме — мир твоего ума это мыльный пузырь, мираж.

Увидь мир, как он есть,

И смерть не заметит тебя.

Если ты можешь увидеть истину как она есть, если ум не становится между вами, ты не умрешь; столкнувшись с тобой, смерть будет бессильна. Смерть придет, но она ничего не сможет у тебя отнять, потому что ты уже отбро-

сил все те сны, которые может уничтожить смерть. Смерть может разрушить только ум. Подумай об этом. Смерть не может разрушить твоё тело, смерть не может разрушить твою душу; смерть может разрушить только ум. Ум это мираж, но человек, который отбросил ум сам, добровольно... смерти не остается ничего, что можно разрушить.

*Рассмотри же этот мир,
Нарисованную колесницу для королей,
Ловушку для дураков.*

Будда называет королями тех людей, у которых есть разум, понимание. Он не называет королем человека, у которого много денег, великое королевство — нет. Будда называет королем, императором того, кто завоевал себя, кто победил собственную глупость, собственную несознательность, кто смог рассеять все иллюзии. Он настоящий король: он вошел в царство Бога. Снова он приглашает: *Рассмотри же этот мир, нарисованную колесницу для королей...*

Для королей, знающих, мудрых, это лишь нарисованная колесница; это не настоящая колесница. Это просто рисунок. Рисунок может быть таким красивым — рисунок может быть трехмерным, — чтобы создавалось впечатление, что он реален. Но рисунок есть рисунок, он нереален. Он реален как рисунок, но не как колесница. Она никуда не может тебя привезти, ты не можешь в ней ехать.

Это мир — *нарисованная колесница для королей, ловушка для дураков*. Именно из-за своей неразумности, несознательности ты попадаешь в эту ловушку.

Семидесятилетний жених и двадцатипятилетняя невеста заставили всех поднять брови, регистрируясь в гостиницу. На следующее утро он спустился в столовую и заказал яичницу с ветчиной. Глядя на его улыбку и сияющие глаза, было очевидно, что он вне себя от счастья.

Через некоторое время спустилась невеста. Ее глаза запади, голос был тих, лицо бледно. Она закала тост и кофе. Официантка сказала:

— Милая, я не понимаю, почему молодая невеста выглядит такой изнуренной, выйдя замуж за такого старика.

— Он надул меня, — ответила молодая невеста. — Он сказал мне, что сберегал шестьдесят лет, а я думала, что он говорит о деньгах!

Остерегайся своего ума! Он может дать тебе великие иллюзии. Он может заставить вещи выглядеть не такими, как они есть, он может помочь тебе увидеть вещи, которых нет. Ум очень изобретателен. У ума есть только одна сила — видеть сны. Он видит сны днем — тогда эти сны в словах, в языке; ночью он видит сны — тогда эти сны в образах.

Есть два вида людей: некоторые люди видят черно-белые сны, некоторые — цветные. Люди, которые видят сны в цвете, могут стать поэтами, художниками, скульпторами; они могут быть очень художественными. Им не нужны наркотики; их умы поставляют им мескалин и ЛСД. Химии их тела достаточно, чтобы создавать для них психоделические путешествия. Но есть люди, которым снятся черно-белые сны. Эти люди ученые, бизнесмены, банкиры, — расчетливые люди, — математики. Но снится ли тебе черно-белый или цветной сон, не имеет значения — сон есть сон.

Остерегайся снов! И наблюдай свои сны день за днем, потому что они есть всегда. Ты можешь их наблюдать, и наблюдая их, ты перестанешь отождествляться с ними, ты станешь отражающим их зеркалом. И это приносит великую свободу. Свобода от снов это свобода от мира.

Рассмотри же этот мир, нарисованную колесницу для королей, ловушку для дураков. Это один и тот же мир: для медитирующих, для королей это нарисованная колесница. Будда ничего не говорит против мира — он просто

описывает истину. А для дураков это ловушка. Все зависит от тебя.

В тот день они обвенчались в Миннеаполисе и поехали в Сэнт-Пол, где у них была комната в гостинице в центре. Наступила ночь. Невеста уже надела красивую шелковую ночную рубашку, заготовленную специально для этого случая, и ждала в постели. Час за часом жених, все еще полностью одетый, глядел в окно.

В нетерпении Глэдис сказала ему:

— Почему бы тебе не раздеться, дорогой, и не лечь в постель?

— Не обращай на меня внимания, — ответил он. — Спи. Моя мать сказала мне, что это самая прекрасная ночь, которую я только увижу, и я не хочу пропустить не минуты!

Как ты собираешься истолковывать будд? В мире твоего бессознательного все искажается. Ты накладываешь на это свои идеи, свой цвет, ты искажаешь. Тебе удастся верить во все, во что ты хочешь верить; иначе это простой факт.

Если ты смотришь на мир, если ты смотришь на себя, если ты смотришь на людей, если ты смотришь на свою жизнь, на свое прошлое, будет не так трудно найти, что девяносто девять процентов всего этого это лишь сновидения; лишь один процент — правда. И из-за этих девяносто девяти процентов сновидений ты не можешь найти этот один процент. А только этот один процент веществен, все остальное — тени. Этот один процент есть истина, все остальное — неистинно. Этот один процент может тебя спасти, может стать лодкой, чтобы переправиться на другой берег.

Луна выскользывает из-за облака

И сияет,

Так и мастер выходит из-за своего невежества

И сияет.

Что Будда считает невежеством? — не недостаток информации, но недостаток внимательности. И эта сутра вызвала много проблем, потому что буддистский бхиккху думает, что выйти из невежества значит стать очень знающим. И он годами размышляет над писаниями, он продолжает повторять писания за писаниями... есть много писаний. Фактически, буддизм в этом смысле самая богатая религия.

У буддизма есть почти шестьдесят тысяч писаний. Христианство очень бедно — у него есть только Библия; ислам очень беден — у него есть только Коран. В буддизме столько писаний, что размышляя над ними, человек может потратить много жизней. И все же это не тот смысл, который вкладывал в это Будда.

Когда он говорит: *...мастер выходит из-за своего невежества и сияет*, он говорит, вопрос не в том, чтобы накопить больше информации, вопрос в том, чтобы стать более сознательным, более бдительным, более внимательным. Но эти люди — пандиты, школяры — они всегда могут найти причины, доказательства, аргументы, чтобы себя поддержать. И их аргументы так глупы!

Однажды я жил с буддистским монахом. Он читал Ланкаватар Сутру, одно из известных буддистских писаний. Я спросил его, сколько времени он читал его. Он сказал:

— Двадцать лет это было моей ежедневной практикой. Я не могу без этого жить; это моя пища, мое питание. Это моя душа.

— Но кажется, ты так и не стал буддой. Я не вижу света в твоих глазах, я не слышу молчания. Я не чувствую никакого аромата. Двадцать лет ты пытался рассеять невежество знанием! Ланкаватар Сутра это красивое писание, но оно подобно нарисованной лампе: ты можешь продолжать поклоняться нарисованной лампе двадцать лет или двадцать веков — она не рассеет тьму. Нужна настоящая лампа. Человек должен стать сознательным внутри.

Но он стал спорить, приводя так много аргументов. Его первым аргументом было... это совершенно абсурдно для посторонних, но так всегда и бывает. Вовлеченным в это кажется, что это потрясающий аргумент. С ним было двое учеников. Они сказали:

— Правильно! Это прекрасный аргумент!

В первой же сутре говорится, что те, кто читают эту сутру, обязательно освободятся. Он сказал:

— Смотри! Сама эта сутра говорит, что те, кто читает эту сутру, обязательно освободятся!

— Это глупо, — сказал я. — Это напоминает мне...

Я слышал:

Мулла Насреддин однажды объявил на рынке:

— Моя жена — самая красивая женщина в мире.

Собрались люди; они прекрасно знали его женщину, его жену — она была обычной домохозяйкой, — и вот он объявляет, что она самая красивая женщина в мире.

— Мулла, кто дал тебе эти сведения? — спросили они.

— Кто же, как не она сама! Она сказала мне это прошлой ночью.

Цитировать саму эту сутру в ее же пользу... школяры — коварный народ. В индийских писаниях это делается всегда: сначала они хвалят книгу, доходя даже до того, что если ты ее прочитаешь, ты будешь освобожден; достаточно даже услышать одно ее слово, чтобы освободиться. Они апеллируют к твоей жадности, соблазняют твою жадность! Они приводят старые истории: «Один человек, который услышал эту сутру на смертном одре, отправился прямо на небеса. Другой, который был болен, услышал эту сутру и выздоровел. Третий, который был беден, услышал эту сутру и разбогател. Эта сутра так драгоценна, что она дает как этот мир, так и другой!»

Каждая сутра, каждое писание начинается таким образом. Это не более чем торговое ремесло и оправдания.

Муж отправил домой телеграмму о том, что ему удалось сократить свою командировку на один день, и он вернется во вторник. Однако, войдя в свою квартиру, он обнаружил свою жену в постели с другим мужчиной.

В ярости он схватил свои вещи и выбежал на улицу. По дороге он встретил свою тещу, рассказал ей о том, что произошло и объявил, что он завтра утром подает на развод.

— Дай моей дочери возможность объясниться, прежде чем действовать, — взмолилась старуха. Неохотно он согласился.

Через час теща звонит мужу в клуб.

— Я знала, что у моей дочери есть объяснение! — говорит она победоносно. — Она не получила твою телеграмму!

Ум очень хитер. Если ты не наблюдателен, ты обязательно попадешься в его ловушку.

Этот мир — во тьме.

Как мало тех, у кого есть глаза, чтобы видеть!

Как мало птиц,

Который ускользают из сети и летят в небо!

Очень редко! Очень редко можно встретить человека, у которого есть глаза, чтобы видеть, очень редок человек, который вернул себе свои крылья и может лететь в высочайшее.

Этот мир — во тьме, и эта тьма создана нашей собственной неосознанностью. Это не часть мира, это наши проекции.

Как мало тех, у кого есть глаза, чтобы видеть! Это действительно очень редко; поэтому в старые времена люди обычно совершали дальние путешествия в поисках кого-то, у кого есть глаза. Они стучали во многие двери, прежде чем находили нужную дверь. Они слушали многих учителей, прежде чем найти мастера. И когда они находили мастера, это было концом всего путешествия. Тогда они

становились вовлеченными, преданными; тогда они посвящали работе всю свою жизнь, всю свою энергию.

Снова в мире происходит что-то подобное: люди начали искать мастеров. Когда ты ищешь мастеров, помни, что девяносто девять из ста будут ложными. И ложные будут более привлекательны для тебя, чем настоящий мастер, потому что ложные мастера говорят на твоём языке и пытаются убедить, переспорить тебя. Ложные мастера будут цитировать писания, будут утешать тебя. Они попытаются тебя убедить, они дадут тебе верования. А с настоящим мастером будет тяжело.

Многие стучались в двери к Георгию Гурджиеву, но им приходилось спасаться бегством, потому что он казался слишком жестоким. Он был безмерно сострадательен, и из сострадания ему приходилось быть твердым; иначе людей нельзя было разбудить.

Когда ты хочешь разбудить человека, ты не садишься рядом и не поешь ему колыбельную. Тебе придется его потрясти, тебе придется облить его холодной как лед водой — и, конечно, это выглядит как жестокость. Возможно, ему снятся сладкие сны, а ты поливаешь его холодной водой!

Настоящий мастер тверд. Настоящий мастер всегда ждет правильного момента, чтобы ударить тебя, чтобы разбить тебя. И он пытается найти самое слабое место, где тебя можно легко обнажить — обнажить для самого себя, — потому что если ты не бдителен к своим слабостям, к своим ограничениям, ты не можешь расти.

Настоящий мастер дает тебе рост, дает тебе крылья, но и многое отнимает. Он отнимает все камни, висящие у тебя на шее, хотя ты и думаешь, что это бриллианты, великие бриллианты. Он отнимает у тебя твои цепи, хотя ты думаешь, что это твоя безопасность. Он отнимает у тебя все твои концепции и верования — а ты думаешь, что эти концепции и верования есть великое знание; ты хвастаешься ими. Он отнимает многое из того, что ты всегда ледел как зеницу ока. Он кажется твердым. И он дает тебе

нечто, вкуса чего ты никогда не чувствовал до сих пор. Он дает тебе нечто очень неизвестное и забирает все, что было известно. Он кажется жестоким.

Многие приходят ко мне. Очень немногие храбрцы останутся со мной. Труссы сбегут. Они найдут множество оправданий.

Один трус написал мне сегодня письмо. Я не назову его имени, потому что он здесь недавно, и было бы неправильно сразу же ударить его так крепко! Он написал мне письмо: «Ты говоришь о свободе, ты говоришь о любви, ты говоришь о том, как избавиться от церкви, верований, ритуалов. Я хочу стать саньясином, но не хочу ходить в оранжевом, потому что это ритуал и это снова оковы. Это снова заточение, это снова тюрьма».

Он не знает, что это такое, потому что человек может узнать, что такое саньяса, только приняв ее. Ни один посторонний не может знать, что это такое, и ни один из участников не может объяснить это постороннему. Это необъяснимо. Ни один влюбленный не может объяснить любовь тому, кто никогда не любил. Ни один человек, у которого есть глаза, не может объяснить слепому, что такое свет.

Что он на самом деле пытается сделать, так это защитить свое эго, но он этого не осознает. Саньяса это отбрасывание эго. Да, отбросив эго, ты становишься свободным. Свобода означает отсутствие эго.

«Оранжевая одежда, мала и медитация, — говорит он, — это кандалы, которые ты даешь своим саньясином». Это не кандалы; это просто способ саньясина дать понять, что он готов прыгнуть в неизвестное. Это просто знак того, что он принадлежит мне, просто жест, что сейчас, если я хочу что-то с ним сделать, он готов.

У оранжевого нет другого значения. Это просто утверждение с твоей стороны, что ради меня ты готов выглядеть сумасшедшим, вот и все! Это любовное приключение, и если ты неспособен ради меня выглядеть сумасшедшим, будет

очень трудно — потому что потом сдать будет все более и более необходимо.

В конце концов, когда ты отбрасываешь ум, это выглядит как безумие. Поначалу это выглядит как безумие; в конце концов это оказывается единственной здоровой вещью в мире. Но лишь потом, когда ум уже отброшен.

Мала с моей фотографией у тебя на шее — это заставляет тебя выглядеть глупо! Это не кандалы, это просто готовность. Ты говоришь: «Да, если ты говоришь, что это нужно сделать, я готов это сделать».

И если ты думаешь, что медитация это оковы, тюрьма, зачем тебе вообще становиться саньясином? Человек кажется очень умным в своей глупости. Длинное письмо... и он завершает письмо словами: «Если все, что я говорю, правильно, тебе не нужно отвечать. Если то, что я говорю, неправильно, не нужно отвечать и тогда».

Тогда зачем мне писать? Зачем тратить мое время? Только прочитать все это письмо! Если это правильно, пожалуйста, не пиши мне; если это неправильно, какая необходимость мне писать? Если ты уже знаешь, что ты прав, тебе не нужно быть здесь, а если ты знаешь, что ты неправ, тогда прыгай! Тогда ищи и исследуй, что правильно.

Да, я целиком за свободу, но под свободой я подразумеваю не то, что ты. Ты подразумеваешь свободу для своего эго, а я подразумеваю свободу от эго. Именно так вещи постоянно искажаются.

*Лебеди поднимаются в воздух и летят к солнцу.
Какое волшебство!
Так чистые побеждают армии иллюзий,
Поднимаются и летят.*

Будь готов! Слова Кабира стоит запомнить. Он говорит: *Ханса ур чал ва деш*: О великий лебедь, давай полетим в нашу настоящую страну.

На востоке лебедь это символ чистоты, потому что он такой белый. И еще это символ чистоты потому, что он

живет в самых высоких горах Гималаев, он пьет самую чистую воду.

В Гималаях есть озеро Мансаровар. Должно быть, вода в нем самая чистая в мире, потому что воздух абсолютно не загрязнен. Редко туда добирается человек. Очень редко, раз в несколько лет, туда добирается человек; это путешествие долго, тяжело, опасно. Лебеди живут на этом озере. Только когда становится слишком холодно, и вода покрывается льдом, спускаются они на равнины; иначе они остаются там, в своей настоящей стране. Как только кончается зима, они снова летят в Гималаи.

Лебедь символизирует то, что мир это не наш дом, этот грязный пруд это не наш настоящий дом. Мы принадлежим к какому-то другому миру: миру Гималаев, девственных вершин, к чистейшему из озер. Мы принадлежим Мансаровару. Не забудь. Не увлекайся слишком сильно мутной водой этого пруда. Помни, продолжай помнить свой настоящий дом.

Будда использует тот же символ: *Лебеди поднимаются в воздух и летят к солнцу. Какое волшебство! Так и чистые побеждают армии иллюзий, поднимаются и летят.*

*Если ты смеешься над небом
И нарушаешь закон,
Если твои слова лживы,
Куда приведет это заблуждение?*

Остерегайся самого себя!

*Дурак смеется над щедростью.
Скряге не войти в небеса.
Но радость мастера в том, чтобы отдавать,
И счастье ему наградой.*

Не будь скрягой! Делись своей любовью, делись своей радостью, делись своим танцем. Это путь моих сань-

ясинов, и это то, чего хотел Будда, но его последователи не последовали ему.

*И более того —
Лучше всех радостей
Земли и небес,
Лучше даже владычества
Над всеми мирами
Радость соединения с потоком.*

Это буддистское выражение: *достижение потока*. Будда говорит: Прийти к мастеру значит достичь потока, вовлечься в мастера значит войти в поток. Когда ты вошел в поток, ты можешь расслабиться, ты можешь плыть с потоком. Поток уже течет к океану.

Будь частью мастера, и твое путешествие, твое настоящее путешествие началось. Теперь ты находишься в пути к последнему океану, к океану радости, мира, молчания, истины. То, что другие религии называют богом, Будда называет нирваной: океаном просветления.

На сегодня достаточно.

Эта Безумная, Безумная Игра

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Когда я жду, что Ты деликатно воспользуешься
тонким хирургическим скальпелем, Ты берешь в руки кувалду.
Когда я ожидаю удара кувалдой, Ты целуешь меня.
Сдаюсь!*

*Амитабх,
Божественное действует очень таинственным образом; оно никогда не соответствует твоим ожиданиям. Я здесь не как личность, а как проводник. Я просто позволяю божественному действовать через меня; я вообще ничего не делаю. Вещи случаются, но их никто не делает. Я просто такой же зритель, как и все остальные.*

Я так же удивлен, как и ты. Когда ты ожидаешь удара кувалдой, я тоже ожидаю его. И когда я вижу, что происходит поцелуй, я говорю: «Боже мой! Что это он за теял?» Но и я тоже сдаюсь.

Ты на правильном пути. Если ты много раз чего-то ожидаешь, и случается прямо противоположное, мало-помалу ты научишься великому секрету: ожидание это не способ быть с божественным; это преграда, не мост. Ожидай, и ты будешь разочарован. Не ожидай и просто жди... и тогда во всем, что случится, будет поразительная красота. Будь готов удивляться, будь всегда готов удивляться.

Каждое мгновение приносит новые неожиданности тому, кто готов удивляться, кто идет с абсолютно открытым умом. Тогда начинают происходить невероятные вещи. Даже если ты их хотел, ты не мог их ожидать; ты не

мог счесть себя достойным того, чтобы это случилось с тобой.

Когда ты чувствуешь, что не достоин, внезапно великая любовь изливается из божественного. Ты думал, что ты будешь наказан, ты думал, что тебя будут судить, осуждать. Божественное не таково: нет суждения, нет осуждения. Нет ада, есть только небеса — и по пути к небесам есть лишь небеса. Тебе просто нужен совершенно другой способ смотреть на вещи.

Посмотри чистыми, ясными глазами, без малейшего следа ожидания. Тогда каждое мгновение это таинство, откровение. И мало-помалу ты подойдешь ко второму секрету — первый секрет в том, когда человек говорит: «Сдаюсь!»

Вот второй секрет: вдруг ты видишь, что кувалда это поцелуй, а поцелуй это кувалда. Тогда противоположности теряют свою противоположность, они становятся взаимодополняющими. Если использована кувалда, и это исходит из любви, нет никакой другой причины. Это поцелуй! Тот, кто понимает, тот, кто готов сдаться, довериться, знает, что это поцелуй. А поцелуй это также и кувалда, потому что принять поцелуй божественного значит быть трансформированным — раздавленным, убитым, воскресшим. Кувалда или поцелуй, разницы нет: это второй секрет.

И когда осуществлены эти два секрета, больше нет ученичества. Человек пришел домой. Ты совершил половину путешествия, сказав: «Сдаюсь!» Теперь, пожалуйста, не забывай об этом.

Ум имеет тенденцию забывать. Ум очень привязан к своим старым образцам. Он продолжает снова и снова соскальзывать и падать обратно. Падать обратно легче, потому что это движение под гору. Трудно сохранять понимание, которое случается изредка, потому что это задача требует движения в гору.

Увидеть солнце это одно, но оставаться наполненным его светом двадцать четыре часа в сутки это другое.

Да, бывают мгновения, когда окна открыты, и все ясно и прозрачно, но эти мгновения пройдут. Вскоре они станут лишь воспоминаниями, лишь сухими цветами без аромата, лишь развалинами. И мало-помалу, по мере того, как этот опыт удаляется у тебя в памяти, ты начинаешь сомневаться в том, случилось ли это с тобой вообще, или это было игрой воображения. Действительно ли было так? И как только возникает это подозрение, это сомнение, ты утрачиваешь контакт с чем-то великим, с чем-то неизвестным — ты теряешь его след.

Это великое мгновение, мгновение сдачи. Это означает, что с этого момента и навсегда не будет никаких ожиданий. А когда нет ожиданий, нет возможности разочарования. Ожидание это мать всех разочарований; стоит уйти ожиданию, исчезает и разочарование. А когда в твоей жизни нет разочарования, она действительно становится ложем из роз. Тогда божественное это постоянное благословение; оно продолжает изливать на тебя свою грацию, свою красоту.

Я здесь для того, чтобы быть медиумом, чтобы быть окном. Не привязывайся к оконной раме; смотри на небо, к которому открывает доступ окно. Звезды, солнце и луна — они не принадлежат окну. То, что я тебе даю, не принадлежит мне; внутри нет никого, кому это могло бы принадлежать. Я ничем не владею, но это величайшее владение в мире — ничто, — потому что если ты ничто, никто, ты божествен. Когда ты никто, в первый раз целое может течь сквозь тебя.

То, что я здесь делаю со своими учениками это не мои действия; я прост позволяю чему-то случиться. Я не знаю ни что случится, ни что я собираюсь сказать, ни что происходит — почему ты здесь, почему я здесь. Но происходит нечто таинственное. Я здесь, ты здесь, и между мастером и учеником передается нечто, что не принадлежит ни мастеру, ни ученику.

Это безумная, безумная игра, в которой участвует третья сторона, которая невидима. Да, я называю эту игру

ученика и мастера безумной игрой — игрой Мастера И Ученика!¹

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Любовь это секрет. Почему?*

Ганеш Гири,
Любовь это, несомненно, секрет, но не обычный секрет — это необыкновенный секрет. И его необыкновенность состоит в том, что это открытый секрет. Его знает каждый и все же не знает никто; поэтому я называю его открытым секретом. Каждый знает его в глубине своего сердца, но никто не знает его головой. Это совершенно иной вид познания. Это не знание. Ты не можешь его изучить, ты можешь только прожить его. Проживание есть познание. Это не то, что могут дать тебе писания; никто не может дать его тебе. Лишь ты способен присудить себе этот дар; это твоя ответственность. Ты можешь его узнать, но это знание интуитивно.

Это слово, «интуиция»², красиво. Ты знаешь другое слово, «тренировка»³. Тренировка означает, что это дает тебе кто-то другой. Интуиция означает, что никто тебе этого не дает; это растет в тебе самом. И поскольку это никем тебе не дано, это не может быть выражено в словах.

Язык необходим, когда мы говорим друг с другом. Язык не нужен, когда что-то растет в твоём сознании, потому что диалога нет. Оно растет в молчании, оно расцветает в молчании; поэтому, когда ты пытаешься перевести

---

¹ англ. *M-A-D game*: безумная игра;

M значит *master*: мастер, *A* значит *and*: и, *D* значит *disciple*: ученик.

² англ. *intuition*

³ англ. *tuition*

это в слова, оно исчезает. Сам его климат это молчание. Его нельзя перенести в язык; его нельзя низвести до теорий, концепций, идеологий. Вот почему это открытый секрет: познание возможно, знание невозможно.

Говорят, что Блаженный Августин однажды сказал... Кто-то спросил его, что такое любовь.

— Любовь подобна времени, — ответил он.

Задавший вопрос был сбит с толку. Он сказал:

— Хорошо, а что такое время?

— Ты не понял меня, — ответил Августин. — Я хотел сказать, что она подобна времени в том смысле, что каждый знает, что это такое, но если ты спросишь, никто не сможет ответить.

Можешь ли ты ответить, что такое время? И ты *знаешь* — дело не в том, что ты не знаешь, — но это знание кажется таким глубоким, что его нельзя вытащить на поверхность. Или, если ты пытаешься вытащить его на поверхность, оно становится таким искаженным, что это больше не то же самое. В глубине это бриллиант; в то мгновение, когда ты выносишь его на поверхность, он превращается в обыкновенную гальку. И поскольку ты знаешь, что это бриллиант, ты не можешь использовать гальку, чтобы представлять его.

Любовь это одно из самых таинственных явлений в существовании — она соседствует с божественным. Вот почему любовь ближе к божественному, чем что-либо другое. Если ты можешь понять любовь, ты можешь быть любовью — потому что это единственный способ ее понять, — ты начнешь осознавать присутствие божественности, немедленно, тотчас же! Мгновение любви это мгновение опыта божественности. Внезапно она — повсюду.

Когда твои глаза полны любви, твоё видение способно проникнуть в деревья, в скалы, в их глубочайшее ядро и найти там божественность. Тогда она повсюду. Все, что нужно, это любящее сердце.

И проблема современного человека в том, что мы забыли язык молчания, мы забыли пути сердца. Мы совершенно забыли, что есть жизнь, которая может быть прожита сердцем. Мы слишком подвешены в голове, и из-за того, что мы слишком подвешены в голове, мы ничего не понимаем в любви. Это становится более и более проблематичным. Это стало такой проблемой, что многие люди отрицают любовь, в точности так же, как они отрицают бога. Они говорят:

— Бога нет — это вымысел; нет и любви — вымысел и это.

Они хотели бы низвести любовь до чистой химии; они хотели бы низвести любовь до чего-то физиологического, гормонального, связанного с железами внутренней секреции. Да, и это тоже часть любви, но самая поверхностная ее часть — химия, физиология. Они видят периферию, но не центр. Центр обманчив и летуч, как ртуть; ты не можешь схватить его ни руками, ни головой. Он выскользывает, ускользает из твоих кулаков. Ты можешь держать его лишь в открытой руке — я называю его открытым секретом.

Никогда не делай из любви вопрос.

Ты спрашиваешь меня: «Почему? Почему любовь это секрет?» Нет никакого почему: это так. Почему деревья зеленые? Маленькие дети иногда спрашивают: «Почему деревья зеленые, почему роза красная?» Как ты им это объяснишь? Если ты достаточно глуп — то есть достаточно научен, — ты попытаешься объяснить им, что деревья зеленые из-за хлорофилла. Но ребенок спросит: «Почему хлорофилл делает деревья зелеными, почему хлорофилл зеленый?» Вопрос остался прежним, ты просто отодвинул его немного дальше.

Д.Х. Лоуренс прав. Ребенок спросил его, почему деревья зеленые, и он ответил: «Деревья зеленые, потому что они зеленые». И ребенку очень понравился его ответ. Он сказал: «Это правильный ответ! Я спрашивал многих;

они говорили глупости. Это я могу понять. Да, они зеленые, потому что они зеленые!»

Любовь это секрет, потому что это секрет. Но это открытый секрет — я бы хотел это добавить, — это открытый секрет. Он общедоступен! Никто его не охраняет. Он не закрыт в храмах, он не спрятан ни в каких библиотеках, он не заперт ни в каких подземных сокровищницах. Это открытый секрет! Он в дожде, в ветре, в солнце. Тебе предстоит лишь быть открытым и позволить ему случиться с тобой. Не делай из него вопроса.

Никогда не делай из жизни вопроса. Позволь жизни остаться тайной, не пытайся сделать из нее проблему. Это одна из величайших ошибок, которые мы можем совершить, и мы постоянно ее совершаем. Сначала мы делаем вопрос из того, что является тайной, и тогда на этот вопрос нет ответа. Тогда единственное убежище в том, чтобы отрицать все в целом.

Сделай из бога вопрос, и рано или поздно обязательно придет какой-нибудь Фридрих Ницше и скажет: «Бог умер». Фактически, бог умер в тот день, когда вы поставили над ним знак вопроса; он не может жить под знаком вопроса. Знак вопроса показывает сомнение, а бог может жить только в доверии. Знак вопроса показывает сомнение, а любовь можно почувствовать только в доверии.

Ганеш Гири, чувствуй это, не думай об этом. Это не вопрос, который можно разрешить философией: это тайна, которую может понять поэт, музыкант, актер. Любовь не относится к области философии; она относится к области поэзии.

Но поэты могут дать тебе лишь проблески; они не могут дать тебе этот опыт. Они могут увлечь тебя, они могут убедить тебя отправиться в это великое паломничество, но они не могут предоставить тебе любовь — это не то, что можно предоставить, — они могут очаровать тебя таинством любви.

Я не философ; я очень близок к поэтам — но и поэты могут дать тебе лишь проблеск. Мистик может помочь тебе пережить любовь; я — мистик, я могу помочь тебе пережить этот опыт, но путь к этому опыту не в том, чтобы интеллектуально интересоваться им. Ты должен быть более чувствительным.

Любовь здесь и сейчас. Все это место наполнено любовью — это храм любви.

Вот почему весь мир осуждает и критикует меня — потому что вся человеческая история была историей войны, насилия. Все человеческое прошлое было уродливым, бесчеловечным, нецивилизованным, дикарским, животным. Все общества, которые существовали до сих пор, пытались убить в тебе любовь и всякую возможность любви, потому что, если убита любовь, тебя можно низвести до машины — до машины, которая может убивать, до машины, которая может эффективно функционировать, не создавая никаких проблем, до машины, которая будет послушной, до машины, которая никогда не восстанет против рабства, угнетения, эксплуатации. Священники, политики, все они хотели, чтобы вы были машинами, не людьми, и веками они оставались у власти, потому что вы были готовы быть низведенными до машин.

Единственное явление, которое может вернуть вам вашу настоящую природу, которое может воскресить в вас человечность, которое может возвести вас снова до человеческих существ, это любовь. Все человеческое прошлое было против любви. Да, о любви разрешалось писать, но сама любовь не была разрешена. Очень коварными способами ее разрушали, убивали, искореняли. Велика потребность человека знать, что такое любовь, потому что без любви душа остается без питания и истощается. Чем пища является для тела, тем любовь является для души. Без любви у тебя не может быть очень живой души. Без любви твой потенциал останется потенциалом; он никогда не воплотится в реальность.

Это храм любви. Я создаю здесь ситуацию, в которой ты можешь начать расплавляться, в которой ты можешь начать снова становиться теплым, в которой ты можешь начать играть, в которой ты можешь снова стать жизнерадостным.

Я здесь не для того, чтобы создать в мире больше солдат, я здесь для того, чтобы создавать саньясинов. Все общества прошлого были ориентированны на солдат. Я вижу будущее ориентированным на саньясинов. Саньясин прямо противоположен солдату, в точности противоположен. Общество, которое существовало до сих пор, общество, опирающееся на солдат, в самом деле пережило свое время. Оно умирает, оно при смерти, и хорошо, что оно должно умереть. Но прежде чем оно умрет, мы должны воскресить некоторых людей в саньясинов; они будут глашатаями нового мира, новой эпохи.

Но любви нельзя научить, ее можно только уловить. Я — любовь, мои люди здесь — любовь.

Ганеш Гири, что ты делаешь здесь? Расплавься, смешайся, отбрось свою голову! Стань безголовым, как и все мои люди, и ты узнаешь, что такое любовь. Но все же это не будет сведениями, это останется знанием в глубине. Но этого достаточно — это питает. Этого достаточно, потому что это трансформирует. Этого достаточно, потому что это открывает двери к божественному.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Что такое бессознательность?*

Сознательность значит жизнь свидетеля; бессознательность значит жизнь без свидетеля. Когда ты идешь по дороге, ты можешь идти сознательно — что говорит делать Будда, — ты бдителен, глубоко внутри ты осознаешь, что ты идешь; ты осознаешь каждое движение. Ты созна-

ешь, что на деревьях поют птицы, что раннее утреннее солнце светит сквозь ветви деревьев, что его лучи касаются тебя, тепло, свежий воздух, благоухание распускающихся цветов... Лает собака, мимо проезжает поезд, твое дыхание... ты наблюдаешь все. Ты ничего не исключаешь из своей бдительности; ты включаешь все. Воздух входит вовнутрь, воздух выходит наружу... ты наблюдаешь все, что происходит.

Это не концентрация, потому что в концентрации ты фокусируешься на одном и забываешь все остальное. Когда ты концентрируешься, ты не слышишь жужжания пчел или пения птиц; ты видишь только то, на чем ты концентрируешься. Концентрация это сужение сознания до определенной точки. Это хорошо в стрельбе из лука: у тебя есть цель, и ты должен видеть лишь эту цель и забыть обо всем остальном.

В Махабхарате, одном из древнейших писаний этой страны, есть эта история:

Дрона, великий лучник, учит учеников стрельбе. В конце конов побеждает Арджуна, потому что его концентрация самая острая.

На дереве сидит птица, и Дрона говорит своим ученикам взять луки и стрелы, прицелится в птицу и приготовится стрелять. Тогда он приближается к ним и шепчет каждому из них на ухо:

— Что ты видишь?

— Я вижу много деревьев, птицу на дереве и ее глаза.

Дрона подходит к другому ученику.

— Я вижу одно дерево, сидящую на нем птицу и ее глаза.

Он подходит к третьему. Он говорит:

— Я вижу только птицу.

Он подходит к четвертому.

— Я вижу только глаза этой птицы.

Дрона сказал, что стрела должна попасть в правый глаз этой птицы; это цель.

В конце концов он подходит к Арджуна и спрашивает его. Арджуна отвечает:

— Я вижу только правый глаз этой птицы, и больше ничего.

В каком-то смысле Арджуна более сконцентрирован, но он перестал осознавать целое — только острие сознания.

Когда я говорю о сознании, это не то сознание, которое необходимо в стрельбе из лука. Я говорю о совершенно другом явлении: рассеянное сознание, не сконцентрированное, потому что концентрация утомительна, напряженна, и рано или поздно ты снова сползешь в бессознательность. Ничто утомительное не может продолжаться долго.

Сознание должно быть расслабленным; оно должно быть равнозначным раскрытию. Ты просто открыт ко всему, что происходит. Я говорю с тобой, мимо проезжает поезд, далекий крик кукушки... и ты все это осознаешь. Ты открыт для всех измерений своего существа. Ты просто открыт и уязвим, бдителен, не спишь.

Это сознание, а бессознательное является его противоположностью. Ты не открыт для всего, ты закрыт. Ты погружен в своего рода сон — метафизический сон. Все будды во все века боролись с метафизическим сном.

Однажды Джордж напился в баре, и, ковыляя домой, он пытался сообразить, как скрыть свое не очень трезвое состояние от жены. Он решил, что он придет домой и начнет читать, потому что кто слышал о пьяном, который может читать? Он засмеялся, радуясь собственной сообразительности. Он решил, что лучше всего будет читать Библию! Добравшись до дома, он зашел в кабинет. Через несколько минут его окликнула жена:

— Что ты там делаешь так поздно?

— О, просто читаю, дорогая — читаю Библию, — ответил он небрежно.

Зная, что чтение не входило в круг его вечерних занятий — и, конечно, никто никогда не видел, чтобы он читал Библию, — она поднялась и заглянула вовнутрь.

— Идиот! — закричала она. — Закрой этот чемодан и ложись в постель!

Когда ты пьян, что бы ты ни делал, все и всегда оканчивается плачевно.

Я слышал:

Мулла Насреддин однажды так напился, что подрался с другим пьяным, и теперь все его лицо было в синяках и ссадинах.

Он пришел домой среди ночи, посмотрел в зеркало и подумал:

— За, завтра утром мне придется несладко!

Как ему спрятать эти синяки и ссадины? Его жена обязательно узнает и скажет:

— Ты снова напился и подрался!

Что делать?

Ему в голову пришла отличная мысль. Он заглянул в аптечку и нашел мазь. Он намазал ей свои ссадины и синяки и радостно лег спать, зная, что наутро все будет не так плохо... и заснул.

Рано утром, когда он еще лежал в постели, его жена закричала из ванной:

— Кто намазал мазью зеркало?

Конечно, пьяный, пьяница, глядя в зеркало думает, что это его лицо. Это естественно; если ты несознателен, что бы ты ни делал, это будет неправильно.

Существует великое метафизическое опьянение. За многие, многие жизни оно стало на тебе огромной тяжестью. Ты жил несознательно так долго, что даже попытка прожить сознательно несколько минут кажется слишком трудной.

Ты любишь, твоя любовь бессознательна, и она становится ревностью, чувством собственности. Это

больше не любовь, потому что любовь не может быть бессознательной. Ты заводишь друзей лишь для того, чтобы сделать их врагами. Ты зарабатываешь деньги, чтобы быть счастливым, но к тому времени, как ты зарабатываешь деньги, ты становишься таким глубоко напряженным, полным тревоги, что в них нет никакой радости. Ты гонишься за властью, славой и однажды, если ты прикладываешь достаточно усилий, ты несомненно добьешься успеха. Ты становишься знаменитым, но тогда ты понимаешь, что став знаменитым, ты ничего не достиг. Все тебя знают, вот и все. Каждый знает твое имя, но как это сделает тебя счастливым? У тебя есть власть, но что ты будешь делать с этой властью?

В руках бессознательного человека все становится кислым, горьким, ядовитым, все становится глупостью. Дай ему какой-нибудь разумный совет, и он обязательно попадет не в те руки.

Молодая леди, которая вскоре собиралась выйти замуж, говорила со своей матерью о птичках и пчелках. В ходе разговора мать сказала ей, что ей не пришлось снимать с себя все, когда она легла в постель в первую брачную ночь. Когда они вернулись, жених спросил свою тещу:

— Есть ли в вашей семье сумасшедшие?

— Нет, а что?

— Весь медовый месяц ваша дочь спала в шляпе!

Люди обязательно сделают какую-то глупость. И именно это они делали с высказываниями будд. Они пишут комментарии, великие ученые труды, но из этого получаются полные глупости. Ими наполнены все библиотеки, все университеты. Сплошной мусор! И люди приносят в жертву ради этого всю свою жизнь, не делая вещи самой первой необходимости.

Ты не можешь быть мудрым, пока ты не станешь сознательным, пока ты не сломаешь старую привычку дей-

ствовать бессознательно. Ты должен де-автоматизировать себя.

Помочь могут простые вещи. Например, ты всегда ходишь быстро. Начни ходить медленно. Тебе придется быть бдительным; в то мгновение, когда ты потеряешь бдительность, ты снова начнешь идти быстро. Это небольшие средства: ходи медленно — потому что когда ты идешь медленно, тебе приходится оставаться сознательным. Как только ты теряешь сознательность, тотчас же старая привычка схватит тебя, и ты начнешь спешить.

Если ты куришь сигареты, сделай это очень медленным процессом, настолько медленным, чтобы он перестал быть автоматическим. Иначе не люди курят сигареты — сигареты курят людей! Они не осознают, что они делают. Очень бессознательным образом они засовывают руку в карман, достают пачку, сигарету и спички. Они проделывают все эти движения, но они не бдительны. Они могут думать о тысяче и одной вещи. Фактически, чем более они бессознательны, тем больше они курят. Когда они более тревожны, напряжены... обеспокоены, они склонны курить больше; это помогает им прикидываться, что они расслаблены.

Сделай это медленным процессом. Вынь сигарету из кармана так медленно, как это только возможно, так сознательно, как это только возможно. Замедление процесса очень поможет. Подержи пачку в руке, посмотри на нее, понюхай ее, почувствуй ее поверхность. Затем открой ее очень медленно, как будто у тебя есть все время мира. Вынь сигарету, посмотри на нее со всех сторон. Положи ее в рот... подожди! Затем достань спички — снова делая все эти медленные движения. Затем медленно начни курить... вдыхай дым очень медленно, выпускай его очень медленно.

И ты будешь удивлен: если ты курил двадцать четыре сигареты в день, ты будешь курить, самое большее, шесть; их количество сократится в четыре раза. И малопомалу ты будешь курить только две, одну, и однажды ты

найдешь, что все это так глупо! Все же ты можешь продолжать носить в кармане сигареты еще несколько дней, на всякий случай — но с этим покончено, это де-автоматизировано.

Это один из величайших вкладов Будды в психологию человека: процесс де-автоматизации, замедления.

Будда обычно говорил своим ученикам:

— Ходи так медленно, как это только возможно, ешьте так медленно, как это только возможно. Жуйте каждый кусок сорок раз и продолжайте считать про себя: один, два, три, четыре, пять — сорок раз. Когда еда больше не твердая, а жидкая... Не ешьте, пейте.

Это значит, сделайте пищу такой жидкой, чтобы ее можно было не есть, а пить. И он помог стать сознательными тысячам людей.

Ты бессознателен, хотя ты и считаешь себя сознательным... Это как если ты смотришь сон, в котором ты ходишь по рынку. Ты просыпаешься во сне, но твое пробуждение во сне это лишь часть твоего сна — ты бессознателен.

Больно признавать: «Я бессознателен», но первый шаг к тому, чтобы стать сознательным, это признать: «Я бессознателен». Само это осознание запускает в тебе процесс.

Четвертый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Случается ли любовь лишь тогда, когда захочет, или есть что-то, что можем сделать мы, чтобы позволить ей: отпустить, раскрыться?*

*Мадхума,
Положительно ничего нельзя сделать; отрицательно можно сделать многое. Тебе придется научиться тому, что*

такое отрицательное действие. Лао-цзы называет его *вувэй*: действие без действия, усилие без усилия. Это одна из самых важных вещей, которым нужно научиться. Мы знаем, как делать вещи; это положительный, агрессивный, мужской способ.

Есть другой подход, более тонкий, более грациозный, более женственный: быть в состоянии позволения, быть в состоянии сдачи и позволить существованию течь через себя. Это действие через недействие. В каком-то смысле оно отрицательно, потому что ты ничего не делаешь.

Сидя в молчании, ничего не делая, приходит весна, и трава растет сама по себе.

Это секрет медитации: сиди в молчании, ничего не делай. Жди... Терпеливо жди. Жди в глубоком доверии, что существование позаботится о тебе, что когда ты готов и зрел, ты наполнишься любовью, и эта любовь переполнит тебя. Приходит весна... это значит, что всему свое время. Ты не можешь получить этого раньше времени, тебе нужно достичь определенной зрелости.

А величайшей зрелости можно достичь, научившись действию, которое бездейтельно в своей основе, действию, которое является не действием, а состоянием бездействия. Ты остаешься доступным; если Бог зовет тебя, ты готов. Ты слушаешь — это настоящая молитва. Когда ты что-то говоришь Богу, это не настоящая молитва; ты пошел в действие, ты стал агрессивным.

Настоящая молитва случается, когда ты слушаешь Бога, ты становишься ушами. Ты просто слушаешь каждый фибром своего существа; каждая твоя клетка просто ждет: «Если он позовет, я буду готов. Если я нужен ему, у него есть ко мне доступ». Ты остаешься незанятым, чтобы быть доступным. Ты остаешься без мыслей, чтобы ты мог услышать его без искажений.

Служанка, которая, как казалось, была довольна своей работой, однажды неожиданно подала на увольнение.

— Почему вы хотите уйти? — спросила ее хозяйка. — Что-то не так?

— Я больше не могу терпеть этого ожидания в этом доме, — ответила девушка.

— Ожидания? Что это значит?

— Над моей кроватью висит надпись: «Бди, ибо не знаешь, когда придет Хозяин».

Это высказывание, это красивое высказывание — «Бди, ибо не знаешь, когда придет Хозяин», — одно из величайших высказываний Иисуса Христа. Но для бедной, несознательной служанки оно имеет другое значение, совершенно другое — очень искаженное значение, значение, которое придала ему она.

Вот что постоянно происходит с тобой: божественное зовет тебя, приходит весна, но оно застает тебя таким занятым, что трава не может расти сама по себе; оно застает тебя таким обремененным, таким наполненным самим собой, что оно не может в тебя войти — оно не находит в тебе никакого пространства. А ему нужно огромное пространство. Ты должен быть очень просторным, ты должен быть абсолютно пустым — лишь тогда божественное может спуститься в тебя.

Любовь есть не что иное, как божественность, подходящая к тебе ближе и ближе. Лучи божественности — вот что такое любовь.

Ты спрашиваешь меня: «Случается ли любовь только тогда, когда захочет?»

Вопрос не в том, чтобы захотело божественное — оно *всегда* готово случиться с тобой, — не готов лишь *ты*. То, что нужно с твоей стороны, это не агрессивное действие; то, что нужно с твоей стороны, это стать женственным, восприимчивым, пассивным. Впусти его вовнутрь: оно стучится в твои двери.

Иисус говорит: Проси, и тебе будет дано. Ищи и найдешь. Стучи, и двери откроются перед тобой.

Я говорю тебе: Оно стучится в твои двери — пожалуйста, оставь их открытыми. Оно ищет тебя, а ты прячешься. Оно спрашивает, но ты не отвечаешь.

Не только человек ищет божественное — фактически, божественное постоянно ищет человека. Но оно никогда не находит тебя, потому что ты никогда не сейчас, ты никогда не здесь. Ты всегда где-то в другом месте.

Мулла Насреддин говорил с одним из своих друзей.

— Как прошла твоя прошлая ночь? — спросил друг.

— Это была прекрасная ночь! — ответил Мулла. — Мне снилось, что я пошел в гостиницу «Тадж Махал», и я никогда в жизни не ел такой вкусной еды. Я наслаждался этой ночью, этим сном. Я все еще почувствую аромат еды, я все еще чувствую радость. Эти сны все еще вокруг меня.

— Это ерунда! — сказал друг. — Вот почему я спросил тебя о прошлой ночи: прошлой ночью мне снилось, что я плыву на лодке по морю, и со мной Софи Лорен — голая, совершенно голая!

Мулла внезапно очень разозлился и сказал:

— Что ты за друг? Почему ты не позвал меня?

— Я звонил, — ответил друг, — но твоя жена сказала, что ты ушел в «Тадж Махал»!

Тебя никогда нет дома. Бог продолжает звать тебя, но ты всегда где-то в другом месте: в гостинице «Тадж Махал», «Оберой», «Блю Даймонд»... где-то в другом месте. Тебя никогда нельзя застать дома. Когда бы он к тебе ни пришел, тебя там нет — потому что бог знает только настоящее время; он понятия не имеет о прошлом и будущем. Сейчас это для него единственная реальность, а ты абсолютно не осознаешь сейчас.

Ты наслаждаешься, ты вспоминаешь с большой радостью... старые времена, свое детство, свою юность. Ты всегда движешься назад, в свои воспоминания, или в «еще не», будущее, и воображаешь, проецируешь. Но ты никогда не сейчас.

Маленький промежуток между прошлым и будущим это единственное реальное время. Оно не принадлежит к твоему времени, оно принадлежит вечности. Лишь в это мгновение божественное может проникнуть в тебя. Лишь в это мгновение случается любовь, приходит весна. Весна всегда здесь, сейчас; она никогда не там и тогда.

Любовь это близость к божественному, которая чувствуется в сердце. Будь доступен, Мадхума. Будь открытым и уязвимым. Не живи, заковав себя в броню. Именно твоя броня, твои меры безопасности и предосторожности, твои стратегии разрушают тебя. Будь невинным, будь подлинным, будь правдивым, кем бы ты ни был. Тогда ты сможешь увидеть то, что есть, узнать то, что есть. И видение того, что есть, создает любовь, высвобождает энергию твоей любви.

В древнееврейском языке слово «бог» просто значит «то, что есть». Это сокращение; оно означает саму реальность.

Но человек продолжает искажать писания, слова, язык — все. Из-за своей рассеянности, из-за своих предрассудков, концепций, знаний ты остаешься невежественным.

В первую ночь медового месяца невеста надела прозрачную ночную рубашку и забралась в постель — лишь чтобы обнаружить, что ее муж собирается спать на кушетке.

— Джордж, — позвала она. — Ты не собираешься заняться со мной любовью?

— Я не могу, дорогая, — ответил он. — Сейчас Великий Пост⁴.

— Это ужасно! — воскликнула она, заливаясь слезами. — Кому и насколько?

⁴ Игра слов: англ. «It is Lent»: «Сейчас Великий Пост», звучит как «It is lent»: «Сдано в аренду».

Рассеянный ум не может видеть того, что есть, не может слышать того, что есть, не может чувствовать того, что есть. Рассеянный ум живет в своем собственном мире. Будда называет этот мир настоящей проблемой: мир, созданный твоим собственным умом. Отрекись от этого мира, отрекись от ума! И, Мадхума, ты будешь переполнен любовью, переполнен Богом, затоплен. Это неистощимый источник; ты можешь продолжать делиться им, но ты не можешь его исчерпать. *Эс дхаммо санантано* — таков высочайший, неисчерпаемый закон, закон вселенной.

Пятый вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Сказал ли Ты сегодня, что путь медитации — для людей мужского духовного типа? Я в замешательстве, потому что Будда, Лао-цзы и все эти люди кажутся более женственными. Пожалуйста, объясни.

Ананд Дхармен,
Ты прав и в то же время неправ. Ты прав, потому что Будда и Лао-цзы женственны, но они женственны, когда они достигли высшего пика медитации — на этой вершине они женственны. На этой вершине женственны все, мужественна лишь божественность. На вершине божественность это «он», а все остальные — «она».

Есть прекрасная история о великой женщине-мистике Индии, Мире. Она действительно была безумно преданной, безумной *бхактой*, в великом экстазе и любви с божественным. Она была королевой, но стала танцевать на улицах. Семья отреклась от нее. Ее семья пыталась ее отравить — сама семья, — потому что она была позором королевской семьи. Ее муж был смущен, очень смущен, особенно в то время. Эта история относится к одной из самых

традиционных частей этой страны, Раджастану, где веками никто не видел лица женщины; они прятали лица, всегда прятали лица. Даже муж мог не узнать свою жену при свете дня, потому что они встречались только ночью, в темноте. В те дни, в климате такой глупости, в такой атмосфере королева начала танцевать на улицах! Собирались толпы, но она была так опьянена божественным, что ее сари падало на землю, ее лицо было открыто, ее руки были открыты. И семья, естественно, была очень встревожена.

Но она пела прекрасные песни, самые красивые песни, которые только слышал мир, потому что они исходили из самого ее сердца. Они не были сочинены, это были спонтанные излияния.

Она была преданной Кришны, она любила Кришну. Она сказала своему мужу:

— Не продолжай считать, что ты мой муж — мой муж Кришна. Ты не мой муж, ты лишь бедный заменитель.

Король был в большом гневе. Он изгнал ее из королевства; ей не разрешалось вступать на территорию королевства. Она пошла в Мадхуру, в город Кришны. Кришна умер тысячи лет назад, но для нее он был так же жив, как и всегда. Это таинство любви: она трансцендирует время и пространство. Кришна не был для нее просто идеей, он был реальностью. Она разговаривала с ним, спала с ним, обнимала его, целовала его. Никто больше не мог его видеть, но она чувствовала его.

Кришна представлял для нее сам дух существования, то, что Будда называл *дхаммой*, законом. Это мужественная форма, мужественное выражение: закон. Мира называет Кришну: «мой любимый» — не законом, а любовью; это женственное сердце.

Она пришла в Мадхуру; там был один из величайших храмов Кришны. Главный священник этого храма принес обет, что он никогда в своей жизни не посмотрит на женщину; тридцать лет он не видел женщин. Ни одной женщине не разрешалось входить в храм, и он никогда не выходил из храма.

Когда туда пришла Мира, она стала танцевать у дверей храма. Охранники были очарованы, загипнотизированы, и они забыли ее остановить. Она вошла в храм; она была первой женщиной, которая вошла в этот храм за тридцать лет.

Главный священник поклонялся Кришне. Он был взбешен. Он закричал на нее:

— Убирайся отсюда! Женщина, убирайся отсюда! Разве ты не знаешь, что женщинам не разрешается сюда входить?

Мира рассмеялась и сказала:

— Насколько я знаю, женщины это все, кроме божественности — и ты тоже! Тридцать лет ты поклонялся Кришне, и ты все еще думаешь, что ты мужчина?

Это открыло глаза главному священнику; он упал к ногам Миры. Он сказал:

— Никто мне этого раньше не говорил, но я вижу это, я чувствую — это правда.

На высочайшей вершине, следуешь ли ты пути любви или пути медитации, ты становишься женственным. Поэтому ты прав, Дхармен, в том, что Будда, Лао-цзы и все эти люди кажутся женственными, потому что ты знаешь их, лишь когда они уже достигли высочайшего пика. Но ты не знаешь их пути, ты не знаешь их путешествия. Их путешествие мужественно, не женственно.

Еще одна история поможет тебе:

Один король был очень заинтересован идеями Моисея; это было при жизни Моисея. Король сказал придворному художнику:

— Иди и напиши абсолютно реалистичный портрет Моисея, таким, какой он есть. Я хочу, чтобы эта картина всегда была в моей спальне.

Художник отправился в путь. Ему потребовалось шесть месяцев, чтобы написать действительно реалистичный портрет. Но когда он вернулся с картиной, король был

озадачен, весь его двор был озадачен, потому что лицо Моисея было лицом убийцы, вора, преступника.

Он сказал:

— Ты говоришь, что это тот портрет, который ты написал за шесть месяцев? Лицо похоже на Моисея, но это не может быть его лицо. Я знаю этого человека, я видел его своими глазами! Да, внешние линии в точности похожи на его лицо, но жест, выражение не похожи на Моисея!

— Но ты сказал мне быть реалистичным, — ответил художник, — поэтому я не создавал вокруг него никакого вымысла. Он такой, как я его нарисовал; это точная репродукция. Теперь я больше ни за что не отвечаю. Если ты находишь в этом какие-то трудности, спроси Моисея.

Художник, король и его двор отправились в путь. Они пришли к Моисею, принесли ему картину, и король сказал:

— Господин, я знаю тебя много лет — и ты всегда был самым милосердным человеком в мире. Возможно, больше не будет человека такого милосердия... а эта картина! Мой художник — великий художник, в этом нет сомнений. Он никогда не делал таких промахов. Он писал моего отца, мою мать и тысячи других картин — он писал мой портрет. И он был абсолютно точен, что бы он ни делал. Но этой картиной я не удовлетворен — и не только не удовлетворен, я в гневе. Твое лицо выглядит как лицо убийцы, вора, преступника.

— Вы оба правы, — сказал Моисей. — Теперь, глядя на меня, ты увидишь грацию. Но твой художник рисовал с такой точностью, что он написал в этом портрете всю мою жизнь. Да, впервые я сознаюсь: однажды я убил человека. Я убийца. Я никогда никому этого не говорил. И я был в прошлом всем тем, что нарисовал твой художник; все это оставило тонкие следы на моем лице. Ты этого не видишь, потому что у тебя нет глаз, которые есть у твоего художника. Поэтому твой художник прав: он изобразил всю мою историю. Это не только мое сегодняшнее лицо, но и все лица, которые у меня были раньше. И ты также прав, по-

тому что они никак не связаны с моим сегодняшним лицом — но я должен согласиться с твоим художником.

Это очень значительная история. На вершине человек трансформирован, но на пути он может быть совершенно другим человеком.

Да, я действительно сказал, что путь медитации для людей мужского духовного типа. В Индии буддисты и джайны следовали пути медитации. Все двадцать четыре *тирпханкары*, великих мастера джайнов, были воинами. Они принадлежали к касте *кшатриев*, к касте воинов; они не были браминами. Сам Будда не был брамином; он был *кшатрией*, воином. Эти воины следовали пути медитации; они были мужественны, как это только возможно. Все их воспитание было воспитанием воинов. Но на самой вершине, несомненно, они были трансформированы: они стали женственными. Нельзя найти более женственного человека, чем Будда. Они стали такими женственными, такими мягкими, такими уязвимыми, такими красивыми, такими грациозными, такими округлыми — они утратили все острые углы, всю грубость. Они стали подобны цветам лотоса — на востоке их рисовали без бороды, без усов.

Видел ли ты когда-нибудь статую Будды с усами и бородой? Дело не в том, что ему не хватало каких-то гормонов, чтобы отрастить бороду. Я прекрасно знаю его — у него была прекрасная борода! Но мы оставили ее за кадром, потому что она не представляет его внутреннюю реальность. Его внутренняя реальность стала такой женственной, что нам пришлось привести внешнее лицо в соответствие с внутренним. Внутреннее не может быть нарисовано; его можно нарисовать лишь символически. Вот почему Рама, Кришна, Махавира, Будда — никого из них не рисуют с усами, с бородой, — нет.

И еще одно: никого не рисовали лысым. А я прекрасно знаю, что все они были лысые! Но женщины не лысеют, поэтому у них отняли усы и бороды, а вместо этого добавили волосы на их лысины — может быть, это те же

самые волосы, если отнять их из бороды и усов и приложить к лысине.

Поэтому в твоем вопросе, Дхармеш, есть своя правда, и все же ты неправ. Человек на пути это одно, а тот же человек на вершине это совершенно другой человек, трансформированный, прошедший мутацию.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Мне семьдесят лет, и у меня вызывает смущение то, что во мне все еще есть стремление к сексу. Что мне делать?*

*Д*жагат Нарайан,
Первое что нужно сделать, это принять это стремление. Не отказывайся от него, не отрицай его, не подавляй его. Именно из-за подавления оно продолжается; должно быть, в молодости ты слишком много подавлял.

Однажды это случилось:

Когда я был в Нью-Дели, ко мне привели одного молодого монаха; должно быть, ему было не больше тридцати пяти. Он жил в абсолютном безбрачии. Он сказал мне:

— Лишь еще несколько лет мне придется бороться с сексуальным желанием. Можешь ли ты сказать мне, — спросил он меня, — сколько еще лет на это уйдет? Мне тридцать пять. Я начинаю уставать от этой постоянной борьбы. До сих пор я добивался успеха — сколько еще лет?

— Лучше меня не спрашивать, — сказал я, — потому что главная проблема тебе еще предстоит. Настоящая проблема еще не произошла; она случается в возрасте сорока двух лет.

— Что ты имеешь в виду?

— Сейчас ты молод, полон энергии, силы — ты можешь подавлять свое сексуальное желание. Но после сорока двух лет ты становишься слабее; мало-помалу с каждым днем ты становишься слабее. Ты станешь слабым, но подавленное сексуальное желание, накопленное за все эти годы, будет очень сильным. Энергия, которая подавляет его, будет слабее, а энергия, которая подавлена, будет сильнее и сильнее с каждым днем. Настоящая проблема начнется после сорока двух лет.

— Никто никогда не говорил мне этого. Люди говорят, что если ты доживаешь до сорока двух лет, и тебе удастся сохранять безбрачие, проблема исчезает.

— Они ничего не знают, они не знают, как движется энергия. Подавляющий слабеет, а подавляемое никогда не слабеет, потому что подавляемое накапливается.

Через десять лет, когда ему было сорок пять, он снова пришел ко мне. Это было в Амритсаре. Он коснулся моих ног, заплакал и сказал:

— Ты был прав. Сейчас я на грани срыва. Сейчас этот импульс интенсивен как никогда, а я не в состоянии бороться. Я устал, я ослаб, я потерпел поражение. Ты был прав, но я не слушал тебя. И все те люди, которые говорили мне, что после сорока двух лет проблема исчезнет, либо обманывали меня, либо обманывали себя, либо совершенно не знали, не осознавали того, как действует энергия.

Джагат Нарайан, должно быть, ты подавлял. Именно так воспитывают людей, в особенности в Индии: религиозный человек этот тот, кто подавляет все свои естественные желания. Теперь тебе семьдесят лет, и тебя должна действительно смущать такая инфантильность. Чем старше ты становишься, тем более это будет тебя смущать, но тем более это будет настойчивым. Ты станешь одержим сексом двадцать четыре часа в сутки. И это то, что сделало с тобой твоё общество: общество создало в тебе некоторую раздвоенность, ты стал отделенным от своей собственной природы.

Даже сейчас еще не поздно. Не беспокойся и не чувствуй смущения. Почему? Если Бог дал тебе секс и стремление к нему, это совершенно правильно, это божественно. Ты не создал его — почему ты чувствуешь смущение? Это инстинкт.

Если ты действительно хочешь смущаться, пусть тебя, что ты индуист, что ты семьдесят лет позволял этим глупцам, этим священникам управлять тобой. Пусть тебя смущает то, что ты не был достаточно разумен, чтобы выбраться из этой тюрьмы, в которой ты случайно родился. Пусть тебя не смущает секс и стремление к нему — это естественно. Но индуизм не естествен, ислам не естествен. Пусть тебя смущает то, что семьдесят лет ты причинял такой вред своей природе.

Прими свою сексуальность, скажи ей да — потому что только говоря ей да возможно выйти за ее пределы. Да это трамплин. Без да ты не можешь достичь другого берега; да становится лодкой.

Но у меня такое чувство, что ты все еще говоришь нет. Не будь таким индуистом, не будь таким фанатиком, не будь таким идеалистом. Будь немного более реалистичным.

Жена Тони умерла, и он был почти безутешен. На кладбище он согнулся от горя. Когда он ехал в машине домой, все его тело сотрясали горькие рыдания.

— Тони, Тони, мой мальчик, — утешал его друг. — Все не так плохо. Я знаю, сейчас это трудно, но через полгода, возможно, ты найдешь другую красотку и не успеешь оглянуться, как снова женишься.

Тони обернулся к нему в ярости:

— Полгода! — закричал он. — А что я буду делать сегодня вечером?

Ты смеешься над Тони, но он более естествен. Его это не смущает, он это принимает.

Джагат Нарайан, хотя тебе и семьдесят лет, но твоему сексу, поскольку он каким-то образом остался не воплощенным, не семьдесят лет, ему семнадцать! Теперь тебе предстоят трудности: тебе семьдесят лет, а твоему сексу семнадцать. Но если ты примешь его, если ты обнимешь его, если ты примешь его естественно, все же еще не поздно.

На востоке у нас есть поговорка: Даже если ты приходишь домой, когда садится солнце, еще не поздно...

Восьмидесятилетний Уилл Джонс приковывал в местный бар, чтобы промочить горло и поболтать с друзьями. Мистер Джонс занимал внимание всего города, так как недавно он женился на красивой девятнадцатилетней девушке. Несколько друзей угостили его выпивкой, чтобы попытаться вытянуть из него рассказ о брачной ночи. И правда, старый мошенник легко попался на эту уловку.

— Мой младший сын принес меня в постель к моей молодой невесте. Мы провели вместе ночь, и тогда трое моих старших сыновей унесли меня с кровати.

Друзья почесали в затылке и спросили старика, почему на то, чтобы унести его, потребовалось три сына, а чтобы принести только один.

— Я сопротивлялся! — ответил он гордо.

Джагат Нарайан, наберись храбрости! Не смущайся. По крайней мере, глубоко внутри прими это, даже если ты и не можешь двигаться в сексуальную связь. Само принятие — я имею в виду тотальное принятие, ничто меньшее не поможет, — если ты примешь тотально, само принятие излечит рану. Возможно, не будет необходимости двигаться в сексуальную связь. Это может быть даже опасным; это может создать для тебя больше проблем, чем их будет решено.

Я слышал:

Однажды днем в пятницу пара пришла в дворец бракосочетания и зарегистрировала брак. Мужчине было около восьмидесяти, а девушке было двадцать два. Затем они приехали в гостиницу, чтобы провести медовый месяц. Они провели вместе оживленный вечер.

На следующее утро жених поднял штору, посмотрел наружу, закрыл штору и вернулся в постель.

На следующее утро, в воскресенье, представление повторилось. Жених поднял штору, выглянул в окно на мгновение, затем опустил ее вниз и вернулся к невесте.

На третье утро, когда он поднял штору, он взлетел вместе с ней.

Это опасно! Не сердись на меня за то, что я не предлагаю тебе найти себе красотку, лучше не надо! Возможно, ты для этого слишком стар. Но никто не слишком стар для того, чтобы принять то, что он отвергал. Перестань это осуждать — уважай свою природу.

И мое наблюдение таково, что в то мгновение, когда ты принимаешь что-то тотально, само принятие приносит революцию, радикальные перемены. Это твоя энергия — прими ее. Это сделает тебя сильнее. Отвергни ее, и ты будешь слабым. Борьба со своей собственной энергией значит рассеивать ее. Борьба со своим сексом отнимет у тебя столько времени и энергии — когда ты собираешься обратиться к божественному, которое стучится к тебе в двери?

Прекрати бороться, прекрати бороться абсолютно. Начни уважать. Отбрось осуждение. Ничто не грешно — по крайней мере, не секс. Это естественное явление. Если людям позволить прожить его естественно, тогда к возрасту четырнадцати лет он переполнит тебя. Но в неестественном обществе он переполняет людей раньше времени.

Знаете ли вы, что в Америке дети достигают полового созревания раньше? В любой другой стране мальчики достигают полового созревания в четырнадцать лет; в

Америке — в тринадцать или двенадцать. Вокруг слишком много секса: в фильмах, по телевизору, везде.

Маленький мальчик — должно быть, шести или семи лет, — сидел на ступеньках дома и плакал.

Мимо прошел старик и спросил:

— Почему ты плачешь, сынок?

Он захотел помочь мальчику. Он сел рядом с ним, вытер его слезы платком и сказал:

— Почему ты плачешь? Что случилось?

— Я плачу, потому что я не могу делать то, что делают другие ребята.

И старик тоже заплакал!

Маленький мальчик был удивлен. Он сказал:

— Дедушка, а почему *ты* плачешь?

— Я тоже не могу делать то, что делают другие ребята. У нас одна проблема.

В Америке люди становятся сексуально одержимыми раньше времени. Это уродливо, это патологично, это преждевременно. В Индии происходит в точности противоположное: люди остаются заинтересованными в сексе, когда им семьдесят, восемьдесят, девяносто. Возможно, они этого не говорят — Джагат Нарайан, ты, по крайней мере, подлинный, смелый, — но они остаются одержимыми им.

В естественном обществе дети становятся переполненными сексом в возрасте четырнадцати лет, — прекрасная энергия, — и к сорока двум эта энергия внезапно исчезает так же, как она появилась в четырнадцать. Если человек живет естественно, без вмешательства священников... священников, которые против секса и которые за секс — избегайте их обоих! Если человек живет естественно, между четырнадцатью и сорока двумя годами сексуальная энергия даст ему огромную радость, великий опыт экстаза, первые проблески божественного и самадхи. И к

тому времени, как он исчезает, он оставляет тебя спелым, зрелым, центрированным, укорененным.

Прямо сейчас ты можешь сделать только одно: прими его тотально, поглоти его. Еще не поздно, хотя солнце уже и садится. Если ты можешь прийти домой, если ты можешь стать естественным и спонтанным с самим собой, подлинным, правдивым, по крайней мере, с собой, ты сможешь встретить божественное с улыбкой. Ты сможешь войти в смерть с танцем, с песней.

А смерть, которую приветствуют танцем и песней, это вообще не смерть. Она становится дверью в бессмертие, она ведет тебя в бессмертие.

На сегодня достаточно.

Ошо

Дхаммапада: Мир в огне

Книга выпущена по заказу
Московского медитационного
центра НИРВАНА

Главный редактор

Свами Випи Пуджа

Перевод

Ма Прем Пуджа

Оригинал-макет и оформление

Ма Прем Пуджа

Формат 60x88/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman Cyr». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч. — изд. л. 19,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3903
Цена договорная.
Лицензия № 062411 от 11.03.94.

Отпечатано с оригинал — макета
в Московской типографии "Наука"
Москва, 121099, Шубинский пер., д.6.

В 1998 году выйдут книги Ошо-33-55

1-33 Дхаммапада 2	11-43 Сутра сердца
2-34 Йога-6	12-44 Скрытая гармония
3-35 Я говорю вам 1	13-45 Окултные тайны
4-36 Дхаммапада 3	14-46 Тайна
5-37 Психология Эзотерического	15-47 10 веков дзен
6-38 Бог умер	16-48 Путь без пути
7-39 Высшая доктрина	17-49 Прямая передача
8-40 Я говорю вам 2	18-50 Вигьян Бхайрав Тантра
9-41 Унио мистика	19-51 Божественная мелодия
10-42 Искусство умирать	20-52 Проблески...автобиография

